

ПБ₂₁ 724

СКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА

7

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

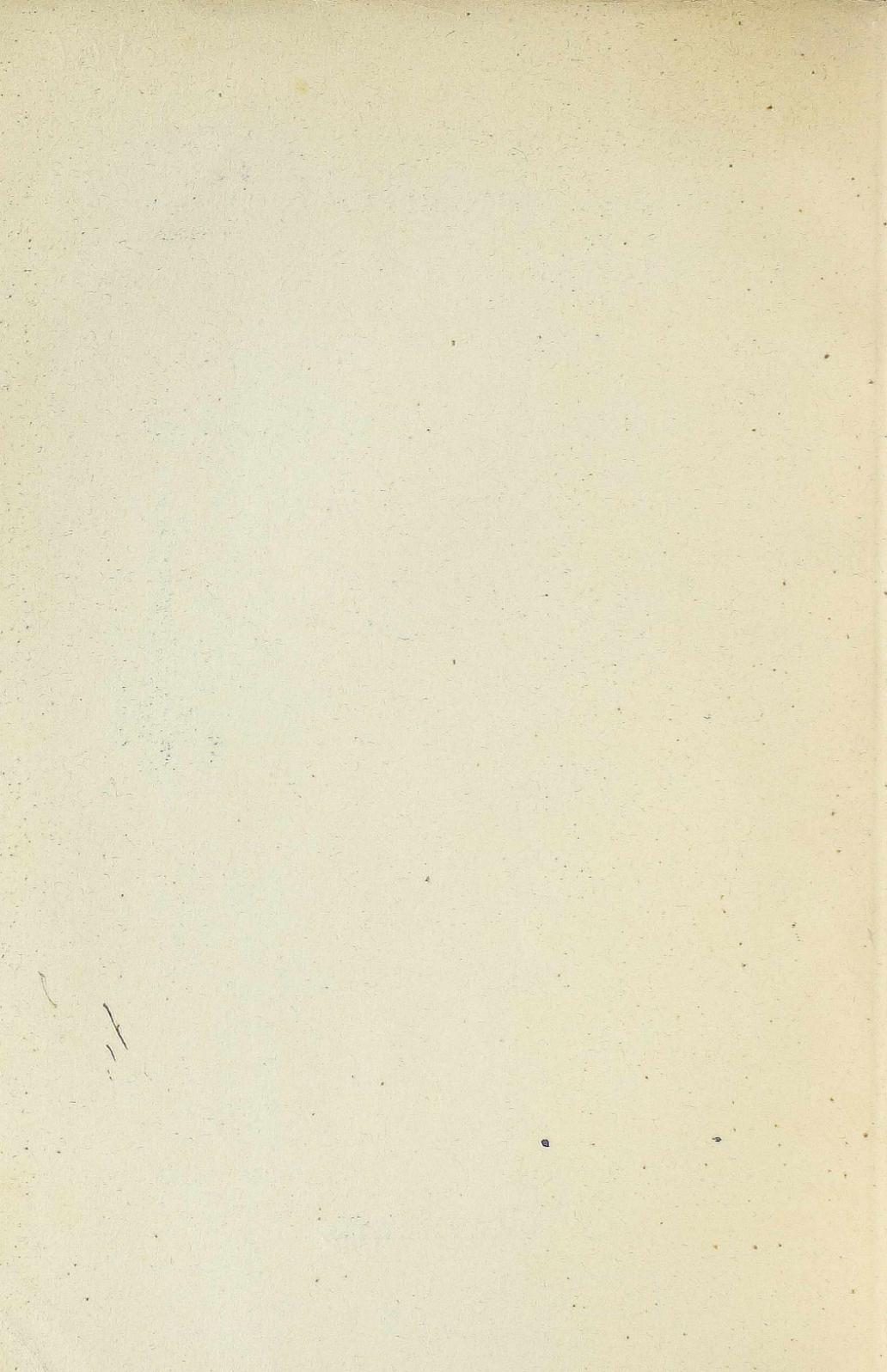
ИЗБРАННЫЕ

РАЗСКАЗЫ

1904—1927

БЪЛГРАДЪ

1929

ЛБ₂₁ 724

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Глубоко уважаемому
Александру Ивановичу
Бѣлину

Избранные рассказы.

1904 — 1927.

— добрая память о сестре
Тябровскомъ Бѣлину
1928 года.

Борисъ Зайцъ

2 окт. 1929.

Парижъ.

БѢЛГРАДЪ
1929.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА
СВ. САНДИЧКИ - БЕОГРАД
Б. н. бр. 727

Печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ.

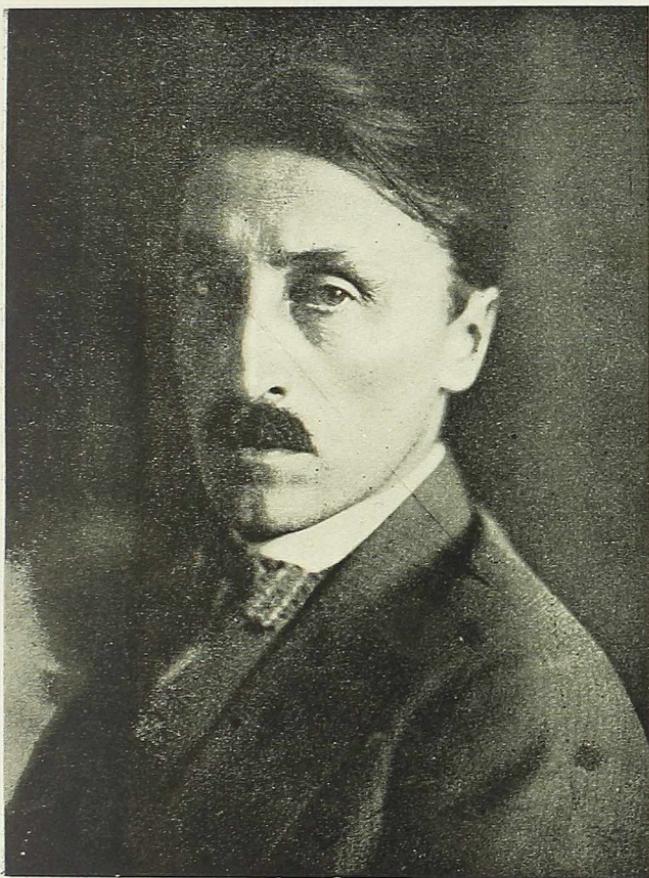

Борис Жуковский.

6 111 727

Печатается в количестве 2.000 экземпляров.

Бор. Зайцев.

Тихія зори.

То лѣто я жилъ въ городѣ. Днемъ работалъ, а къ вечеру возвращался въ полупустую квартиру. Я не велѣлъ снимать портьеръ на лѣто, и онѣ висѣли прямыми складками, чуть запыленные и меланхоличныя. Тонкая, палеваго оттѣнка пыль проникала снаружи: она занавѣшивала своимъ нѣжнымъ налетомъ все внутри; казалось, будто все здѣсь облежала воздушная кисея.

Среди этихъ большихъ, свѣтлыхъ комнатъ я жилъ уединенно, никого не видя, кромѣ старушки-прислуги, никуда не стремясь.

Въ одинъ изъ тихихъ лѣтнихъ вечеровъ, почти у подъѣзда своего дома, я встрѣтилъ Алексѣя Золотницкаго, стараго друга. Я встрѣтилъ его при тяжелыхъ обстоятельствахъ, — больного, измученнаго. Мы обнимались, цѣловались на улицѣ, и я сейчасъ же повелъ его къ себѣ наверхъ.

— Какъ я радъ, — говорилъ онъ, улыбаясь своей все той же давнишней, свѣтло-печальной улыбкой. — Какъ хорошо, что я тебя нашель!

Я обнялъ его за талію и помогаль всходить. Взбираться было высоко, онъ ступаль съ усиліемъ, и на площадкахъ останавливался, переводя духъ.

У меня въ передней онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ, отдыхая: потомъ мы вмѣстѣ, все такъ же подъ руку, обошли мою пустынную квартиру.

— Ну вотъ, мы будемъ жить здѣсь, я никуда не отпущу тебя отсюда!

Мы вышли на балконъ; отсюда, съ высоты, было видно далеко, и древній, любимый мой городъ шелъ къ горизонту и тонулъ колокольнями въ синевѣ. Солнце садилось. Неясныя — то пыльно-золотистыя, то паутинныя полосы растягивались надъ городомъ. Темно зеленѣли сады пятнами по склону вдали, кой-гдѣ ярко блестяжи гучими нитями телеграфныя проволоки, ястреба рѣяли въ воздухѣ. Кресты и купола горѣли.

— Больше года назадъ я потерялъ здѣсь жену, — говорилъ я: — и она, и я, мы родились здѣсь, здѣсь я любилъ ее и былъ счастивъ. Здѣсь ее отняли у меня; здѣсь я страдалъ и погибалъ — умру, вѣрно, тоже здѣсь.

Мы молчали долго. Вечерѣло. Алексѣй сѣлъ въ кресло.

— У тебя здѣсь какъ-то чинно въ квартирѣ, какъ-то важно, торжественно. Но хорошо... и внизу тамъ тоже хорошо!

Внизу подъ нами былъ переулокъ, тихій и старый. Налѣво въ немъ подымалась церковка — почти до той же высоты, на какой были и мы. Она тоже была старая и смирная церковь; сейчасъ, въ зачинавшемся оранжевомъ полусумракѣ, она вычерчивалась тонкимъ и благороднымъ силуэтомъ на небѣ, и въ этой русской ея незамѣтности, въ пирамидѣ надъ колоколами, въ городкахъ, глубоко уходившихъ въ пирамиду — было что-то вѣковое; почти черныя, юльскія липы охватывали ее кольцомъ; онѣ цвѣли; ихъ сладкій запахъ шелъ оттуда струями и растекался по переулку.

Мы сидѣли и разговаривали. Темнѣло. Церковь съ липами сливалась въ одно, и липы стали еще чернѣй.

— Алексѣй, — говорю я: — я не вѣрю въ твою болѣзнь!

Онъ улыбается.

— Не вѣрь. Но она есть.

Я гляжу въ церковный садикъ. Тамъ мы бродили съ ней разъ поздней ночью, и тихій красный огонекъ виднѣлся въ церкви тогда; за рѣшетчатымъ, важнымъ окномъ онъ

мигаль, пустынный и жуткій. Вспомнилось вдругъ, какъ тогда, сразу и у меня и у ней, прошло подъ сердцемъ что-то ледяное, точно мы предчувствовали нѣчто, точно подъ той тихой церковью была бездонная, черная тѣма; мы прижались другъ къ другу и долго сидѣли въ томъ маленькомъ скверѣ, не говоря ни слова; а сумракъ ночи рѣялъ вокругъ.

Алексѣй какъ будто отгадалъ, о чемъ я думаю.

— А-а, — ты боишься. Боишься! А между тѣмъ, всѣ они не страшны, повѣрь, совсѣмъ не страшны.

Онъ все сидѣлъ въ креслѣ — большой, кроткій и усталый. Мы долго говорили съ нимъ въ тотъ вечеръ.

Въ моей памяти все это навсегда заняло свое мѣсто: спускавшійся на землю, будто живой, вѣщій мракъ, черныя липы вокругъ церкви и маленькій, припомнившійся огонекъ; самъ Алексѣй, неожиданный, дорогой гость, и его тихія слова въ мгlistомъ воздухѣ подъ трепетъ жуткаго, мерещившагося мнѣ свѣта; весь вечеръ на высотѣ, предъ ночью и небомъ.

II

Жизнь съ Алексѣемъ чрезвычайно радовала меня. Что-то дѣтское, давно отшедшее, вновь вошло въ эти комнаты. Алексѣй былъ тяжело боленъ, но могъ ходить и только временами страдалъ. Теперь я больше бывалъ дома, читалъ, говорилъ съ нимъ, иногда возилъ его въ паркъ и за городъ, но чаще вечерами мы бывали дома, въ прохладной большой комнатѣ съ балкономъ, отведенной ему.

Алексѣй былъ покоенъ.

— Мнѣ даже странно, что мы живемъ тутъ такъ, — какъ ждалъ я этой тишины... простыхъ, нѣжныхъ звуковъ, такого неба...

— Но все это въ тебѣ самомъ, ты вездѣ и всегда будешь такимъ.

III

Случалось, что по ночамъ онъ не могъ заснуть. Это

чувствовалось еще съ вечера по какой-то особенной сухости его тѣла, какъ будто слегка теряшаго въ вѣсѣ, по особенному, тихому возбужденію, какое я встрѣчалъ лишь у него. Тогда онъ будто отдѣлялся отъ своей болѣзни, терялъ различіе между днемъ и ночью, и часами могъ бродить по пустымъ комнатамъ, неслышно ступая туфлями и дожидаясь разсвѣта. Обыкновенно мнѣ сообщалось нѣчто въ этомъ родѣ, и даже старая моя прислуга Анѣиса нерѣдко просыпалась въ эти ночи бодрствованія, крестилась и шептала предъ своими лампадками.

Какія это были странныя, смутныя ночи! Разъ неожиданно Анѣиса принесла намъ кипящій самоваръ, и въ комнатѣ со сладковатымъ, душнымъ запахомъ лѣкарствъ, въ полумгнѣ лѣтней ночи, я поилъ Алексѣя малиной и чаемъ... Тихо было на улицахъ, ночь сторожила насъ, и въ церковной оградѣ, среди іюльскихъ липъ, стояла тьма.

IV

Въ нашихъ комнатахъ, за полупущенными гардинами, въ прохладѣ каменныхъ стѣнъ было нежарко, но городъ изнемогалъ.

Садилось солнце, жаръ стихалъ, приходила блѣдная, робкая ночь. Сидя съ Алексѣемъ позднимъ вечеромъ на балконѣ, мы любовались далями; все слегка затуманено, сухая, бѣло-пыльная дымка стояла надъ городомъ; нѣкоторыя улицы внизу, пустынные уже, какъ бы отдавшіяся чему-то, смутно бѣлѣли недвижными лентами; и нашъ переулокъ, обвѣянный за день известковою пылью отъ строившихся домовъ, дремалъ и мерещился мнѣ бѣлесоватымъ каналомъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, послѣ полуночи, я ушелъ отъ него въ комнату къ себѣ. Я прилегъ и спалъ смутно; черезъ часъ проснулся; въ промежуткахъ между портьерами чуть брезжило. Я всталъ и прошелъ въ комнату Алексѣя. Тамъ никого не было — дверь на балконъ открыта. Я тихо подошелъ къ двери, — Алексѣй стоялъ ко мнѣ спиной и смотрѣлъ вдаль, на городъ.

Блѣдно-зеленый, дѣвственный, тихій разсвѣтъ. Гардины висятъ беззвучными складами. Что-то томное въ комнатѣ.

Странное чувство охватило меня: вдругъ, безпричинно и навѣрняка, я почувствовалъ, что Алексѣй обреченъ. Онъ стоялъ такой большой, неравноплечій, положивъ свою красивую ладонь поперекъ на влажныя перила; передъ нимъ вдали млѣло и дымилося слегка все, благодатная влага утра сходила на землю, и онъ былъ обреченъ, быть можетъ, этимъ разсвѣтомъ.

Я стоялъ молча. Онъ не видалъ меня и сѣлъ въ глубокое кресло, ко мнѣ въ профиль. Тогда я подошелъ; онъ увидѣлъ меня и пристальнымъ взоромъ глядѣлъ мнѣ въ глаза. Я не могъ отвернуться.

— Хорошъ разсвѣтъ. Какъ блѣдно, чисто, славно тамъ

Я не плакалъ. Что-то сіяло на лицѣ моего друга; слабо золотѣлъ крестъ на церкви; сумракъ утра былъ зеленеватъ и тонокъ.

V

Разъ ночью, въ часъ, дверь моя скрипнула: вошелъ Алексѣй. Онъ подошелъ къ моей постели и присѣлъ на ней.

— Я хочу немного пройтись. Можетъ быть, и ты со мной?

— Охотно.

Я одѣлся, взялъ его подъ руку, и мы отправились.

На лѣстницѣ было сумеречно; въ пирамидальномъ стеклянномъ колпакѣ для свѣта виднѣлось небо; оно сѣрѣло, звѣзды ломались и дробились въ стеклѣ.

Медленно, чтобы не утомить Алексѣя, мы двигались по тротуару къ скверу за церковью. Въ городѣ, гдѣ-то далеко и глухо — шумѣло; какъ будто все вдали было затоплено гудящимъ моремъ, и только здѣсь, въ скверѣ, у старой церкви, стояла глубокая тишина.

Мы сѣли на скамеечку. Деревья вокругъ стояли черныя; и нѣсколько переулковъ, сходящихся къ скверу,

были безлюдны: городъ спалъ, и его каменный сонъ былъ жутокъ. Темныя дуновенія налетали откуда-то сверху.

Тотъ же скверъ. Я оглянулся на церковь. Что она тамъ чериѣтъ, многодумная, закутанная въ ночныя одежды? Не подслушиваемъ ли мы тутъ кого?

Мы молчали тоже. Потомъ Алексѣй всталъ.

— Пойдемъ.

Мы обошли вокругъ церкви. Густая темная трава росла за оградой; у паперти, у старой, коричнево-черной иконы красѣла лампадка. Въночекъ полузасохшихъ цвѣтовъ висѣлъ надъ ней. Ризы другихъ святыхъ подъ стекломъ слегка поблескивали золотомъ. И все дремало во мракѣ.

— Какъ я усталъ, — говоритъ Алексѣй, — даже итти тяжело.

Мы поднимаемся съ усилиемъ по лѣстницѣ. Наверху, у себя въ комнатѣ, Алексѣй покорно снимаетъ ветхую сѣрую куртку со стоячимъ воротникомъ, третъ лобъ, что-то мучительное появляется въ его взглядѣ; жалобно бьются жилки на вискахъ, — мелкія, утомленные жилки. Но онъ смиренъ, медленно онъ раздѣвается и ложится въ постель. Я шагаю. Онъ закрытъ одѣяломъ до подбородка, и ноги его торчатъ прямо и неподвижно.

— Въ одну изъ такихъ пустыхъ ночей я и умру.

Это вѣрно, ночь пуста. Не знаю почему, но она *лустая* ночь. Но отчего онъ не боится?

— Алексѣй, ты вѣришь въ то, что будешь жить и дальше?

— Не знаю. Да мнѣ и такъ не страшно.

Не страшно! И правда, ему не страшно.

Выхожу на балконъ. Сумракъ рѣдѣетъ и какъ будто колышется. Небо стоитъ надъ нами, надъ городомъ и надо всѣмъ міромъ. Что оно стоитъ тамъ, что слушаетъ нашъ разговоръ? Дальнее, глубокое небо, въ которомъ тонемъ всѣ мы: но молчитъ и слушаетъ.

VI

Вѣрно: Алексѣй больше не всталъ. Что-то сдвину-

лось въ немъ навсегда въ ту ночь; какая-то упорная сила съ тѣхъ поръ безостановочно, почти вѣжливо, вела его къ концу. Конечно, его лѣчили, конечно, боролись, но было ясно, что всѣ должны молчать.

VII

Дремлю въ креслѣ у Алексѣевой постели. Вдругъ просыпаюсь. Ночь, второй часъ.

— Алексѣй!

Молчитъ. Дверь на балконъ отворена, оттуда тянетъ зарей.

— Алексѣй!

Опять молчитъ. Беру его за руку. О-о, какъ холодна! Значить, конецъ, замолкъ.

Я никого не позвалъ. Я заперъ дверь на ключъ и до утра сидѣлъ съ нимъ, съ усопшимъ Алексѣемъ.

Тихо звучала въ небѣ заря, внимательная, нѣжная заря. Ночь смолкаетъ: неопредѣленный свѣтъ въ комнатахъ черезъ шторы.

Я плакалъ, но мои слезы не были кровавы и больны, и то, что случилось съ Алексѣемъ, въ сознаниі моемъ не была смерть. Я не зналъ, что это было; я ничего не зналъ, ни о чемъ не думалъ, но въ то же время я глубоко зналъ, что Алексѣй неприступенъ.

Свѣтлѣло. Блѣдно-зеленые тона тянулись по небу, свѣжѣло слегка. Легкій и покойный лежитъ Алексѣй на кровати.

Я стою передъ нимъ. Онъ лежитъ молчаливо, мой тихій, нѣжный другъ!

VIII

Дни потомъ были странны, единственны. Стоялъ гробъ въ моей квартирѣ, скромныя монашки изъ монастыря читали поочередно высокими, монотонными голосами.

Но солнце къ вечеру и небо—попрежнему были золотисты и прозрачны; въ балконную дверь виднѣлся четы-

рехугольникъ свѣта съ темными липами и крестами церкви на немъ; я не помню отчаянія въ своемъ домѣ. Въ эти дни я ни съ кѣмъ не разговаривалъ; все время я жилъ съ нимъ, и его образъ, омытый свѣтлыми слезами, прояснѣлъ — стоялъ передо мною нетлѣнный, недостижимый.

Помню монастырь, гдѣ его хоронили; далекій, прилегающій изъ-за города, съ рѣки и вольныхъ полей вѣтеръ, вечерніе солнечные лучи. Тихій звонъ на колокольняхъ, бѣлые соборы, блѣдно-голубая съ золотомъ живопись, безбрежный шумъ вѣтра въ липахъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Висятъ въ небѣ сѣровато-молочные купола, чернѣютъ гладкіе памятники и кресты внизу; бѣлые ангелы распростерли крылья. На могилѣ Алексѣя крестъ и лампадка; я сижу на скамеечкѣ у могилы.

Въ эти дни, просыпаясь безпричинно ночью, я неизмѣнно вспоминаю Алексѣя, я брожу по комнатамъ, мнѣ снова хочется туда, къ его могилѣ, я выхожу на балконъ и долго гляжу на небо: жду зари и знаю, что вечеромъ буду тамъ: это мое паломничество, никому ненужное, да, никому ненужное, кромѣ меня самого.

IX

Такъ идетъ время, — спокойное, славное время. Его ходъ усыпителенъ и чарующъ.

Вотъ вечеръ за городомъ. Уединенная дача въ березовомъ лѣсу; съ полукруглаго балкона, недалеко внизу я вижу озеро; оно лежитъ межъ чистыхъ, нѣжно-бѣлыхъ стволовъ березъ. Домъ полонъ гостей, шумятъ, ходятъ вокругъ, а озеро лежитъ нѣмое и блѣдное; безсолнечный, невѣтренный день, облака перламутровы; крупными массами они застыли въ озерѣ, и если пристально глядѣть туда, начинается казаться, что выйдешь куда-то насквозь, глазъ тонетъ въ этомъ зеркалѣ.

Сзади въ комнатахъ играютъ и поютъ. Ходятъ молодые студенты и дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ.

Внизу, какъ говорятъ, дѣтскій пріютъ-дача. Все время

я слышу ровный, однообразный шелестъ тихихъ голосовъ— должно быть, необыкновенно смиренныя дѣти. Вотъ они уходятъ на прогулку; всѣ они пяти-семи лѣтъ, одѣты въ голубенькія, желтенькія и бѣлыя платья. Не торопясь, бредя вереницами, удаляются среди березъ по дорожкѣ вдоль озера.

Голоса сзади умолкають; всѣ собираются въ лѣсъ. Это хорошо, пусть идутъ, радостный молодой воздухъ дѣвичьихъ платьевъ, свѣжести и любви, вѣявшій сегодня весь день, уплываетъ съ ними въ глубь лѣса. А ужъ сумерки близки, и бѣлыя березы сонны. Подозрительная тишина. Озеро околдовываетъ, тянетъ. Взоръ въ немъ, въ немъ далеко, и деревья вокругъ какъ будто слегка заволакиваются нѣжною паутиной; сладкая боль плыветъ въ сердце изъ озера, изъ тѣхъ далей въ водѣ, что уводятъ неизвѣстно куда; изъ тѣхъ зеркальныхъ тумановъ; въ нихъ растаялъ обликъ моего друга, но они видны вонъ тамъ. Качайтесь, качайтесь, сонныя березы, дремли душа сладко, люби...

Минуты идутъ. Снова съ другого конца озера негромкіе дѣтскіе голоса; то тамъ, то тутъ, вокругъ свѣтлыхъ водъ, выныриваетъ изъ зелени ребячья головка; вереницами, сплетающимися цѣпями бродятъ маленькія дѣти вокругъ вечерняго озера; а дальше идутъ и тѣ, снова въ домѣ люди, жизнь. Озеро становится обыденнѣе, наша тайна только для насъ.

Меня спрашиваютъ, почему я молчу.

Х

И снова время. Его набралось уже годъ со смерти Алексѣя.

Въ моей жизни перемѣны: это лѣто я въ деревнѣ, въ старомъ нашемъ гнѣздѣ, надъ русской рѣчкой, подъ мягкимъ русскимъ солнцемъ. Все здѣсь уходитъ для меня въ туманъ дѣтства.

Ребенкомъ я, или кто-то другой, на меня похожій, сидѣлъ у этой же калитки въ частоколѣ, подъ дубомъ, изъ

сада на рѣку, и такъ же рѣка вилась мерцающею лентой; такъ же ползли внизъ по ней сонныя пароходы; такъ же благоухалъ жасминъ у бѣлка, тотъ же дорогой, затхлый воздухъ въ старомъ домѣ.

Тогда и Алексѣй бѣгалъ тутъ мальчикомъ, а теперь мой собственный мальчикъ, сынъ-сирота сидитъ у няньки на рукахъ и чему-то хлопаетъ глазенками.

Въ этотъ свой прїѣздъ, въ первый же день, послѣ крѣпкаго полуденнаго сна, я выхожу, слегка отуманенный, въ садъ. Песокъ скрипитъ подъ ногами и такъ безхитростно, такъ свято пахнетъ травой, зеленью, опять тѣмъ же жасминомъ. Странно... Все зелено. Зеленѣетъ небо, деревья, песокъ, — хотя они и не зелены: кто-то могучій и безымянный, чьего имени не разгадаешь, затопилъ все вокругъ своей безмѣрною силой; онъ выдавливаетъ изъ мозга мысли, онъ заливаетъ все своей отъ-вѣчной, прозрачною зеленью; и небо и воды послушны ему. И тебя нѣтъ, хотя ты идешь и видишь.

Вотъ на лавочкѣ мой Гаврикъ съ нянькой, доброй, коричневой мордовкой, похожей на ирокеза. Они сидятъ и глядятъ, мордовка шепчетъ что-то старыми губами. Гаврикъ ощущаетъ свое, неопредѣленно машетъ ручонкой, покрикиваетъ временами, какъ молодой звѣренокъ.

Что они тамъ думаютъ, въ этой зелени? Куда они глядятъ? Что видятъ? Не они ли въ той зелени, и то зеленое не въ нихъ ли?

Вѣетъ вѣтеръ изъ далекихъ мѣстъ, о счастье — улыбаться такъ, глядѣть туда.

Иду дальше. Вотъ онъ, старый дубъ. Онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ. Вѣтеръ шумитъ въ немъ тѣмъ же шумомъ, что и тогда, что и въ тѣхъ деревьяхъ надъ Алексѣевой могилой. Такою же безбрежной кажется жизнь міра и отсюда, если лежать подъ дубомъ, закрывъ глаза, слушая шумъ прирѣчныхъ лѣсовъ, созерцая тихій ходъ рѣки. Тогда сливаешься снова съ этими неповторимыми лѣсными запахами, что запали въ дѣтствѣ; снова летятъ въ мозгу небыстрыя чайки-рыболовы, которыя перевелись ужъ тутъ. Перламутровая, чуть серебристая, непонятная, ведетъ откуда-

то рѣка свой ходъ, плететь свои струи, исполняетъ сердце великимъ миромъ. Сердце нѣмѣтъ и лежитъ распростертое, оно открыто любви; прошлое, настоящее и будущее въ немъ переплетаются; встаетъ нѣжная радость о давно минувшемъ. Ползутъ сонные пароходы, стучатъ колесами. Изъ зеркальныхъ далей, по рѣкѣ, нисходитъ благословеніе горя.

Москва
1904 г.

Священникъ Кронидъ

О. Кронидъ, крѣпкій, шестидесятилѣтній человѣкъ, идетъ въ церковь. Много лѣтъ онъ живетъ ужъ тутъ, мужики его уважаютъ и зовутъ Крономъ; а онъ исправно ходитъ на службу, возвращается домой, вѣнчается, хоронитъ, звонитъ въ колокола съ приближенными дьячками и стариками, и куда-то ведетъ за собой приходъ.

Служить вечерню послѣ сна днемъ не очень легко. Кромѣ того, великій постъ — время трудное; въ церкви Богъ знаетъ сколько народу; много рванаго мужичья, худыхъ бабъ, исповѣдей; часто отрыгиваютъ рѣдкой и постнымъ масломъ, — а потомъ идутъ все грѣхи. Какіе у нихъ грѣхи? Все одно и то же бабье мямленье, поклоны, а мужики всѣ ругались въ году, пили водку.

Старый Кронъ и не жалуется, онъ человѣкъ рабочій, честный; тридцать лѣтъ попомъ, имѣетъ камилавку, служить быстро и просто, какъ научила деревня.

Не одинъ онъ дѣйствуетъ тутъ; за его плечами вдаль идутъ поколѣнія отцовъ, пращуровъ; всѣ они трудились здѣсь. Кронъ помнитъ дѣда Петра; тотъ видѣлъ еще французовъ; а Петровъ отецъ отъ своего слышалъ, какъ строили каменную церковь, въ которой служитъ теперь Кронъ, какъ помѣщикъ землю дарилъ и насаждалъ „поповку“, гдѣ теперь причтъ и жены мурносицы. Много старыхъ, морщинистыхъ стариковъ перемерло на Кроновомъ вѣку, — съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ ребенкомъ игралъ въ лапту, — и всѣхъ онъ просто и хорошо хоронилъ, на кладбищѣ за селомъ. Иногда вспоминаетъ онъ ихъ дѣдовъ, тѣхъ, съ

къмъ жилъ его отецъ и дѣдъ, и еще много другихъ, кого не знаетъ, но которые были тогда, и неизвѣстными ушли отсюда — всѣ въ одно мѣсто, туда же на кладбище, гдѣ и о. Петръ, Никодимъ и другіе.

У самого Крона пять сыновей, — семинаристы, все здоровые, хорошіе дубы. Кронъ, думая о нихъ, мечтаетъ, гдѣ они будутъ жить, плодиться, служить; какъ бы имъ преподать свою мудрость, — жизнь трудна, какой приходъ, какой причтъ? Выйдутъ ли въ своихъ, будутъ ли твердыми попами?

Только трудно ихъ доставлять домой на Пасху: дорогъ нѣту, вода, грязь, въ низкомъ мѣстѣ лошадь тонетъ чуть не по уши. Придется самому ѣхать, туда еще кой-какъ можно, крутобрюхія лошаденки дотащутъ, но въ городѣ отецъ Кронидъ уже задумывается; все теплѣй и теплѣй, большая вода должна шумѣть теперь по логамъ. А пятеро двуногихъ ждуть, имъ тоже хочется домой, поржать на весенней свободѣ; дома пекутъ куличи, ждетъ мамаша, приволье, церковь.

Тогда Кронъ беретъ верховыхъ. Сѣдель нѣтъ, конечно. Стелюгъ попонки, тяжело наваливаются на лошадей — ѣдутъ. Впереди отецъ Кронидъ, сзади дѣти. Хорошо, что не въ саняхъ: сейчасъ же за городомъ, въ пяти верстахъ, надо вплавь; лошади вытягиваютъ впередъ морды, какъ плывущія крысы; Кронъ подбираетъ рясу, попята гогочутъ сзади и тоже плывутъ. Кронъ важенъ — все-таки шестая недѣля, духовный человекъ верхомъ — какъ бы не вышло смѣшно. Но знакомые мужики въ деревняхъ кланяются, какъ всегда, только ребятишки бѣгутъ сзади и визжать.

Дома просторное поповское житье, плодоносная матушка, весна и шумъ; могущественно вздуваются куличи; прудъ цѣликомъ взломанъ и изгроможденъ рыхлымъ льдомъ; но тепло идетъ, и выпуклыя взгорья горячо мокнуть въ свѣтѣ. Большая суетня у матушки; много бѣгають по кладовымъ съ маслами и всякими значительными снадобьями для булочнаго дѣла.

Семинарамъ все свое тутъ; а Кронъ въ это время работаетъ уже въ церкви; ему теперь много надо молиться и хлопотать; то читать Евангеліе, то опять причащать и исповѣдывать. Дни идутъ въ служеніи; а ночи темны на Страстной — только гудятъ вѣчные потоки, да въ небѣ пылаютъ звѣзды на черномъ бархатѣ. По дорогѣ домой изъ церкви нехитро и остушиться въ лужу, но идти пріятно: сзади дѣти, пятеро начинающихъ басковъ; въ церкви они помогали, хорошо пѣли и давали ноту силы службѣ. Есть на кого опереться, когда станетъ тяжело отъ годовъ.

„Молодая армія“, думаетъ Кронъ, а дома ужъ торжественно, матушка всесильная одолѣла всѣ заботы, пасхи, раскрасила яйца въ побѣдные цвѣта и спокойна: хотя бъ и Страшный Судъ.

Но и воскресенье близко; весна далеко ушла за это время, все уже сѣро, парно; время погожее, заутреня должна быть хорошей и благодатной. Всѣ дьячки, старосты, дьякона готовятся: это ихъ день. И всюду по деревнямъ идутъ сборы: топятъ бани, гдѣ поглуше, моются прямо въ печкахъ, залѣзая въ узкое жерло, какъ черви; съ мужицкихъ тѣлъ, жесткихъ, въ ѣдкомъ соку, смываютъ многомѣсячную грязь; вытаскиваютъ чистыя рубахи, даже бѣлыя, съ красной ластовицей подъ мышкой, важно расчесываютъ волосы, поливаютъ масломъ, подстригаютъ затылки; поплевавъ, скоблятъ шею обломкомъ косы. Въ глухихъ углахъ бабы напяливаютъ на головы рогатыя кички, въ ухахъ у нихъ утиные пушки. Громаднѣйшее всемужицкое тѣло копошится по странѣ, тащить пасхи въ церковь, ждетъ яркаго и особеннаго дня.

Въ очень черной ночи церковь видна далеко; слишкомъ свѣтлы окна. Рано, задолго до торжественнаго часа, все полно, и Кронидъ ведетъ древнее служеніе; запоздалые съ пасхами подходятъ лѣтними тропами; пока Кронъ читаетъ и молится, въ теплой ночи неустанно гудятъ ручки, полнымъ тономъ, какъ могучія трубы, а звѣздъ вверху безъ счету; онѣ неожиданно встаютъ отъ горизонта, заполняютъ тьму надъ головой и такъ же сразу пропадаютъ у другого края неба. Въ минуту, когда двери растворя-

ются, и выступаетъ изъ церкви ходъ, кажется, что свѣтлая волна опоясываетъ во мракѣ церковь, подъ слитный бой колоколовъ, съ пѣніемъ, и снова вливается внутрь. Теперь у всѣхъ въ рукахъ свѣчи; капаетъ, и потъ стекаетъ по мужицкимъ лицамъ; временами черезъ плечи идетъ изъ рукъ въ руки впередъ свѣчка; передъ иконами блестятъ цѣлые пуки.

Къ часу, двумъ, люди устаютъ. Христа встрѣтили, попѣли, постояли со свѣчками, но страшно жарко, а обѣдня длинна. Когда-то святить пасхи? Два часа, народъ усталъ. Вотъ въ толпѣ съ кружкой сѣденькій человекъ, „благочестивѣйшій“, съ дрожащими руками и ястребинымъ носомъ; за благочестивѣйшимъ просто парень съ тарелочкой, и идетъ сборъ; мужики жертвуютъ, считаютъ свои копейки и даютъ отъ сердца, но серьезно; соображаютъ, берутъ сдачу. Солнце ближе подходитъ къ востоку, въ церкви народу меньше; много молодежи въ оградѣ на лавочкахъ; дѣтишки смѣлы снуютъ между взрослыхъ, кой-кто у печки примостился даже спать; толкутся, блескъ и фейерверкъ гаснетъ, а земля встрѣчаетъ своего бога въ силѣ и свѣтѣ. Только благочестивѣйшій безъ умолку звенитъ денежками у прилавка: выдаетъ свѣчки и двигаетъ вырѣзанными ноздрями.

Часа въ четыре разбредутся.

Этотъ день для Крона трудень: спать ужъ почти некогда, въ девять надо выѣзжать за данью. Запрягаютъ поповскую телѣжку; рядомъ съ Крономъ краснощекій юнецъ, въ сюртукѣ, съ огромными руками. Тамъ, на мѣстѣ дѣйствія, онъ будетъ раздувать батюшкѣ ладанъ, пѣть и конфузиться помѣщиковъ.

О. Кронидъ прочно сидитъ въ телѣжкѣ; солнце грѣетъ; надъ пашней струеніе, плавь, земля таетъ въ свѣтѣ. Юноша жметъ къ батюшкину боку — ему въ профиль видны крѣпкія Кроновы брови и ласковая подъ солнцемъ борода.

Въ усадьбѣ Крона почитаютъ за основательность, за умъ; въ столовыхъ, со свѣчкой передъ образомъ, онъ изъ года въ годъ поетъ, молится, даетъ цѣловать крестъ и ловкимъ движеніемъ заправляетъ волосы послѣ молебна;

затѣмъ разговляется. Юноша — на краю стула и стыдится своихъ рукъ. Одинъ годъ говорятъ о Толстомъ, другой — о войнѣ, о разныхъ случаяхъ въ уѣздѣ: кто гдѣ умеръ, кто какъ хозяйничаетъ. Выпиваютъ, но Кронъ неуязвимъ; юноша часто поправляетъ бѣлый галстучекъ и проглатываетъ побѣдоносно, страшно перекатывая кадыкомъ.

Потомъ Кронъ уѣзжаетъ, и такъ же работаетъ у всѣхъ помѣщиковъ, мудро бесѣдуетъ и временами поглядываетъ на юношу: не перегруженъ ли.

Въ это время деревни выглядятъ моложе, на взгорьяхъ подъ теплымъ солнцемъ катаютъ яйца изъ желобковъ, пестрыми группами. Дѣвки сплошь въ красномъ; на желто-зеленомъ откосѣ онѣ кольцомъ вокругъ качелей; на веревкахъ, подъ тягу сильного вѣтра, кумачныя пятна высоко взлетаютъ кверху.

Уже пора бы и сѣять, земля ждетъ, всѣ знаютъ, что хороши ранніе посѣвы, но нельзя, праздникъ. Праздникъ цѣлую недѣлю, и въ это время грѣшно и немисливо не напиваться, не лежать подъ заборами. Съ полдня до вечера дѣвки голосятъ пѣсни, изъ села въ село катятъ подводы — гости, а время уходитъ; и самъ Кронъ недоволенъ.

По очереди на Пасху деревни „подымаютъ иконы“. Это значитъ, впереди Кронъ съ дьякономъ, а сзади несутъ хоругви; идутъ веселой гурьбой по дорогѣ, поютъ „Христосъ Воскресе“; теплый вѣтеръ хорошо дуетъ сбоку, хоругвеносцы храбро потѣютъ, а дома всѣ ждутъ. И назадъ, когда Кронъ уѣдетъ на лошади, иконы и знамена несутъ полемъ, напрямки. Въ начинающемся вечеру бредутъ по жнивью, путаясь и голоса во всю силу. Лица красны, золото горитъ на иконахъ при свѣтломъ весеннемъ вѣтрѣ, и древки смутно ходятъ въ воздухѣ. Это ужъ время тихой и пылающей весны. Уже ели цвѣтутъ; на угрюмомъ деревѣ появились блѣдно-зеленые цвѣточки; странно находить эти мелкія живодышащія существа въ черной хвоѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ сыро и припариваетъ, въ сѣренкихъ осинничкахъ, водятся фіалки; слабый приторный запахъ идетъ волной, а онѣ стоятъ, — нѣжныя, обративъ къ югу и солнцу фіаловыя головки; но скоро гибнутъ, если сорвать.

Вечерами въ темнотѣ тянуть изъ дальнихъ мѣстъ кулички на озера; они летятъ одинъ за другимъ на минутномъ разстояніи, и тихо стонуть, чтобы не потеряться.

Солнце грѣетъ, стада вышли въ поле. Цѣлый день они бродятъ, щиплютъ мелкую травку теплыми губами; коровы колыхаютъ боками и высовываютъ по временамъ добрый языкъ; крошечные ребята подъ блѣдно-лазоревымъ небомъ ташутъ изъ деревни пастухамъ полудновать, а назадъ бредутъ по жнивью задумчиво и безхитростно; поднимаютъ палки, навязывая на нихъ тряпочки-хоругви — поютъ что-то свое, потомъ ловятъ въ ручѣ гольчиковъ; надъ ними же струится свѣтлый весенній токъ; аютины глазки распускаются по оврагу. Деревни блѣднѣе и тише, солома на крышѣ голубоватѣе и бревна въ избахъ будто дышать.

Въ день Егорія Крону работа: за деревней, въ полѣ, бываетъ молебень — благословеніе гуляющему скоту. Въ коровахъ есть задушевность, лошади покойны и важны, какъ добрые работники, только жеребятки вѣтрообразны: легко, на длинныхъ тоненькихъ своихъ ножкахъ передвигаются они съ мѣста на мѣсто. Стоятъ молчаливыя бабы; Пасха прошла уже, время серьезное и нужное, красныхъ нарядовъ нѣту; лица больше въ морщинкахъ, со свѣтлыми голубыми глазами, и зубы стерты наполовину, ровно, какъ у лошадей. Онѣ сердечно знаютъ своихъ скотовъ, смотрятъ на нихъ, думаютъ о чемъ-то, пока Кронъ читаетъ передъ столикомъ и молится. Потомъ кропитъ всѣхъ [святой водой и отпускаетъ на мирный отгуль.

Солнце встаетъ все раньше и очень хорошо грѣетъ землю; радостная весна. Самъ Кронъ, владѣлецъ ста десятинъ, доволенъ и не жалуется; сверху гремѣло уже разъ, при глубочайшемъ теплѣ и могущественныхъ тучахъ; блистало, трахало благодатно и раскатисто, а предъ ударомъ бѣлая молнія осѣняла траву.

— Экая сила, — говорилъ о. Кронидъ и крестился.

Потомъ все уносилось, точно чья-то забава; на небѣ, но на поляхъ овесъ всходилъ веселѣе, и внизу по лугамъ трава тучнѣла. Земля становилась парной гущей, ползла

подъ ногой. Но на другой день опять выходило на небо солнце, сразу все сохло и произростало въ глубинѣ.

Послѣ обѣда, передъ сномъ, Кронъ выходилъ на скамеечку у пруда. Большой прудъ, передъ нежилой усадьбой на той сторонѣ, лежалъ горячимъ зеркаломъ и мѣстами солнце пронизывало его воду; тамъ были теплыя, зеленоватыя пятна. Кронъ сидѣлъ и смотрѣлъ, а въ пруду горизонтально дремали карпы, такіе же старыя, какъ онъ самъ; временами мягкія плотички подходили къ самому верху, высовывались, пускали круги. Въ движеніяхъ рыбъ была лѣнь, и Кронъ чувствовалъ тогда свои годы и силу весны. Онъ вставалъ, прохаживался вдоль пруда, думалъ, шель домой. Дорогой размышлялъ объ арендѣ; отработаютъ ли мужики изъ Костенки долгъ? Давать-ли Егорьевнѣ рубль, или надуетъ? И правда, дома ждали всякіе кліенты, а вечеромъ надо хоронить дѣвочку у Петра Константинова. Послѣднее время много ребятъ поумирало, „все животь“. Маленькіе гробики легко и быстро тащутъ на кладбище, на горѣ, въ дальній уголъ; здѣсь много дѣтскихъ холмиковъ: среди нихъ трава, а рядомъ канава съ польнью. Очень далеко видно отсюда; славная страна лежитъ вокругъ, какъ золотое блюдо; Кронъ неторопливо воскуряетъ ладанъ, смотритъ вдаль; въ мѣрномъ полетѣ кадилница сначала подымается надъ горизонтомъ въ небо, потомъ уходитъ внизъ. Съ четырехъ сторонъ идетъ несильный вѣтеръ, дымокъ блѣдно и покорно стелется, сизѣетъ. Сзади плачетъ баба; красный юноша подпѣваетъ. Скоро опускаютъ гробикъ — и конецъ.

Кронъ проходитъ могилами: деревянные кресты мѣстами на бокъ, заросли травой; деревьевъ на кладбищѣ нѣтъ, вольный воздухъ отъ земли до неба. Между крестами спокойно ходитъ вѣтеръ, иногда ласточка садится отдохнуть.

Кронъ останавливается у отца и крестится; здѣсь вырѣзано даже имя; сейчасъ, при опускающемся миломъ солнцѣ, на памятникѣ горитъ свѣтъ; высоко въ небѣ рѣютъ стрижи, ударяя полетомъ къ рѣчкѣ въ лугахъ.

Близко Троица, а тамъ, черезъ недѣлю — ярмарка.

Веселая Троица выпадаетъ въ свѣтлый день. Пыльно по дорогѣ, и солнце наверху горитъ, а небо радостно-сине, какъ было давно, въ дѣтствѣ. Шумящія, дорогія березки стоятъ въ церкви; тайная любовь зрѣетъ въ молодежи. Во всѣхъ избахъ подъ образами деревца; когда они начинаютъ сохнуть, особенный запахъ появляется въ скудномъ человѣчьемъ жильѣ; вѣтерокъ черезъ окошко шевелитъ вѣтки, а изъ ребячьихъ временъ вспоминаются сердитые клещуки, что распоззались съ праздничныхъ кустовъ. Въ лѣсу, въ дикихъ мѣстахъ, дѣвки завиваютъ вѣнки — связываютъ березки верхушками; получается сводъ; а онѣ загадываютъ, скоро ли завянетъ. Дѣтишки ищутъ въ сырыхъ низинахъ пеструю траву кукушку; она растетъ печальная и странная, непонятнымъ цвѣткомъ; маленькія дѣвочки выкапываютъ ее, одѣваютъ въ платице и хоронятъ, какъ нежившую куколку. Липы и дубы стоятъ кругомъ въ молчаніи.

Уже много травы отросло на лугахъ, и скоту веселѣе ходить по пару. Низкій старикъ Карпычъ загораетъ подъ солнцемъ; длиннѣйшій кнутъ ползетъ за нимъ змѣей, лицо его коричнево, а волосы снѣгообразны. Странно видѣть это серебро на крутомъ пастушьемъ тѣлѣ; вѣтеръ слабо шевелитъ его локоны, когда онъ безъ шапки; на темени розовѣетъ апостольскій кружокъ. Ъдетъ ли онъ полудновать домой на лошади, верхомъ, въ зипунѣ, стоитъ ли часами около стада, коренастый, какъ хорошій боровикъ, — всегда свѣтлы и полны полевого вѣтра его глазки; иногда они слезятся; но слеза только омываетъ ихъ.

На ярмарку съѣзжается деревня со всѣхъ концовъ. За Кроновымъ селомъ, на выгонѣ, разбиваютъ палатки; кишатъ тельги, оглобли торчатъ кверху; стоитъ пыль и бурленье, пахнетъ дегтемъ, визжатъ поросята, и издали мужицкій праздникъ похожъ на лагерь гунновъ. Теплыя коровы дышатъ, жуютъ и печально смотрятъ влажными глазами: трудно жить впроголодь, надо уступать. Прасолы валяются въ травѣ за ярмаркой, у дорогъ, чтобъ перехватывать скотину и скупать до торга.

Часа въ два-три выходить посмотри́ть и Кронъ; на

ярмаркѣ бродятъ уже три жиденскихъ іерея изъ округи; жалобнѣе всѣхъ одинъ; косы сзади у него еще не отрасли, грудь узка, ряса путается; рядомъ мощная матушка въ мантилькѣ и шляпѣ съ цвѣтами. Вѣтеръ треплетъ красные цвѣты. Батюшка потѣетъ и покупаетъ женѣ гребенку. А Кронъ умными грудными звуками бесѣдуетъ у бакалея, здороваётся съ урядникомъ. Бѣдная „сельская полиція“ — въ пыли и ссохлась отъ старости, она ежеминутно пребываетъ въ разѣздахъ, трясется на казацкомъ сѣдлѣ и дрожкахъ изъ волости въ волость, загораетъ, а на ярмаркахъ лущитъ подсолнухи и уныло бесѣдуетъ съ помѣщиками изъ либераловъ.

У бакалея Кронъ выпиваетъ даже чаю, держа блюдечко въ крѣпкихъ волосатыхъ рукахъ; онъ ищетъ пакли для школы; но пока идутъ разговоры и торгуютъ подсолнухами, вдругъ сбоку налетаетъ гроза. Могучій дождь душитъ землю и радостно соединяется съ ней, быстро мокнувъ люди, набрасываютъ на себя рогожи, прячутся подъ телѣги; съ лошадей льетъ; живой паръ идетъ отъ нихъ. Въ черныхъ тучахъ наверху обнажается огненная змѣя, слѣпящій ударъ разрываетъ воздухъ; издалека, съ почернѣвшей земли исходитъ сладкій запахъ; трава слабѣетъ подъ грозой, млѣетъ.

Кронъ скрылся у бакалея и посмѣивается на дождь; наверху надъ нимъ парусина быстро промокла, но онъ не беспокоится и безъ шляпы выставляетъ подъ дождь голову.

Черезъ полчаса тучи уже нѣтъ; облака, грудями въ золотистомъ свѣтѣ, курятся и текутъ. Алмазные капли прорѣзываютъ сверху внизъ воздухъ, и божественная радуга виситъ на небѣ. Кронъ въ солнечныхъ лучахъ идетъ домой и подбираетъ рясу. Дома, у забора, жемчужно-бѣлый жасминъ цвѣтетъ растрепанными шапками, и къ отцу Крониду плыветъ душный запахъ. Вечеръ блистаетъ. Изъ-подъ кухни выскочилъ галопомъ кофейный песъ Каштанъ. Онъ бѣжитъ увальнемъ, тѣло его огромно и мягко; онъ тепелъ въ движеніяхъ, голова его медвѣжья, съ кругленькими желтыми глазами; весь онъ, какъ добрый рѣзвящійся чортъ. Кронъ гладитъ его по головѣ и проходитъ въ домъ.

На другої день, передъ вечеромъ, небо прозрачно. Уснули вѣтры, и въ облакахъ любовь и благозвучіе. Кронъ выходитъ къ рѣкѣ; рыба плещетъ; заливной лугъ соченъ и дѣвственъ; уже цвѣтутъ звоночники, цвѣты покоса. Кронъ предощущаетъ сѣно и сладкіе запахи. Безмятежные кулички бѣгутъ по отмелямъ. Въ лозникѣ, который пахнетъ такъ же, какъ и когда Крону было девять лѣтъ, на песочкѣ возяся ребята. Старшій учитъ ихъ плавать. Худенькія тѣла весело трепещутъ въ лучахъ, пищать и боятся глубины, а потомъ сразу появляются на берегу розовыя рубашки, будто вмѣсто голыхъ тѣлъ выросли свѣтлыя цвѣты.

Кронъ медленно подымается на гору за рѣкой и бредетъ тропинкою среди молодыхъ ржей; ему надо въ Дмитрово, здѣсь близко напрямомъ. Пройдя ржи, онъ останавливается у луговины пара: довольно жарко еще идти, онъ хочетъ отдохнуть. Снимаетъ шляпу; полусѣдые волосы свѣшиваются визъ. Какъ старый пастырь, онъ глядитъ внизъ на село и думаетъ о чемъ-то. Вдругъ слышитъ сзади слабый шорохъ. На краю зеленѣйшаго клевера стоитъ зайчикъ; онъ выѣжалъ веселымъ галопцемъ на теплую зорю и, увидѣвъ Крна, замеръ. Вотъ онъ поднялся на заднія лапки, двигаетъ ушами, и усы его безпокойно ходятъ. Все сѣрое слабенько тѣлце подрагиваетъ и полно святого любопытства. Крчъ молчитъ и улыбается. Зайчикъ прыгаетъ и медленными скачками, не боясь, пробѣгаетъ въ десяти шагахъ; въ око подбрасываетъ задомъ на фонѣ блѣдно-прозрачнаго неба.

Батюшка все улыбается и встаетъ. Онъ медленно идетъ по тропинкѣ паромъ ловами далѣе и черезъ нѣсколько минутъ снова оборачивается назадъ. Но зайчишки уже нѣтъ, и только село въ изинѣ дымится и лежитъ въ черномъ свѣтѣ.

На зарѣ, возвращаясь домой, отецъ Кронидъ слышитъ перваго перепела. Онъ мягко трещитъ и предвѣщаетъ знойный іюнь и ночи сухороса.

Притыкино.

1905

Миоѣ.

Въ третьемъ часу дня Миша отворяетъ калику молодого сада и входитъ. Прямо, справа, слѣва правильными рядами яблони. Въ золотистомъ воздухѣ они поникли вѣтвями и несутъ свой прозрачный, теплѣющій грузъ, какъ молодыя матери. Миша идетъ мимо нихъ. На него вѣетъ глубокой воздухъ; въ немъ какъ бы свѣтло цвѣтеніе, безмолвныя, полуденныя струи; точно все наолнено тихимъ дрожаніемъ, и очень высоко въ небѣ расплавляется солнце. Мишинъ пиджачокъ нагрѣлся на синѣ особеннымъ, живоноснымъ тепломъ.

Вотъ онъ у шалаша. Передъ дверью идетъ въ валенкахъ старый сторожъ Климиѣ. Глаза ер блѣдно-сини. Въ нихъ отражается небо. И весь онъ, въ блѣлыхъ портахъ, съ высохшими руками, напоминаетъ пустынножителя. Вѣтхими, усталыми ногами онъ вслетъ и кланяется.

Миша идетъ впереди, Климиѣ слаб ступаетъ сзади и все время бормочетъ про себя что-то восьмидесятилѣтніе его мозги еле движутся на припекѣ шевелятъ привычными мыслями: въ прежніе годы ябокъ бывало больше, много уродилось налива...

Миша прислонился къ стволу яблони. Надъ нимъ ходятъ въ легкомъ вѣтеркѣ ея листики, будто осѣняя своей лаской. Прямо передъ глазами прозрачно наливается яблоко; вотъ оно съ краевъ просвѣтлѣло, точно живительная сила размягчила его; и кажется, что скоро въ этихъ любовныхъ лучахъ сверху съ этотъ драгоценный плодъ истаетъ, обратится въ свѣтлую стихію и уплыветъ — радостно, кверху, какъ солнечный призракъ. Другія яблони

густо тучнѣють по дереву, черезъ заборъ видна деревушка и вдали ржанице.

„Боже мой, — думаетъ Миша, — хорошо лежать въ чистомъ полѣ, при паутинкахъ, въ волнахъ вѣтра. Какъ онъ тамъ таетъ, какъ чудесно растопить душу въ свѣтѣ и плакать, молиться. Быть можетъ, послѣ полудня надъ жатвой пролетаютъ наши ангелы, особые, таинственные русскіе ангелы“.

Въ это время сзади, между деревьевъ, медленно движется Климъ въ бѣлой рубахѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ останавливается, переводитъ духъ и тоже глядитъ на яблоки. Потомъ, добредя до шалаша, садится и длинно кряхтитъ. Миша возвращается, около огородовъ грѣются желтыя дыни; онѣ теплѣють, струятъ сладкій запахъ и надъ ними колышетъ ласковый зной. Калитка, щеколда — и тихій рай остался сзади — млѣть и лучисто жить, вынашивая плоды. Отсюда видны только на низенькихъ деревцахъ сонно-желтѣющія купы яблокъ, отъ которыхъ гнутся книзу вѣтки; а Климъ, взявъ палку, опять всталъ и зачѣмъ-то смотритъ высоко въ небо, будто видитъ что-то или рассматриваетъ солнце.

Въ полѣ передъ Мишей лежатъ жнивья—въ тишинѣ, какъ золотистые покровы. Свѣтящейся сѣткой протянулись тоненькія паутинки, и въ воздушномъ просторѣ, по полямъ, у перелѣсковъ разбросаны деревни. Надъ головой облачка; вдаль беззвучные возы съ овсяными снопами; они ползутъ едва замѣтно, какъ далекіе жуки, а подъ ногой слабо ломаются слюдяно-золотые колосики. Дойдя до нетронутыхъ крестцовъ, Миша ложится и слушаетъ какъ молчитъ горизонтъ въ солнечномъ дыму.

На дорогѣ фигура женщины; сразу онъ узнаетъ ее — это жена, рыжевато-сіяющая Лисичка. Издали онъ улыбается ея плавному тѣлу на длинныхъ ногахъ; она мягко ступаетъ ими, потомъ весело подхватываетъ юбку и, какъ милый страусъ, полуметя, доносится къ нему; вотъ она здѣсь — вихрь тканей, ласковое загорѣлое лицо и теплое, прозрачно-персиковое тѣло. Миша глядитъ на знакомую плывущую фигуру. „Какая большая и какая легкая!“

А она обнимаетъ его и цѣлуетъ въ лобъ, блистая, со славнымъ, солнечно-полевымъ и радостнымъ запахомъ. Ему кажется, будто пахнули горячей воздушной волной.

— Нынче никого нѣтъ, всѣ уѣхали! Мы одни, безъ хозяевъ!

Миша беретъ ее за талию; и, правда, ему кажется, что она можетъ сейчасъ опять побѣжать, поплыть по воздуху..

— Мой дорогой, — не торопитесь улетать!

Она тоже обнимаетъ его и они идутъ. Нѣтъ хозяйевъ, людскія пусты, только липы, напоенныя лѣтомъ и золотомъ, въ молчаніи слушаютъ что-то; далеко на горизонтѣ ползутъ возы съ поблескивающими снопами, сторожъ Климъ все сидитъ и о чемъ-то думаетъ въ своемъ парадизѣ.

Миша съ Лисичкой минуютъ старый прудъ, въ немъ тепло зеленѣетъ вода, и кажется, если уйти подъ поверхность, сразу опустишься въ полусказочную тину.

За садомъ на скамеечкѣ они садятся. Золотой пріятель-солнце — смотритъ прямо на нихъ; онъ теперь ниже, и его лучи любвиѣй. Лисичка снимаетъ шляпу, и въ рыжеватыхъ ея волосахъ сразу зажигается сіяніе; оно охватываетъ голову волнистымъ кольцомъ и мягко обтекаетъ по контурамъ тѣла, точно лаская его.

— Я устала! — Я засну.

Въ глазахъ ея бѣгаютъ тѣ же чудесныя свѣтовые зайчики. Миша кладетъ ея голову себѣ на колѣна, а она вытягивается во всю длину на скамьѣ. Онъ щекочетъ ей лобъ травинкой, и она смолкаетъ.

Лисичка спокойно и невинно спитъ. Острое лицо ея тонетъ въ свѣтѣ, только на глаза Миша навелъ тѣнь колѣнкой. И въ этихъ ласково-воздушныхъ поцѣлуяхъ онъ видитъ всѣ маленькія и жалкія пушинки на ея лицѣ, что отливаютъ теперь теплымъ золотомъ. Подъ ними ходитъ и играетъ кровью нѣжно-розовая кожаца, какъ живодышащее существо; и мельчайшія родинки, поры, жилки пронизаны какой-то особой жизнью. Миша съ любовью гля-

дить на большое тѣло Лисички, и она кажется ему обаятельной, свѣтло-солнечной рыбой, какихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ; въ ней должна быть сіяющая влага и кораллово-розовая кровь, тоньше и легче настоящей.

Онъ снимаетъ фуражку. Потоки свѣта заливаютъ его. Голова дѣлается теплѣй, и все вокругъ начинаетъ течь въ медленномъ движеніи. Миша улыбается. Оперевъ голову на руку, онъ неподвижно смотритъ на тонкія паутинки, что одѣли сѣткой скатъ и бѣгутъ къ нему своими переливками. Это похоже на золотистый призрачный коверъ, тянущійся откуда-то издалека, чуть не съ неба.

„Хорошо идти по немъ, неслышными шагами, взбираться выше, къ тѣмъ облакамъ, плавнымъ купамъ въ небѣ“.

Время идетъ.

Лисичка блаженно бормочетъ во снѣ и вдругъ — тонкая, заспанная и прозрачная — вскакиваетъ и глядитъ. Потомъ хватаетъ его за руку, и, смѣясь, сбѣгаютъ они внизъ по скату, къ рѣчкѣ и, не останавливаясь, дальше, въ березовую рощу.

— Я заспалась, — кричитъ Лисичка, — я ничего не понимаю! Какъ пьяная! Миша, смотри, свѣтъ, свѣтъ, я пьяна свѣтомъ!

И она дышитъ лицомъ къ солнцу, и Миша видитъ, что она, правда, слегка обезумѣла, но онъ радъ, онъ самъ задыхается въ странномъ, дивномъ блескѣ. Вотъ онъ падаетъ подъ бѣлую березу, какъ подъ нѣжно-зеленое успокоеніе. А Лисичка кружитъ вокругъ, будто въ легкомъ танцѣ.

— Ну, будетъ, пойдёмъ, нынче я счастлива, я хочу поцѣловать солнце...

И они идутъ рощей въ горку. Сквозь тихіе березовые стволы видно озеро блѣдно-зеленой майолики. Потомъ бѣлыя березы чаще, чаще, только онѣ однѣ вокругъ, и спокойная, глубокая ясность какъ-то просвѣтляетъ мозгъ.

— Когда я думаю о христіанахъ, — говоритъ Миша, — мнѣ всегда представляется вотъ такой успокоенно-бѣлѣющій хоръ... Какія милыя березки.

Лисичка слушаетъ, киваетъ, и теперь онъ видитъ, что и ее осѣнила эта тишина, и она уже не кажется ему стихійной танцовщицей.

— Конечно, правда, милый, — она кладетъ ему на плечо голову, какъ привѣтливый жеребенокъ, — правда, даже я какъ-то благочестивѣй сейчасъ... Ну, не смѣйся... я не знаю, какъ сказать... все равно, я глупая...

Она вспыхиваетъ тѣмъ же пѣнно-розовымъ румянцемъ и въ смущеніи мнетъ ромашку.

— Нѣтъ, дорогой, — Миша цѣлуетъ ее въ лобъ, — ты не глупый и ты правъ. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ цѣломудренное мѣсто. И мы съ тобой уже не дѣти. Вотъ мы сейчасъ выйдемъ на опушку, оттуда будетъ видна наша страна, священная, гигантская наша страна. Чувствуешь ли ты ее?

Дѣйствительно, они выходятъ къ краю рощи. Здѣсь довольно высокое взгорье, канава, и къ ней тѣснымъ строемъ подходятъ березы.

За березами клонится книзу солнце. Миша съ Лисичкой садятся на опушкѣ, у края канавки.

— Теперь, должно быть, уже шесть. Какъ свѣтло въ небѣ!

— Вонъ голуби вьются тучей надъ поповскими ометами! Гляди, Миша, какъ они сверкаютъ... какъ-то переливаются въ воздухѣ! милыя птицы!

Пока Лисичка радостно захлебывается, солнце наводитъ свой свѣтъ на церковь въ лощинѣ, внизу, и окно горитъ ослѣпительнымъ зеркаломъ.

— Какъ будто какія-то волны въ небѣ... прямо зеленоватый хрусталь. Необычайный вечеръ!

Они молчатъ. Далеко по склонамъ и перелогамъ видны поля въ радужной дымкѣ; окно церкви сіяетъ, какъ въ алмазномъ вѣнцѣ; смиренныя деревушки, распростершись подъ небомъ, льютъ кверху влажные и благовоиные столбы-гимны.

— Иногда со мной бываетъ, — говоритъ Миша, — какъ сейчасъ вотъ, что я ясно чувствую, какъ всѣ мы, живя, мысля, работая, какъ тотъ мужиченко... вонъ, пашетъ подъ

озимое, что всѣ мы вмѣстѣ плывемъ, знаешь, какъ солнечная система. Куда? Богъ знаетъ, но къ какой-то болѣе сложной и просвѣтленной жизни. Всѣ мы переходъ, и мужики, и работники, и человечество теперешнее... И то, будущее, мнѣ представляется въ родѣ голубинаго сіянья, облачка вечерняго. Вѣдь люди непремѣнно станутъ свѣтоноснѣе, легче... усложненнѣй... и мало будутъ похожи на теперешнихъ людей. И теперь это есть въ нихъ, но мало, искорками.

— Миша, — робко говоритъ Лисичка, — ты рассказываешь будто про ангельскую жизнь...

— Во-первыхъ, ангелу вовсе не такъ трудно пролетѣть вонъ по той лазури. Во-вторыхъ, людямъ незачѣмъ становится безплотными духами, — наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ, плывучимъ и нѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка, и портиться-то не можетъ. Оно будетъ какъ-то мягко кипѣть, пѣниться и вмѣсто смерти таять, а можетъ, и таять не будетъ, и умирать не будетъ.

Они молчатъ. Лисичка съ любовью смотритъ на Мишу, на голубей и солнце, и все ея золотисто-рыжеватое существо вдругъ поникло въ особенной нѣжности, точно поддалось музыкѣ.

Вечеромъ они возвращаются въ пустую усадьбу. Лисичка утомлена, но легко опирается на Мишинъ локоть.

— Нынѣшній день я никогда не забуду: — никогда раньше я не видала такого свѣта, какъ сегодня! Бываютъ солнечные дни, а вотъ этотъ... золотой! Милый, золотой день! Милый день!

И ночью она рано, по-дѣтски, засыпаетъ. Миша же долго читаетъ, долго ходитъ, и смутныя мысли владѣютъ имъ. Передъ разсвѣтомъ онъ ложится. Но сонъ нейдетъ, только возрастаетъ тишина и звонкость утра. Наконецъ, въ свѣтломъ волненіи, онъ пріоткрываетъ глаза и сквозь окна видитъ фонъ блѣднаго золота, на которомъ чернѣютъ ракиты. Роса затуманила траву, и къ шалашу плетется Клима, какъ старый, бѣлый утренній пѣтель.

Больше нельзя выдержатъ. Онъ одѣвается, пріоткрываетъ дверь, чтобы не разбудить Лисичку, и садится на

велосипедъ. Странно. Ноги сами бѣгутъ, шины чуть-чуть шуршатъ и задумчиво несутъ куда-то. Какъ легко и какъ быстро! Онъ вольно дышитъ и выносятся въ поле, опять въ жнивья. Вотъ онъ и просторъ, и мѣръ. Золотой богъ невысоко стоитъ на небѣ, а Миша скользитъ по землѣ неслышной птицей.

Онъ пьянѣетъ. Дорога идетъ подъ гору, вдали деревни припали къ землѣ, озеро тумана разлеглось по лугамъ, гдѣ вчера была сосѣдская усадьба, и дымно-золотистый воздухъ кружитъ голову: спицы слились въ сверкающій кругъ, дышать все легче, и огненный дискъ растетъ, разливается, заполняетъ небо, влечетъ къ себѣ.

Черезъ часъ Миша медленно вѣзжаетъ во дворъ, съ летящимъ и свѣтлымъ сердцемъ; этотъ отрывокъ времени онъ пробылъ будто во снѣ, въ солнечномъ безуми, и теперь ему кажется, что если бъ онъ вошелъ въ темную комнату, она освѣтилась бы.

Онъ проводитъ шиной по росѣ темную ленту и вплываетъ во флигель. На порогѣ еще разъ оглядывается назадъ, потомъ входитъ. Въ его комнатѣ мирно спитъ Лисичка; она какъ бы въ облакѣ сна и ласки; подъ одѣяломъ чувствуется тихо пышущее тѣло, въ розоватомъ дыму. Двѣ боковыя косицы слабо поблескиваютъ, и во всю длину темени, между ними идетъ бѣлый, жалобный проборъ. Миша улыбается.

— Пѣннорожденная!

Тоненькую ногу, высунувшуюся слегка, ласкаютъ лучи изъ окна. На ней слабыя жилки, и вся она привѣтливая и прозрачная.

Пригыкино.

1906.

Аграфена

I

На дальней зарѣ своей жизни, семнадцати лѣтъ, стояла Груша въ полѣ. ранней весной. Пѣли жаворочки, было тихо и сѣро — апрѣль, подѣ прясломѣ блѣдно зеленѣла крапива. Груша слабо вздохнула и пошла тропинкой отъ деревни къ большаку. И когда она до него дошла, издали, отъ лѣсочка лѣдовскаго зазвенѣли колокольчики. Сквозь свѣтлую мглу утреннюю трудно было сразу разобрать, кто ѣдетъ, но, видимо — тарантасъ, тройка; вѣроятно изъ усадьбы господской кто.

Груша скромно шла сбоку большака, по тропинкѣ богомолокъ; почему-то заиграло и забило ея сердце. Вотъ уже ближе, можно разсмотрѣть Азіата на пристяжкѣ, какъ онъ шейю дугу вычерчиваетъ, кучеръ Иванъ — ясно; ѣдутъ со станци, везутъ... Черезъ двѣ минуты увидала и кого везутъ: въ синей студенческой фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ и темно-голубыми глазами „онъ“ — худой и тоненькій, съ острымъ лицомъ и нѣжнымъ цвѣтомъ на щекахъ. Какъ ни быстро все было, успѣли они все же увидѣть другъ друга, обмѣнялись вспыхивающимъ взоромъ— и укатила тройка, только веселую сѣрую пыль подняла. А Груша вдругъ покраснѣла густо, малиново, когда уже никого не было, и стала что-то смѣяться; обрывала польню съ канавки и пугала воробьевъ на дорогѣ.

День же свѣтлѣлъ, надъ озимью текли стекловидныя струи; овсы зеленѣли, были черны пары.

II

Съ этихъ поръ началось для нея новое. Та усадьба, куда раньше ходила она на поденную, стала особенной. Тамъ сидѣлъ „онъ“, синеглазый и тонкій, занимался своими книжками, но каждую минуту могъ выйти къ молотильному сараю, гдѣ возили солому, въ поле, къ скотному.

Идя по полямъ, гдѣ весна разстилала свои зеленѣющія одежды, думала Груша все объ одномъ; вдругъ его встрѣтитъ. И это давало задумчивую силу путешествію съ холстами къ сажалкѣ, гдѣ плескались утята — желтые, въ пуху; или бродяжничанью въ березовомъ лѣску за вѣниками.

Иногда по ночамъ онъ ей снился — въ синѣющей дымкѣ; утромъ она просыпалась счастливая и измученная.

А потомъ опять шла на работу, вспыхивая и глубоко рдѣя, и тайкомъ высматривала, гдѣ бы можно было его видѣть. Оказалось — онъ взялся бродить съ ружьемъ за усадьбой; особенно по вечерамъ, на тягу. Уже не разъ видали его надъ рѣчкой или на бугрѣ у мельницы, тамъ онъ сидѣлъ, и охотился ли, ястребовъ стрѣлялъ или про что думалъ свое, сказать было нельзя: сидитъ и смотритъ, бродитъ, пѣсенку насвистываетъ и глядитъ далеко: точно и не самъ онъ тутъ.

Такъ было и въ тотъ вечеръ апрѣльской, алый и нѣжный; чуть вились комары, березки стояли въ зеленомъ дымѣ, а Груша съ бьющимся сердцемъ перебиралась черезъ рѣчку въ рощу березовую, по шатучимъ кладкамъ. Было прозрачно; въ плавной водѣ мелькнуло слабое Грушино отраженье, легко она перемахнула и съ холодомъ въ ногахъ пошла, похрустывая вѣточками подъ ногой, туда, гдѣ онъ. Онъ опирался на ружье — тоненькій стволъ чернѣлъ въ деревьяхъ — и ждалъ вальдшнеповъ...

— Здравствуйте, Груша!

— Здравствуйте!..

Она засмѣялась. Точно что-то сказать хотѣла да не могла.

— За охотой ходите...

Онъ улынулся. Стоялъ, краснѣлъ тоже, и вблизи

отъ него, въ зеленой мглѣ цвѣли ея милые каріе глнза.

— Да, за охотой. Вальдшнеповъ караюлю.

Онъ все улыбался, потомъ вдругъ взялъ ее за руку. Она чуть отшатнулась, онъ прислонилъ ружье къ березкѣ, обнялъ ее и глубоко поцѣловалъ въ губы.

III

Краснѣлъ май, пролетая въ огненныхъ зоряхъ, росахъ; кукушки медово куковали, точно окуковывали молодую жизнь. Солнце вставало пламеннымъ и пахучимъ, глубокими ароматами дымились луга подъ нимъ и скаты розовѣли, окровавившись „зарей“, медвяно-липкой пурпурной травкой.

Очень ранними утрами нарывала Груша ландышей, бѣлѣющихъ и одуряющихъ, и бросала тихонько въ „его“ окошко во флигелѣ; ей казалось, что съ ними идетъ отъ нея особенный душевный привѣтъ. И цѣлый день въ одинокой комнатѣ сладко пахло бѣлымъ, нѣжнымъ.

Встрѣчались они мало; больше онъ сидѣлъ за дѣломъ — „книжки читаетъ“ — какъ говорили въ усадьбѣ: около флигеля запрещалось громко разговаривать.

Но въ іюнѣ начался покосъ, и онъ иногда приходилъ работать. Это было немного смѣшно — слишкомъ онъ не умѣлъ справляться съ вилами, навивкой воевъ, но когда на лугу, гдѣ Груша съ дѣвками сгребала сѣно, появлялся онъ, въ бѣломъ кителѣ и съ опаленнымъ зноемъ лицомъ, сердце Груши, какъ всегда, падало. „Господи, надорвется“, думала, — а онъ, напрягая все тонкое тѣло, съ раскраснѣвшимися щеками, подымалъ на вилахъ стопу сѣна. „Ахнеть, сразу сердце оборвется, и конецъ“. Но онъ не умиралъ, а посмѣивался ей ласковымъ взглядомъ, и хоть она и отъ того раза почувствовала къ нему тайную, трепетную близость, все же былъ онъ и безмѣрно далекъ. И когда послѣ полного блестящаго дня она возвращалась домой и ложилась спать въ ригѣ, мечтая о немъ, грусть наполняла ей душу; весь онъ казался ей тогда тѣмъ, чего не бываетъ и о чемъ томятся.

Уже кончался покосъ, часто по небу юньскому плыли бѣлыя, круглыя облачка. Имъ выпало вмѣстѣ ѣхать за рѣку, за оставшейся копенкой.

Убирая бѣдную копенку, цѣловались они, шалили, вздрагивая и краснѣя.

Возъ былъ почти уже навить, они устали и рядышкомъ сѣли въ тѣни за нимъ. Лошадь стояла покорно, душно пахло сѣномъ, солнце сгибалось книзу. Незамѣтно наступилъ тотъ короткій предвечерній часъ, когда золотѣе все, умирненѣе, и въ зеркальной глубинѣ свѣтлаго неба какъ бы чуешь правду чистую и безконечную.

— Умучились вы очень, вѣтеркомъ бы обдуло, — сказала Груша и глянула робко, будто стѣсняясь, что онъ такъ работаль.

— Ничего, пустое.

Молча сидѣли они подъ тихую жвачку Прахоннаго. И снова, какъ въ ночныхъ мечтаніяхъ, вдругъ охватила ее томная печаль.

Онъ сорваль травинку и откусываль кусочки. Потомъ сказалъ:

— Отчего такъ бываетъ, смотришь на небо и облачка такія, — кажется, когда-то въ дѣтствѣ видѣль это, — а когда, не помнишь. И какъ тогда чудесно было... Вотъ и лѣто, и все, а тогда было другое.

Грушѣ съ этими словами показалось, что опять онъ не веселый и смѣющійся, а тайный, далекій, — такой, какъ когда читаетъ книги или смотритъ подолгу вдаль.

— Вы на лѣто опять приѣдете? — вдругъ спросила она. Онъ не отвѣтилъ, потомъ произнесъ:

— Можетъ быть.

„Можетъ быть“. А, можетъ, и нѣтъ?

Груша молчала. Долго они сидѣли такъ, безъ словъ, а потомъ вдругъ теплыя слезы, свѣтлыя и соленыя, подступили ей къ глазамъ.

Онъ улыбался ласково, печально, и гладилъ ее по затылку. Потомъ слабо поцѣловаль и всталъ.

IV

Въ августѣ убирали овесъ; было тихо; тепло, даже душно; много сѣренькихъ дней, когда куропатки срываются въ кустахъ изъ-подъ ногъ и чертятъ воздухъ острыми крылами; а вечеромъ спокойная луна, лилово-дымчатая, всходитъ надъ полями въ меланхолии. Тогда унылѣй и пахучѣй полныи надъ дорогами, и надъ кладбищемъ деревенскимъ низко плыветъ луна.

„Онъ“ въ такіе вечера блуждалъ по дорогамъ на велосипедѣ; заѣзжалъ вдаль, къ одинокому лѣсочку на взгоркѣ, среди нивъ, клалъ коня рядомъ и глядѣлъ подолгу на гибнущій закатъ, на деревню, гдѣ жила Груша, и видъ безмѣрныхъ родныхъ равнинъ вызывалъ одно, всегда одно и то же. Иногда поджидалъ у сворота тропинки Грушу, когда она возвращалась домой; спрятавъ велосипедъ въ овсахъ, шелъ съ нею рядомъ. Она напѣвала, а спѣлые овсы шелковѣли вокругъ, сухо шелестѣли; иной разъ тихую ночную птицу вспугивали они изъ-подъ ногъ.

Убывали дни, становилось ихъ меньше до конца. Чаше пѣло Грушино сердце о разлукѣ. Точно сильнѣе и глубже вошелъ онъ въ нее отъ этого, и когда, распрощавшись у ригъ, добредала она до дому, то глядѣла на загадочныя облака надъ солнцемъ угасающимъ, и думала, что такъ же растаетъ и онъ, такъ же золотой, недосыгаемо-чудесный.

Въ послѣдній вечеръ, обняла она его колѣни и не могла оторваться. Послѣ онъ уплылъ въ вечернюю мглу, а она стала на колѣняхъ и молилась вслухъ полямъ, овсамъ, небу, Богоматери кроткой и милостивой, посѣтившей въ тотъ вечеръ нивы.

Онъ же покинулъ тѣ края, не возвращался больше и пребылъ таинственнымъ посѣтителемъ, пришедшимъ въ жизнь Аграфены на ея ранней зарѣ, чтобы растаять синеватымъ туманомъ, оставивъ за собою любовь, томленье, тихіе восторги и нѣсколько не слишкомъ щедрыхъ пощлуевъ.

V

Прошло четыре года. Аграфена жила въ маленькомъ

городѣ, занесенномъ снѣгомъ и тихомъ, у молодой барыни. Она была замужемъ, но съ мужемъ разошлась и дѣтей не имѣла; жить же въ этой квартиркѣ, гдѣ всюду были бѣлыя отсвѣты снѣга изъ оконъ, ей нравилось.

Сильно топили, было тепло. За стѣнами далекіе снѣга, полусонный городъ, мятели; здѣсь же ходила легкой походкой маленькая барыня, выкармливая грудного, а другой мальчикъ ходилъ въ гимназію — первый классъ.

Аграфенѣ думалось, что, живя здѣсь, хлопоча въ кухнѣ, таская дрова, свѣжепахнушіе, веселье, она ведетъ благочестивую, спокойную жизнь.

По субботамъ, отпросившись у барыни, бѣгала она наискось въ церковь, черезъ заснѣженную улицу, увязая, обдаваемая острымъ и жгучимъ зимнимъ духомъ. Въ церкви скромно становилась сбоку, слушая „Свѣте Тихій..“

Пѣлъ хоръ гимназистовъ; свѣтло мерцали и струились свѣчи, золотѣли, мигали. Сердце ея обнималось тогда благоговѣйной ясностью; и среди тихихъ напѣвовъ неожиданно вставалъ нѣкто дивный и грозный; случилось, — вдругъ передъ лицомъ этихъ ризъ на иконостасѣ, отъ голоса отца Дмитрія, высокаго, тонкаго, вѣяло такимъ безмѣрнымъ, что она въ ужасѣ спрашивала себя: вѣрю или не вѣрю? Вдругъ, если не довольно вѣрю, не живу съ мужемъ, посты плохо чту—вдругъ тогда и конецъ, и спасенья нѣтъ, адъ и проклятье?

Съ этими вопросами обратилась она разъ къ барынѣ.

— У васъ, можетъ, у господь и вовсе въ Бога не вѣрують, а намъ какъ?

Барыня улыбкулась, какъ всегда задумчиво и къ Аграфенѣ ласково:

— Въ Бога я вѣрю, Аграфена, вы не думайте. Насчетъ ада плохо умѣю сказать; объяснить не могу, а навѣрно, думаю, что нѣтъ. Нѣту такого ада, незачѣмъ; и здѣсь на землѣ достаточно.

Аграфена ушла къ себѣ мыть чашки, все о томъ же думая: „на землѣ достаточно...“ Такъ и барыня: спокойная, не сердится никогда, дѣтей ласкаетъ, а сама думаетъ, и точитъ въ ней что, — подъ глазами круги, блекнетъ здѣсь

одна въ этой тиши. Ночью, крестясь на лампадку, Аграфена слышала, какъ ворочалась, вздыхая, барыня. Аграфена вздыхаетъ, широкимъ мужичьимъ крестомъ крестясь „за покой“ доброй барыни.

VI

Подошли Святки. Барыня дѣлала елку Колѣ; никого не было, кромѣ Аграфены; елка свѣтло сіяла въ скромной квартиркѣ. Барыня улыбалась, радовалась, что нравится Колѣ, и какъ всегда — блѣдная тѣнь ходила по ея лицу а сосѣдки-кухарки говорили Аграфенѣ: „Вотъ смотри, къ вамъ и отецъ Дмитрій не пойдетъ, потому твоя барыня безмужняя.“ И дальше рассказывали, всѣ по-разному — одно: сзади лежала сердечная исторія.

Отецъ Дмитрій, однако, былъ; служилъ молебень, кропилъ, и не только Аграфена молилась, но крестилась и барыня.

Разоблачившись, отецъ Дмитрій завтракалъ; они съ барыней говорили — какъ два вѣжливыхъ и всегдашнихъ противника.

— У васъ здѣсь весьма тихо, напоминаетъ женскій монастырь.

Барыня улыбалась.

— Это и есть монастырь.

Во взглядахъ отца Дмитрія было одновременно почтительное и внутренне-неодобряющее.

Потомъ опять забѣлѣли снѣга; снѣгла по ночамъ лампадка въ большой дѣтской, барыня цѣлыя ночи бродила съ груднымъ: онъ пищалъ, кисъ, было безмолвно, и если ночь выпадала лунная, голубѣло и тамъ, въ тихо сверкающемъ снѣгѣ; таинственное, слышное только ей одной, наполняло тогда квартиру и городъ; вспоминалось о далекихъ дняхъ, и хотѣлось сѣсть въ этой свѣтлой ночи въ волшебныя сани, унестись по бѣлѣющимъ полямъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который...

Въ кухнѣ спала Аграфена; барыня, подходя къ двери,

улыбалась на нее; иногда даже смотрѣла по нѣскольку минутъ. „Знала она, или не знала такое?“

И ходила подолгу съ груднымъ изъ угла въ уголь, погружаясь въ лунныя колонны выходя изъ нихъ. Съдая печаль повивала ей голову: печаль ровесница самому міру.

VII

Вѣтры подули, потекли снѣга, мощный и веселый духъ ходилъ надъ землей, трубя и играя. Масленица была пышная, съ роскошными лужами на улицѣ, весенними ночными бурями и дождями. Не могла уже Аграфена быть монашкой зимней; томилаь она и заплакала даже разъ — ручьями, неизвѣстно о чемъ.

Въ тѣ же дни встрѣтилась она съ кучеромъ Петькой, только что попавшимъ сюда на службу. Онъ былъ молодъ, черноусъ и остръ. На дворѣ его боялись и не любили; очень больно умѣлъ сказать, сплевывалъ геніально, и когда мчался въ санкахъ на Звѣздочкѣ, глядѣть духъ занимало.

Аграфена такъ и зѣвала на него разъ, когда онъ вѣзжалъ домой на взмыленной лошади, а онъ цикнулъ, ловко перебралъ вожжей, чтобы не задавить, и прорѣзалъ у самыхъ ея ногъ, такъ что она шарахнулась даже въ подѣздъ.

— Эй, ты, малина!

И по тому, какъ онъ сказалъ это, поняла она, — что бы ни велѣлъ этимъ голосомъ — удадь, наглость, сила въ немъ — все она сдѣлаетъ.

Къ вечеру понадобилось достать дровъ изъ сарайчика; сумеречилось, сиреневѣло, чуть желтѣли огоньки фонарные; легкимъ ходомъ пробѣжала Аграфена къ знакомому мѣсту, вся вздрагивая, внутренно холодѣя; вотъ и дрова пахучіе — и тамъ у каретнаго кто-то возится, пахнетъ оттуда дегтемъ, шорникомъ, шлеей...

— Али потеряла что, молодка?

Острый запахъ цыгарки, картузь ловкій, крѣпкія, какъ изъ жилъ, руки.

— Такъ ужъ, потеряла или нѣтъ, про то вамъ знать не приходится...

— Ой ли?

Дверка захлопнута, и какъ онъ дрожитъ, какъ цѣлуется...

Черезъ четверть часа бѣжала Аграфена черезъ дворъ съ дровами, домой, легко-пьяная и не себѣ уже принадлежащая. А Петька сплевывалъ, курилъ цыгарку у воротъ, и жадный, побѣдный огонь лился изъ его глазъ.

VIII

Летѣли дни, такъ же ходила барыня съ ребенкомъ, тепломъ вѣяло съ неба, зазеленѣло все, — Аграфена горѣла. Казалось, не было лѣтъ сзади, нѣту впереди ничего да и не надо — вся полна собой, кровавой своей любовью.

Поздно вечеромъ, когда все засыпало, она тушила огонь на кухнѣ и сидѣла въ забытїи, глядя на звѣзды; а потомъ, ведомая властью свѣтилъ любовныхъ, выскальзывала на дворъ и, крадучись, къ сѣновалу. Здѣсь волны сѣна. О, какъ оно пахнетъ! И пока она лежала, въ трепетѣ ждала, майскій мѣсяць выползалъ изъ-за сада, заглядывалъ золотымъ лучемъ въ слуховое оконце: тамъ онъ видѣлъ слушавшую Аграфену — потомъ ловкіе шаги — онъ.

Такъ, въ майской тьмѣ, задыхаясь на сѣнѣ, трепеща отъ любви, зачала Аграфена новое бытіе. Она почувяла это въ такую же жгучую ночь, и Петру не сказала. Но уйдя отъ него, когда забѣлѣлъ востокъ, пошла не къ себѣ на кухню, а за сарай, въ садъ. Тутъ было тихо; матовой пеленой одѣли росы траву, молодыя яблони стояли всѣ въ цвѣту, — бѣлыми предутренними кораблями. Только вдали, гдѣ старая береза подымалась у забора, вдругъ слабо завела свое курлыканье горлинка. Подъ сердцемъ Аграфены билась жизнь. Она стояла, точно предстала передъ Богомъ, какъ покорный сосудъ, скудельный сосудъ Его благи и ужаса, и нѣкто тихою десницей навсегда отмахнулъ отъ нея время, когда была она безаботной.

IX

Съ того дня Аграфена стала спокойнѣе, строже; даже барыня удивлялась: „Вы, будто, Аграфена, поуменьли“, говорила и посмѣивалась. Аграфена краснѣла слегка, молчала. Но въ душѣ у нея вставало нѣчто, чего раньше она не знала: будто тѣнь отъ дальняго, жуткаго доходила ей до ногъ и стремилась охватить всю: „Петя меня любить, надо бѣ свадьбу сыграть, а чего-то боязно“.

На дворѣ надъ нею зубоскалили, говорили, что вѣшается Петькѣ на шею, да Петька не такой дуракъ, чтобы дать себя бабѣ въ кабалу: пусть бы глядѣла, не равно другую подцѣпить.

— Всѣ, милая, измѣнщики они, всѣ ироды, была бѣ моя воля, всѣхъ бы ихъ на каторгу наладила.

Аграфена сердилась.

— Петя не измѣнщикъ.

Лысая кухарка охала. Мало вѣрила Петру, какъ и другимъ.

— Присматривай, дѣвушка, присматривай. Наше дѣло женское.

И правда — этого Аграфена не могла отрицать — Петръ сталъ какъ-то ускользчивѣй, мимолетнѣй; въ его острыхъ глазахъ мелькало какъ бы чужое, тайное и скрываемое.

— Петя, знаешь ты, я за тебя въ огонь и въ воду на адскую муку согласна. Вотъ дослужимъ здѣсь, повѣнчаемся, въ деревню поѣдемъ... Господи, мальчикъ нашъ будетъ розовый, назову его Кирилломъ, буду люльку качать, яснаго моего сокола поминать.

И она принадлежала къ его ногамъ, плакала, цѣловала руки, но онъ былъ равнодушенъ.

— Наживу денегъ, уйду на Волгу. Экъ ты, кура, кура.

Аграфенѣ нравилось все, даже то, что ея не замѣчалъ. Надрожавшись отъ восторга, жути за ночь, она шла въ бѣлую кухню и, слушая, какъ медленно ходитъ изъ

угла въ уголь съ груднымъ барыня, тяжело и сладко засыпала.

X

Въ ночь начала іюня, какъ назначено было, накинувъ платокъ и дрожа, озаряемая тѣмъ же мѣсяцемъ, что въ дни счастья и зачатія заглядывалъ на сѣноваль, — Аграфена кралась туда же, къ лѣсенкѣ на сѣнникъ; какъ раньше, сопѣли внизу коровы, телята бормотали дѣтскими губами и чуть скрипѣли доски лѣстницы. Вотъ и сѣно — душное и пьянительное, какъ сладкое луговое вино, — и то мѣсто, за поперечной балкой, что было ими облюбовано, и гдѣ любили они такъ бурно. Но что это? Или слухъ измѣняется? Движенье. Возьются, хохочутъ. Поцѣлуй, такой же, тамъ же...

— Петя!

Смолкли.

Голосъ — злой, чужой.

— Какого дьявола по сѣноваламъ шляешься? Или на службу нанялась?

— Петя...

Но остановилось сердце, нѣту ему ходу — видитъ она съ нимъ тамъ другую дѣвку Федосью, и онъ лѣзетъ отъ нея лохматый, съ сѣномъ въ волосахъ.

— Прочь пошла, слышишь — вонъ!

Онъ не слушалъ. Столкнулъ внизъ съ крутой лѣсенки, такъ что упала о земь, разбила верхнюю губу. Онъ заперъ дверь.

Позже встала она медленно и пошла домой. Тамъ сидѣла тихо, у окна; было безмолвно въ ея душѣ, стояла пустота, палимая безплотнымъ огнемъ... Потомъ слабо задремала, передъ разсвѣтомъ, сномъ тонкимъ и больнымъ: проснувшись — сразу вспомнила, что выѣдено все у ней внутри и одна зияетъ огненная рана. Тогда стала плакать — медленными, безграницными слезами. Такъ застала ее барыня,

выйдя утромъ въ сѣренькомъ своемъ халатѣ, блѣдная и сухенькая.

И какъ была она женщина, сразу поняла все.

— Не плачьте, Аграфена, не тужите. Вотъ полюбите еще, новое счастье узнаете.

Такъ познала Аграфена первую свою женскую муку, огнепалимую и ненасытную. Муку отверженной.

XI

Къ новому году Аграфена родила. Въ это время она ужа не жила у прежней барыни, которая уѣхала куда-то и навсегда пропала съ ея глазъ. Также не было и Петра; онъ ушелъ оттуда еще лѣтомъ, чужой и недругомъ. Но теперь все это было для нея далекимъ, щемящимъ, надъ чѣмъ время возводило свои усыпляющіе терема.

Съ дѣвочкой на мѣста не брали; поэтому пришлось отдать ее въ деревню. Это тоже было горько, но необходимо.

Оставшись одна, она стала внутренне собранной, готовой на нелюдимую тяжелую жизнь, и вступила въ кочевое состояніе женщины, переходящей отъ хозяевъ къ хозяевамъ, видящей разныя семьи, разныя драмы, счастья и предательства, — но хранящей суровую отчужденность и только временами плачущей, въ одинокія ночи.

Такъ блуждала она довольно долго. Понемногу годы, утомляя своимъ волнообразнымъ всплескомъ, ввели ее въ возрастъ, когда жизнь кажется наполовину прожитой, въ головѣ пробѣгаетъ волосъ серебряный — глубже въ лобъ врѣзается морщина.

XII

Теперь мѣсто Аграфенѣ вышло въ домѣ госпожи Люце, въ томъ же городѣ. Она служила кухаркой; жила въ подвальной этажѣ, въ тѣсной кухнѣ и видала оттуда медленную жизнь, протекавшую вокругъ и наверху.

У госпожи Люце была мастерская; въ ней шили и вязали чулки, жили мастерицы, и сама „тетушка Люце“ вела скромное существованіе, весь день работая надъ сма- тываніемъ нитокъ. Хотя всѣ съ ней были привѣтливы, Аграфена дичилась и старалась быть въ сторонѣ, внизу у себя. Тамъ жила старая няня, взростившая госпожу Люце, и ея старикъ-мужъ, Мунька. Онъ походилъ на снѣжно-серебрянную копну; двигался медленно, иногда въ низенькой закопченной кухонкѣ разговаривалъ съ Аграфеной. На нее это дѣйствовало тяжело: стоитъ Мунька восьмидеся- тилѣтній, какъ древнее привидѣніе, и бормочетъ:

— Было это въ пятьдесятъ пятомъ году. Въ Остан- кинѣ тогда жилъ покойный императоръ, Александръ Второй. Или:

— Много нашихъ подъ Силистріей легло. И мы тамъ съ бариномъ были.

Темная тѣнь — годовъ, императоровъ, битвъ, войнъ — ложилась тогда на душу Аграфены. Казалось страшнымъ дожить до такой старины; и когда не спалось, мысль на- стойчивѣй направлялась къ тому: какъ же? когда? что будетъ „тамъ“. И въ началѣ какъ ни билась, духъ нѣмѣлъ передъ возможностью не быть, передъ тѣмъ, что же бу- деть, когда не будетъ ея? Прежнія мысли объ адѣ, о томъ, что „вдругъ есть Богъ“ и покараетъ за грѣхи, ушли давно; съ теченіемъ времени сталъ также проходить тотъ дикій ужасъ — а если убьютъ, отъ болѣзни внезапной умрешь, сгоришь — отъ котораго она холодѣла раньше.

Теперь, съ годами смерть представлялась надвигаю- щейся мѣрнымъ и торжественнымъ ходомъ. Она шла неотвратно, звуча бархатно-чернымъ тономъ. Но на фонѣ этого мрака просвѣтленіе, трогательнѣй сіяли видѣнія прежнихъ лѣтъ: дальній романъ среди полей, съ полузнаемымъ *имъ*, весною тихой, апрѣлемъ: слабо мер- цающая гдѣ-то сейчасъ дѣтская жизнь. Какъ давно было все это!

Теперь Аграфенѣ казалось, что ея жизнь приметъ ровное и бѣдное теченіе, будучи отдана этой дѣвчкѣ; но

ей было назначено за первымъ переломомъ бытія узнать еще огни и печали передвечеря.

XIII

Въ ноябрѣ, среди раннихъ мятелей въ домъ госпожи Люце пріѣхала барышня Клавдія съ братцемъ. Клавдія приходилась тетушкѣ родственницей, сняла комнату себѣ и братцу отдѣльно — и стала ходить въ музыкальное училище; а братецъ въ гимназію. Клавдіи поставили піанино въ комнату, и теперь нерѣдко въ пустынной квартирѣ раздавался Бетховень.

Оттого, что барышня умѣла играть, она казалась Аграфенѣ не совсѣмъ обыкновенной: точно жило въ ней смутное и слегка загадочное. А въ то же время и простое: сбѣгала внизъ къ ней, могла хохотать, картошку ѣла съ плиты недоваренную, наверху же вносила въ жизнь тетушки нѣкоторый кавардакъ. Но страннѣе всего былъ братецъ, совсѣмъ молоденькій. Тоненькій, тихій, часами просиживалъ онъ въ своей комнатѣ, что-то всегда рисовалъ, тщательно пряталъ, молчалъ и иногда вдругъ густо и безпричинно краснѣлъ.

— Нашего Костю никогда не слыхать, — говорила тетушка. — Право, живъ ли, мертвъ ли, не узнаешь.

Клавдія улыбалась — точно была съ нимъ въ заговорѣ.

Братецъ же, если слышалъ, что при немъ о немъ говорятъ, имѣлъ неопредѣленный и полуневидящій видъ, а потомъ, допивъ чай или кончивъ обѣдъ, вѣжливо благодарилъ и уходилъ въ свою комнату. Занимался уроками, потомъ много мучительно рисовалъ, потомъ читалъ, ложился спать.

Утромъ въ потемкахъ вставалъ и шелъ въ гимназію; и ноябрьскіе дни, заматая снѣгами улицы, свинцовой вереницей брели надъ городомъ; ведя нить жизни дальше, въ глушь, въ черноту ночей.

XIV

Аграфена уставала. Сзади стояли годы, оттуда сочи-

лась черная влага, стекала въ душу и скоплялась ѣдкими каплями.

Мысли о смерти приходили чаще; что-то недвижимое и сѣдое загораживало дорогу, тускнѣло все прежнее; прожитая жизнь казалась ненужной. Временами пріятно было глядѣть на камни, стѣны — какъ они тихо лежатъ, и какъ долго! какъ покойно! А иногда вдругъ, передъ вечеромъ, когда бѣдныя, сѣверно-розовѣющія тучки неожиданно разлегались надъ закатомъ, что-то манило. Становилось возможнымъ невозвратное; на минуту сердце замлѣвало, будто ожидая чего. Но закатъ гасъ и опять только закопченная кухня, темень, Мунька. Сверху музыка Клавдина, томная и родная тучкамъ умирающимъ, да невидимый братецъ.

Мунька умеръ въ очень глухую ночь. Уже много дней былъ онъ плохъ, лежалъ и стоналъ, закатывая глаза. Всѣмъ было ясно, что нельзя ему жить больше: отмѣриль восемьдесятъ лѣтъ и уходи. Няня давно приготовила ему смертныя одежды, но по ночамъ о немъ плакала. Онъ же лежалъ, какъ серебряная копна, что-то бормоталъ. и слабѣлъ, слабѣлъ.

Въ три часа съ четвертью Аграфена вдругъ, въ безпроглядной тѣмѣ соскочила съ постели; жарко было, колотилось сердце...

— Бабушка! — крикнула она нянѣ.

Не отвѣтили.

Въ сосѣдней каморѣ хрипѣло и возилось что-то, свѣтъ вдругъ рѣзко ударилъ сквозь щель, легъ тоненькой жилкой, и оттуда быстрыя слова:

— Кончается. Барыню буди.

Она кинулась наверхъ.

— Барыня, голубушка, Мунька кончается!

Тетушка Люде спала въ широкой постели, съ слабымъ отсвѣтомъ лампадокъ; старинно и печально было въ этой комнатѣ. Стояло древнее трюмо, рѣзное и въ ночномъ поблескиваньи призрачное; пахло сладковатымъ.

— Царство небесное, Господи, упокой душу!

Сразу зашумѣли въ домѣ, и, пробѣгая мимо комнаты

брата, Аграфена машинально отворила дверь и вошла. Онъ сидѣлъ на кровати, тоненькій, бѣлый, встревоженный; зади мгновенно палъ кусокъ свѣта, бросилъ его въ глаза Аграфенѣ, и потомъ, когда она притворила, худенькое бѣлое видѣнье съ голыми ногами запало ей вглубь, вызвавъ странный темный ударъ.

— Что такое?

— Мунька померъ.

Но теперь она не думала уже о мертвомъ; смутная сладость пронизала ее глубоко, и на черномъ фонѣ ночи, смерти, страха, вдругъ поплыло нагое тѣло, дѣвичьей бѣлизны.

Аграфена выскочила и сбѣжала внизъ; увидѣвъ въ кухнѣ огонь, свѣтъ въ Мунькиной комнаткѣ, его самого недвижно лежащимъ съ тонкой повязкой смерти — она зарыдала, сама не зная отъ чего.

Няня молилась, въ дверь выглянула Клавдія въ ночной кофточкѣ, потомъ проковыляла тетя Люце. Ночь шла. Ея великія панихиды простирались завываніемъ вѣтровъ, свистомъ мятели и безмѣрнымъ мракомъ. Такъ продолжалось до утра.

XV

Въ сороковой день смерти Муньки няня съ Аграфеной ѣздили на кладбище. Извозчику было шестьдесятъ, онъ зналъ все про всѣхъ въ городѣ, и ему можно было бы не говорить, куда собственно ѣдутъ. День былъ зимній. Глубокій снѣгъ, какъ и прежде, укрылъ городъ; санки плыли по немъ. Аграфена глядѣла по сторонамъ. Давно не была она такъ далеко отъ своей норы, и теперь, когда съ окраинныхъ улицъ виднѣлась вдали Ока, зимне-синѣющіе просторы и горизонты, лѣса въ снѣжномъ инеѣ — ей вдругъ представилось, что жизнь широко раздвинута, тамъ на огромныхъ пространствахъ также обитаютъ люди, также можно куда-то уйти, стоять въ снѣговыхъ поляхъ, дышать острымъ и опьяняющимъ воздухомъ прежняго.

Отъ этихъ мыслей у ней затуманилась голова. Между тѣмъ близко было кладбище. Оно лежало почти за городомъ, на широкой возвышенности, господствуя надъ всѣмъ. Отъ инеевыхъ деревьевъ оно казалось бѣлымъ облакомъ.

На воротахъ кладбища не было ничего написано, но сразу другой воздухъ охватилъ; еще прозрачнѣе, суше, таинственнѣй. Особенно деревья обольщали; о, какъ они замѣли подъ бѣлѣйшими ризами! Они рождали тишину и миръ, холодный миръ.

„Какой тамъ Мунька теперь?“ И нельзя было повѣрить, что не такой же, не хладно-серебряный, не пронизанный молчаніемъ снѣговъ и инеевъ.

Аграфена бродила межъ могилъ и чувствовала себя въ странномъ, морозномъ раю; точно вся полегчала и опрозрачнѣла. У ограды дальняго конца она остановилась. Надъ ней вились щеглы, она оперлась на снѣжный парапетъ и глядѣла долго на зарѣчныя дали. И вдругъ въ тишинѣ снѣговъ нѣжащее, острое видѣнье выплыло изъ глуби и наполнило ее сладкой болью.

Назадъ съ кладбища Аграфена возвращалась одна. Проходя по плотинѣ мимо катка на пруду, осѣненного вязами, она увидѣла брата; онъ скользилъ увѣренно и стройно на американскихъ конькахъ, а передъ нимъ, убѣгая, несясь, летѣла дѣвушка въ бархатной шапочкѣ. Аграфена чуть приостановилась; затѣмъ продолжала путь.

XVI

Въ воскресенье, съ самаго утра, Аграфена ощутила тоску. Она была одна; всѣ ушли и ея мысли, бродя за плавными снѣжинками, летѣвшими съ неба пеленой, погружались во мракъ. Тогда ей пришло на умъ, что она можетъ пить. Первый разъ въ жизни въ тотъ день она пила.

Къ вечеру хмель ушелъ. Но остался трепеть и какъ бы буйность. Въ полусумеркахъ вернулся братецъ, и, какъ ей показалось въ передней, острая мужская дрожь пробѣжала

по немъ. Съ тайной сладостью стала она мечтать, сидя въ своей комнатѣ, вспоминала, какъ хмуръ и безпокоенъ онъ, какъ таитъ въ себѣ вскипающее, и опять плыли передъ ней голыя ноги, бѣлыя, какъ у дѣвушки.

Въ поздній часъ, за полночь, она, задыхаясь, кралась черезъ черный домъ, полный сна, къ его комнаткѣ. Какъ и тогда — отворила, замкнула и дрогнула: заскрипѣла пружина на постели.

— Кто тутъ?

— Я.

Стало тихо, она подошла, прильнула, потопила его въ себѣ — рѣжущей сладостью утоляла свою любовь — такую плотскую, темную, непонятную любовь.

XVII

Очень скоро узнала, что не на радость. Попрежнему былъ братецъ худъ и жалобенъ съ виду, а теперь сталъ еще и стыдиться. Когда, встрѣчаясь днемъ, она длинно взглядывала на него, онъ вспыхивалъ и нырялъ скорѣе въ свою комнату, а еще хуже получалось, когда приходилъ кто-нибудь.

Къ Клавдіи часто забѣгали подружки: молодыя барышни и гимназистки. Была между ними и та, съ кѣмъ она его видѣла въ зимній день на каткѣ. Съ нею онъ почти не говорилъ; блѣднѣлъ въ ея присутствіи, смущался. Аграфена, подавая, унося, разсматривала ихъ обоихъ тяжелымъ взоромъ, и мутное чувство появлялось въ ея сердцѣ; сидятъ, смѣются, можетъ, любить ужъ начинаютъ другъ дружку, а того не знаютъ, съ кѣмъ онъ по ночамъ... Медленная злоба затопляла ее. О, какъ ненавидѣла она этихъ легонькихъ барышень, съ духами и тонкими ножками, — кому и жить только, чтобы цѣловаться да на балахъ плясать — пусть бы сошли къ ней въ кухню.

Когда братецъ бывалъ въ гимназій, она, убирая его комнату, не разъ разглядывала его вещи, и скоро увидала, что въ бумагахъ появилась карточка, портретъ той. Агра-

фена сдержалась и молчала, онъ же, какъ прежде, трепеталъ и блѣднѣлъ, ходилъ на катокъ чаще, и по тѣмъ улицамъ, гдѣ ничего ему не надо было.

Передъ масляной однажды къ вечеру налетѣли рои барышень, гимназистокъ: устраивался балъ. „Стрекоцуть,“ — думала Аграфена — „все стрекоцуть“. Какъ всегда въ этомъ было крайнее неодобрение. Весь вечеръ послѣ нихъ Клавдія съ братцемъ разговаривали; волновались, спорили даже, что и какъ снаряжать. Аграфена же хмуро ворочалась, не могла заснуть и опять мысль о винѣ и хмель вставала въ ея мозгу.

Въ день бала братецъ съ утра былъ не свой: точно рѣшалось что-то для него. Напяливалъ мундиръ, доставалъ бѣлыя перчатки и душился. Въ восемь часовъ заѣхала та, и какъ вошла въ комнату въ платьѣ своемъ бѣлѣющемъ, съ легкимъ духомъ вокругъ и тоненькими дѣвичьими ножками — показалась Аграфенѣ невѣстой: сіяющей и ослѣпительной.

— Ну, хорошій мой человѣкъ, покажись! Доброе лицо тетушки Люце расцвѣло улыбкой. — Хорошо одѣлась, ангелъ мой, очень хорошо!

Потомъ она лукаво глянула на брата.

— Вотъ бы, Костя, тебѣ невѣсту такую. Я бы благословила.

Костя вспыхнулъ и выскочилъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа они уѣхали. Аграфена была блѣдна.

Бѣлое облако молодости, сіяній, люстръ, приняло ихъ. Въ блѣднозеркальномъ воздухѣ они носились до утра среди блистающихъ колоннъ, въ вальсахъ и нѣжныхъ танцахъ. Робко благоухала любовь. Ее окутывали ткани, прозрачныя и мятушіяся, и вся эта юность была однимъ взлетающимъ существомъ, въ золотѣ огня.

Аграфена же томилась въ черномъ прозябаніи, безъ сна. Тяжкія волны били въ ея мозгу; сердце источало кровь. И когда силой воли унимала она его на мгновение, съ великой силою чувствовала, что иначе быть не можетъ; надежды ей нѣтъ.

Братецъ возвратился на разсвѣтъ туманный счастиемъ, и полупьяный имъ. Аграфена деревянно отворяла дверь.
— Хороша невѣста-то?
Онъ ничего не отвѣтилъ, прошелъ къ себѣ.

XVIII

Братецъ не имѣлъ силъ рвать, уступалъ голосу тѣла пробуждающагося, и днемъ ненавидѣлъ еще острѣй еще жестче быть.

А ужъ въ домѣ знали о ихъ связи — кто посмѣивался, кто шипѣлъ! не было недостачи въ шпіонахъ. Сама Клавдія стала серьезнѣй: разъ Аграфена услышала кусочекъ фразы, которая не ей предназначалась, Клавдіиной подругѣ, сидѣвшей съ ней въ столовой.

— Одну любить, а съ другой живетъ.

Прошла недѣля; стоялъ Великій постъ. Снова, какъ тогда, въ роковой день, Аграфена осталась одна въ домѣ. Въ первый разъ походило на весну. За день растопило даже лужи, розовый закатъ сіялъ въ нихъ пятнами, и опять багрянецъ надъ липами голыми сквозь сѣтку грачей говорилъ о несбыточномъ, пронзительнономъ...

Вдругъ звонокъ въ прихожей. Аграфена кинулась. Онъ, братецъ. Но какой! Что съ нимъ? Отчего губы дрожать и такой блескъ въ глазахъ?

— Мнѣ тебя нужно, Аграфена.

Молча прошли къ нему въ комнату. Аграфена взялась за ручку кровати.

— Я долженъ тебѣ сказать... я... я люблю не тебя... понимаешь, не тебя... Мучился... Хорошо это — тебѣ и ей разомъ въ глаза смотрѣть? Легко? О-о...

Она все стояла, все смотрѣла и стеклянѣли ея глаза. Какъ чужая понимала она его, будто изъ другого государства.

А, однако, поняла. Да, душа его давно томилаь одиноко, но теперь загажена его любовь, та тоже знаетъ, чѣмъ былъ онъ, не могъ онъ больше такъ, впотъмахъ, сказать...

Тутъ упалъ онъ на подушки, рыдая мальчишескими

рыданіями. Аграфена же стояла, онѣмѣлая и мертвая, и не знала, что дѣлать.

XIX

Стояла ранняя весна; звонили къ вечернѣ, отъ тихаго звона тянуло давно забытымъ, дѣтскимъ, что безвѣстными тропами ведетъ къ покаянію.

Аграфена говѣла. Скромнымъ вечеромъ, купивъ вербочекъ съ бѣлыми пушками, она пошла къ исповѣди. Небесные отсвѣты, розовыя пятна облаковъ бродили по иконостасу. Тамъ она на колѣняхъ передъ старенькимъ отцомъ Досиѣемъ повѣдала свои печали, плакала и взывала къ Богу, прося дать силу. Отецъ Досиѣей крестилъ ее крестомъ въ свѣтломъ куреніи ладана, и далъ облегченіе душевныхъ тяготъ.

— Возвратись къ дочери, ты мать, твое сердце полно любви къ ребенку. Проведи оставшуюся тебѣ часть жизни въ служеніи ему.

Аграфена ушла. Дома лежало письмо изъ деревни, гдѣ писали, что тамъ становится трудно, дѣвочка выросла, нуждается въ уходѣ.

Аграфена сочла это за голосъ Провидѣнія, таинственно воззвавшаго къ ней и направляющаго въ ему лишь вѣдомый путь.

Она пошла къ госпожѣ Люце и сообщила, что оставляетъ мѣсто. Потомъ взяла свои вербочки, погрузила въ стаканъ съ водой и снесла въ комнату братца, поставивъ на столъ. Этимъ молчаливо хотѣла она дать чистое нынѣ, братское и страдальческое лобзаніе юношѣ, тайно сжегшему ея сердце. Она постояла довольно долго такъ, около этого бѣднаго букета, и ея душа въ тотъ мигъ разставанія таинственно обручилась съ душою жениха, прихода котораго она такъ долго, тщетно ждала.

Опустившись на колѣни, она поцѣловала край одѣяла съ постели, тѣ мѣста пола, гдѣ ступали его ступни, перекрестила всѣ углы комнаты и вышла. Больше въ эту сладкую и больную комнату она не возвращалась. Черезъ два

же дня, когда госпожа Люце нашла себѣ вмѣсто нея другую, она, собравъ убогій свой скарбъ, навсегда покинула тетю Люце, и этотъ домъ, и этотъ городъ.

XX

Уже въ вагонѣ третьяго класса, проѣзжая мимо полей и дымно-зеленыхъ весеннихъ лѣсовъ, она поняла, что тяжелое и огромное осталось сзади; а сейчасъ такъ тихо и просто покойно на душѣ, какъ не запомнить давно. „Ну, были разныя дѣла, а теперь ничего нѣтъ“, вотъ подъ яровое пахутъ, грачи ходятъ по комьямъ, зеленыя возшли. Хорошіе зеленыя, нельзя ничего сказать, хорошіе.

Напротивъ на лавкѣ сидѣла баба во вдовьемъ платочкѣ, чернымъ съ бѣлымъ. Аграфенѣ показалось, что и она теперь такая же вѣчная вдова. Съ этимъ нѣчто бѣлотраурное, ясное привзошло въ ея сердце.

Отъ станціи Ферязи до ея родной деревни считали тридцать верстъ. Она купила на базарѣ вдовій платочекъ, надѣла зипунъ, какъ богомолки, палку выломала толстую, и боковой тропкой большака, священнымъ путемъ странниковъ, мѣряющихъ родимыя пустыни, тронулась въ путь.

О, ты, родина! О, широкія твои сѣни — придорожныя березы, синѣющія дали верстъ, ласковый и утолительный привѣтъ безбрежныхъ нивъ! Ты, безмѣрная, къ тебѣ припадаетъ усталый и загнанный, и своихъ бѣдныхъ сыновъ ты берешь на мощную грудь, обнимаешь руками многоверстными, поишь извѣчной силой. Прими благословеніе я на вѣчныя времена, хвала тебѣ, Великая Мать.

Такъ брела Аграфена, широко ступая ногами въ лаптяхъ, упираясь рукой въ длинный посохъ. И ея душа была раскрыта, дѣтскими глазами глядѣло въ нее вѣчно-синѣющее небо и вѣтерокъ-ласкатель звенѣлъ въ ушахъ, опьянялъ. Въ горлѣ стояли слезы; временами онѣ текли изъ глазъ, падали на землю и были очень, очень соленыя; а ихъ спутниками на лицѣ шли морщины, прокладывавшіяся по немъ, какъ овраги.

На полпути, у взгорья, откуда были видны съ дѣт-

ства любимые Усты, село-приходъ, она пріотдохнула подъ екатерининской березой. Вынула хлѣбъ, пожевала и слегка заснула. Не прилегла даже, а полусидя, прислонясь къ зеленому откосу. На лицѣ ея въ это время была спокойная улыбка, чуть печальная.

И въ тотъ весенній часъ, въ полу-днѣ пути отъ дому, случайно задремавъ на большакѣ, она видѣла торжественный сонъ: мимо, по блѣдно-зеленымъ зеленымъ, медленно и нестрашно шла черная монашка. Въ рукахъ у ней сосудъ.

Подошедши спросила: „ты раба Аграфена?“ Она отвѣтила: „я“. Монашка постояла, медленно голову склонила, какъ бы привѣтствуя ее, и, неся свою чашу, какъ она ясно помнитъ — полную до краевъ, послѣдовала дальше. Все это длилось недолго, черезъ мгновеніе она проснулась. Солнце шло уже книзу, надо было торопиться. Взявъ котомку и палку, полная страннымъ сномъ и ясностью великой, Аграфена зашагала далѣе.

XXI

Она пришла въ Кременки на закатѣ дня. Попрежнему лежала маленькая деревня на склонѣ косогора, въ одну линію домовъ и глядѣла окнами за оврагъ, въ сады арендатора. Такая же липкая и черная грязь была на улицѣ, гусиная травка пустила свой зелененькій коверъ подъ вербами, ковыляли желтые утята и неизвѣстныя Аграфенѣ дѣти кучкой глядѣли на нее, какъ желторотые скворцы.

А вотъ домъ, что взрастилъ ее, — старуха мать къ ней кинулась.

— Красавица ты моя, думала-ль тебя увидѣть ужъ? Все ждала, всѣ глаза выплакала, тебя ждучи. Эхъ, состарѣлась, ласточка, уходилась.

— Теперь навсегда къ вамъ, маменька, — Аграфенѣ сладко и жутко, что ее, такую пожилую, обнимаютъ и плачутъ съ ней, какъ съ ребенкомъ. — Буду вѣкъ свой съ вами коротать. Что Анютка-то? Здорова-ль?

А Анютку она не узнала бѣ, если бы не здѣсь встрѣтила. Только на мгновенье опять острымъ ножомъ поло-

снуло бывое, Петръ... но сейчасъ же ушло, и она матерински ласкала ее.

Ужинали, захлебываясь въ разсказахъ; тутъ узнала она, какъ было трудно матери, какъ билась, недоимки выплачивала, — но теперь Аграфена рѣшила, на свои мужицкія, могучія плечи она возьметъ хозяйство и выведетъ на путь.

Послѣ ужина долго не могла спать. Въ небѣ слабо сіяли звѣздочки весеннія, она вышла и прошла къ ригамъ. Здѣсь тогда отуманивалъ конопельный духъ, до этихъ ригъ провожалъ онъ ее тайной тропой. Теперь онѣ угласто вырѣзались на закатѣ гасшемъ, что алѣлъ съ прежней нѣжностью, оболъщеніемъ. Струйка дальнихъ журавлей тянула къ западу; ихъ клекотъ, утопавшій въ красной мглѣ, былъ похожъ на зовъ: изъ дней далекихъ, прекрасныхъ.

Аграфенѣ жилось дома хорошо. Въ давно незнаемой работѣ, подѣ вольнымъ небомъ, она трудилась честно: ея тѣло, уставая за день, казалось ей легкимъ. Какъ бы сохнуть начинало оно. Загорало подѣ солнцемъ, принимало прекрасную силу крестьянъ. Она легко вскакивала въ колымажку, держала ручки сохи, и босикомъ, полурысцой поспѣвала за боронами. Крылатые дни неслись вереницей, благоухающей и здоровой. Колосилась рожь, догоралъ красный май; іюнь жегъ сочнымъ пламенемъ, вспаивалъ луга поемные, куда выѣзжали всей деревней повозками на нѣсколько дней; тамъ жили, какъ цыгане, косили и везли все сразу. Потомъ сухой іюль; мѣсяцъ бѣлаго-жара, страды-бабьей муки. Въ длинной бѣлѣющей рубахѣ, обливаясь, потомъ, жала Аграфена свою полосу, а Анютка подсобляла, таскала жбаны кваса изъ деревни и потомъ вязала. А дальше, въ лѣтне-золотѣющіе вечера іюльскіе, онѣ навивали снопами огромные возы и везли ихъ въ риги. Анютка сидѣла наверху, напѣвала; кусала колосики, внизу шагала Аграфена, ласково и съ думой глядѣла на нее: вотъ виденъ милый ея очеркъ, тонкой двѣнадцатилѣтней дѣвочки. И пройдетъ четыре года, пять, какъ мать погрузится

она въ муки и восторги любовныя, какъ мать припадетъ къ чашѣ — что дано будетъ испить ей тамъ? Кто скажетъ?

Подобныя мысли туманили голову Аграфены; но о себѣ она знала, что такая жизнь, какъ она ведетъ, — безъ счастья и мыслей о немъ, суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, — есть наилучшая, честнѣйшая и самая ясная жизнь, какъ ни глубока печаль, коренящаяся въ темныхъ ея истокахъ.

XXII

Въ звонкій сентябрьскій день, когда дымчаты дали, опалово-лиловое рливается въ воздухъ и кротки поля сжатыя, Аграфена вела Анютку въ усадьбу; старая барыня вызвалась отправить ее въ городъ въ школу вмѣстѣ со своей воспитанницей. Ночью Анюта плакала, и сейчасъ покраснѣвшіе ея глаза были овѣяны вѣтромъ, на нихъ набѣгала слеза.

Аграфенѣ страннымъ казалось подходить къ той усадьбѣ, гдѣ когда-то, такъ давно, протекала ея любовь. Все поветшало; но безсмертно пахло осенью, амбарами, сыпаемымъ зерномъ, молотьбой; барыня встрѣтила ихъ у мучныхъ закровъ, въ черной кофтѣ, съ всегдашне спокойнымъ и умнымъ лицомъ. Аграфена поклонилась.

— Здравствуйте, вотъ дѣвочку привела.

— Ну и хорошо.

Анютка стѣснялась немного, но барыня опытно-ласковой рукой погладила ее, ободрила.

— Вотъ и хорошо. Кончитъ школу — мѣсто получить, въ учительницы или еще куда.

Аграфена провела въ имѣніи съ часъ; встрѣчалась со знакомыми рабочими, признала даже Дамку. Чувство тишины и тонкой печали, блѣдной и безплотной, стояло въ ея душѣ. Жаль было Анюту, она нѣжно ее цѣловала и, наконецъ, сдавъ вѣрной женщинѣ Сашѣ, поблагодаривъ барыню, тронулась.

Чуть видныя, молочно-пепельныя облачка тянули въ небѣ; гроздья рябинъ краснѣли, внизу лежалъ прудъ: кри-

стальной, глубокой, — зеркало. У его берега не могла Аграфена не остановиться, и смотря на прозрачныя отраженья въ немъ — деревьевъ, облаковъ, на свой зыбко-облегченный обликъ, глянувшій изъ глубины, прожила она мгновения безсознательной мудрости, когда вся жизнь взглянула въ отвѣтъ оттуда, чуть заволокнутая легкой слезой, но также обожествленная и просіянная. Ея дни, скорби, утраты, та печаль разставанія, что глодала ее сейчасъ, на мгновение были приняты въ свѣтлое лоно. И тамъ преобразились.

Помолчавъ, вздохнувъ, она продолжала путь. Когда подходила къ Кременкамъ, розовая заря разлеглась на западъ; отъ нея вѣяло тонкой, скорбной осенью.

XXIII

Наступила зима, съ ней деревня стала строже и монотоннѣй. Мать много болѣла, Аграфенъ одной приходилось нести бремя тяготъ. Это ее закаляло. Волосы ея сѣдѣли, но нѣчто морозное и суховатое въ ней проявлялось. Будто становилась она прозрачнѣе, всегдашній внутренній трауръ выводилъ на лицо ясныя морщины, спокойную привѣтливость.

По Анютѣ она скучала, хотя знала, что ей живется не плохо; получала отъ нея иногда письма, которыя читать было большой радостью. Но приходилось искать чужой помощи въ чтеніи — „пустъ, пусть свѣту глотнетъ“, — думала, „не то, что мы, темныя, будетъ“.

А сама работала. Зима вышла тяжелая. Уже въ ноябрѣ легъ снѣгъ, и къ святкамъ Кременки были занесены по уши. На улицѣ ухабы изрыли дорогу такъ, что у самой Аграфениной избы была крутая яма; всѣ хаты оцетинились соломой, которую набивали отъ крыши до полу, проѣзжая въ ней для оконъ узкіе люки; черезъ нихъ бѣдно лился внутрь свѣтъ. И долгія ночи проходили въ завываніяхъ мятелей или грозномъ блистаніи звѣздъ на небѣ, чуть не трескавшемся отъ морозу. Большіе морозы выпали на тотъ годъ; странники, число которыхъ увеличилось за-

мѣтно, замерзали на дорогахъ. Погибло шестеро дѣтей изъ Осовки, шедшихъ за три версты въ школу.

Нерѣдко по ночамъ Аграфенѣ не спалось. Много думъ приходило ей въ голову, и характеръ ихъ бывалъ серьезень. Съ большою силою она убѣждалась, что эта часть ея жизни есть и послѣдняя, но сколько ни думала о Богѣ, смерти и будущей жизни, никогда не могла додуматься до яснаго. Иногда выходила на морозъ, и зрѣлище синихъ, пылающихъ свѣтилъ и глубокой порфиры неба, священныхъ костровъ-созвѣздій, говорило о великомъ и ангелическомъ. Чувство твердости, вѣчности наполняло ее.

Вспоминала она также свой дорожный сонъ; образъ темной монахини, встрѣтившейся на большакѣ, принялъ въ ея сознаниі образъ апокалипсиса.

Главной же точяой, какъ и въ прежнее время все была Анята, дорогая и единая дочь, свѣтлое упованіе старѣющей жизни. О ней думала она еще чаще, нежели о смерти. Ея судьба была неизвѣстна, и минутами радовала, минутами пугала.

XXIV

Такъ прожила она — ровно и холодно — пять лѣтъ. Успѣла за это время схоронить мать, видѣла, какъ безбрежная рѣка уноситъ однихъ, старить другихъ, сводитъ на бракъ юныя пары, поселяетъ страданія въ крѣпко-сжившихся, увлекаетъ съ родины, привлекаетъ давнихъ бобылей и скитальцевъ, — и въ своемъ безмѣрномъ ходѣ не знаетъ ни границъ, ни временъ, ни жалости, ни любви; ни даже, какъ казалось иногда, вообще какого-нибудь смысла.

Анята тѣмъ временемъ вернулась милой дѣвушкой и по хлопотамъ барыни получила мѣсто — сидѣлицей винной лавки въ деревнѣ Гайтрово, въ пяти верстахъ.

XXV

Аграфена оставила свой домъ и поселилась у ней. Смотрѣла за хозяйствомъ, была какъ бы престарѣлой ключницей-матерью.

Съ Анютой жила подруга — Маня. Обѣ служили. Обѣ носили походя голубенькія платица, выдавали красноносимъ мужикамъ водку, хохотали весело, а потомъ Аграфена степенно поила ихъ чаемъ изъ пузатыхъ чашекъ: синихъ съ золотыми крестами. На святкахъ ѣздили по очереди въ гости, лѣтомъ гуляли съ учителемъ, пѣли вояжамъ „Укажи мнѣ такую обитель“. „Хохотушки, молоды“, — Аграфена улыбалась. „Ну, дай имъ Богъ, дай Богъ“. Но этотъ учитель сталъ ей непріятенъ.

„Долгогривый“, рѣшила: „и что патлы жирныя — не хорошо“.

— Мамаша, знаете, Иванъ Васильевичъ замѣчательно образованный человекъ. Онъ читалъ даже Каутскаго.

„Читалъ, читалъ“ — Аграфена соображала свое, и мнѣнія не мѣняла. „Хоть бы Господа Бога“.

Дѣвушки надъ ней смѣялись. Анюта прибавляла:

— У меня мать консервативнаго образа мыслей. А онъ демократъ.

Другъ Каутскаго могъ говорить разныя вещи, и бываль у нихъ часто. Аграфена находила — черезчуръ часто. Анюта сначала хихикала, потомъ стала тише и серьезнѣй, краснѣла и по ночамъ не спала долго, — ворочалась, вздыхала. Аграфена соображала все это и тоже отмалчивалась. Но тревога подымалась въ ней. Передъ утромъ просыпалась она иногда, отирала потъ со лба и внутренно крестилась; дай Богъ Анютѣ, дай Богъ.

XXVI

Хорошо въ свѣтломъ лѣтѣ ласточкамъ носиться надъ полями, ржамъ шумѣть сухимъ шорохомъ и глубокія думы думать тысячею колосевъ; такъ же счастливы темносиніе васильки въ хлѣбахъ. Такъ же дѣвичье сердце овѣяно вѣчнымъ и сладкимъ безуміемъ любви. Сплета вѣнокъ изъ васильковъ и скромной кашки душистой, дѣвушка ходитъ тайными тропами среди ржей, обнимая его, и въ ея глазахъ — Анютиныхъ, — цвѣтъ анютиныхъ глазокъ; давно выцвѣло ея голубое прежде платице, одѣвая сѣро-сине-

ватымъ тономъ. Ея жизнь раскрыта передъ ней, какъ небесная книга; за руку съ милымъ, съ другомъ Каутскаго, она убѣжала бы на край свѣта. Но лучше — сбѣжать съ зеленаго откоса просто къ ивѣ, пруду серебряному, и туда бросать вѣнокъ и хохотать...

Вѣнокъ тонетъ. Почему? О, думать объ этомъ некогда, столько еще счастья впереди.

Такъ идетъ въ поляхъ, отражая вѣчные образы любви, любовь дочери — тамъ почти, гдѣ много лѣтъ назадъ, загадочно и обольстительно любила мать. А мать все это видитъ старою душою — какъ мелькаетъ Анютинъ вѣнокъ васильковый во ржахъ, какъ всегдашняя Офелія сидитъ у пруда: и матери кажется, что это ожили ея года, пришла далекая ея весна, и многолѣтніе глаза вбираютъ со слезой — прощальный свѣтъ полей, солнца, которыхъ скоро не будетъ.

XXVII

„Ты жила свои дни, дѣвушка Анна, въ любви; это были твои ранніе дни — и опьяняющіе. Но они прошли. Великое предначертанье повернуло отъ тебя лицо любви, любившій тебя полюбилъ другую. Это горе упало на твою дѣтскую душу огненнымъ попаленіемъ; а уже ты носила подъ сердцемъ ростокъ новаго человѣка. И не смогла снести этого. Кидалась къ старой матери. Мать прокляла принесшаго тебѣ несчастье; она ласкала тебя и утѣшала; и на блѣдной зарѣ сторожила твой сонъ. Ты спала бредя. Мать же въ этихъ твоихъ стенаніяхъ узнавала свою прежнюю муку и черные дни; острые ножи рѣзали ея сердце. Такъ ты лежала сутки, въ то время какъ твоя подруга уѣхала съ человѣкомъ, любившимъ тебя ранѣе, и обручилась съ нимъ кольцами“.

„На вторые сутки, также передъ зарей, мать задремала; проснувшись слегка, она увидѣла у твоего изголовья черную женщину въ одѣяніи монашенки, въ рукахъ у которой былъ сосудъ съ темной влагой. — И ты, Анна, припала къ этому сосуду, жадно и долго пила. Онъ былъ опорожненъ. Тогда монашенка медленно отошла и сказала

матери: „подаю тебѣ знакъ“. Мать снова заснула. Ты же встала и прошла въ предутренней росѣ къ серебряному пруду, — къ той ветлѣ, гдѣ сидѣла съ нимъ. Тамъ, подойдя, ты бросилась въ свѣтлую водную глубину. Она приняла тебя, и ты погибла. Мать же продолжала дремать въ странномъ снѣ, какъ бы зачарованная. Когда проснулась, то сразу все поняла и ринулась искать тебя. Нашла твой бѣлый платочекъ у омута и остановилась какъ вкопанная“.

XXVIII

Любовь и смерть Анюты были для Аграфены какъ бы сномъ. Но и протирая глаза не могла она не убѣдиться, что все это на самомъ дѣлѣ. Мужики сбѣжались, съ лодки достали багромъ трупъ Анюты. Прибѣжалъ батюшка; охаль, утѣшалъ, но Аграфена не слушала. И не могла плакать. То, что наполняло ее, не равнялось слезамъ, а стояло за горизонтомъ человѣческихъ словъ и чувствъ.

Два дня лежало тѣло Анюты у матери. Она сидѣла съ нимъ рядомъ, молчала и не пускала никого. Ей казалось, что сейчасъ она знаетъ нѣчто, чего сказать никому нельзя и чего все равно никто не пойметъ. Блѣдный же взоръ покойницы, быть можетъ, понимаетъ. Такъ сидя, она смотрѣла, какъ нѣсколько дней назадъ, когда Анюта была еще больна. Тайна ихъ нѣмого разговора осталась между ними.

Потомъ надо было хоронить. Священникъ отказался. Аграфена отнеслась къ этому равнодушно. На краю кладбища, за оградой, вырыли могилу.

Туда, безъ креста сверху, легла Анюта. Мать собственными руками засыпала надъ ней землю, вырубилла изъ бѣдныхъ березъ два стволика, въ бѣлой естественной одеждѣ, сбила крестомъ и водрузила. На него повѣсила малый вѣнокъ. Затѣмъ долго ходила ища дубовыхъ вѣтвей. Нашедши, прибавила туда рябины и повѣсила также. Рябина алѣла вѣчной кровью на зелени дуба. Это нравилось Аграфенѣ. И еще нравилось — старый святой обычай — насыпать зеренъ скромныхъ на гребень могилы и давать

ими пищу птицамъ. А самой — сидѣть поодаль и видѣть, какъ вѣчные вѣтры овѣвають это мѣсто, какъ заходить солнце и прощально золотить дубовый вѣнокъ — лавры смерти.

Такъ испила Аграфена послѣднюю чашу жизни. Послѣ долгихъ лѣтъ, мукъ любви, ревности, рожденія и материнства, страха смерти и печали прохожденія она узнала скорбь разлуки.

XXIX

Было утро. Солнце медленно вышло къ міру и сквозь блѣдныя облака одѣло землю въ свѣтло-перловыя облаченія. Они рѣяли надъ полями блѣдно-зелеными, бродили мягкими пятнами.

Аграфена, возвращаясь въ Кременки, все не могла вспомнить, гдѣ, когда было то же. И вдругъ на поворотѣ дороги, сразу волшебнымъ маніемъ раскрылась передъ ней ея жизнь, и предстала свѣтлая заря, семнадцатилѣтняя, когда на этомъ мѣстѣ впервые увидела она синеглазаго посѣтителя ея жизни. Сейчасъ, немолодой женщиной, подавленной тягостями, она вдругъ затрепетала, какъ отъ таинственнаго тока, пришедшаго къ ней изъ тѣхъ дальнихъ глубинъ. Волненіе ея росло. Задыхаясь Аграфена остановилась: вдругъ показалось ей, что земля подъ ногами легче, все легче, волны божественнаго, ослѣпляющаго нисходятъ навстрѣчу.

Тогда она пала на колѣни, и внутреннее видѣніе осѣнило ей душу; вся жизнь явилась ей въ одномъ мгновеніи; всѣ любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впадшими въ безмѣрный и божественный океанъ любви, и данными ей какъ таинственные прообразы Любви единой и вѣчной. Изъ-за знакомыхъ, дорогихъ когда-то лицъ, къ душамъ которыхъ ея душа была прилѣплена земной основой, восходя небесной къ небу, выплыло новое, потопляющее всѣхъ единымъ свѣтомъ Лицо, принимающее въ сверхчеловѣческое лоно.

„Господи, Господи, ты явился мнѣ, ты все у меня

взялъ, вотъ я нищяя передъ тобой, но я познала тебя въ великой твоей силѣ, Господи, я вижу твою славу, Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю“.

XXX

Весь тотъ день, весь вечеръ провела Аграфена въ молчаніи.

Она умылась, надѣла чистую бѣлую рубашку и легла на ночь, скрестивъ руки.

Предъ зарей закричали пѣтухи. Стало сѣрѣть, серебриться, дымно-розовыя пятна выступили надъ садами. Улица была тиха. Спали собаки, куры; пыль въ серебрѣ росы лежала на улицѣ толстымъ слоемъ.

Тогда сквозь утреннее безмолвіе неспавшая Аграфена услышала приближеніе. Повернувъ голову, такъ что сталь виденъ уголь переулка, она замѣтила, что, не поднимая уличной пыли и не будя собакъ, подъ молчащими ветлами къ ней идетъ черная фигура. Она ее узнала. И еще ступенью ровнѣе стало въ ея душѣ. Монахиня приближалась. Въ рукахъ держала сосудъ: „здравствуй, раба Аграфена“. „Здравствуй“. „Готова ли?“ „Готова“. Монахиня ей поклонилась. „Вкуси“. Аграфена медленно приподнялась, припала губами къ чашѣ и долго пила. „Слышишь ли мою сладость? Идешь ли?“ „Слышу“, отвѣтилъ наполовину не ея голосъ. „Иду“.

Монахиня подала ей руку, она взяла ее — медленно-медленно затянулось все туманными завѣсами, какъ бы смѣнились великія картины, бранныя на вѣчныя, и чей-то голосъ сказалъ: „Вотъ идетъ та, которую называли бѣднымъ именемъ Аграфены, вкусить причастіе вѣчной жизни“.

Это были послѣднія слова.

З а р я

I

Памяти милыхъ сердцу.

Женя не могъ сказать, съ какого времени началъ себя помнить. Были ничтожныя или непонятно-преlestныя воспоминанія, — игра, ласка, запахъ лѣтняго сада; но это тонуло въ туманѣ дѣтства, легендарнаго существованія, бросающаго на цѣлую жизнь свой свѣтъ.

И лишь много позже выяснилось для него, что начало жизни проходило въ деревнѣ. Навсегда врѣзался двухъ-этажный бѣлый домъ на взгорьѣ, почти среди села; дорога къ церкви, усаженная раkitами; бѣлорозовая церковь съ раздольнымъ погостомъ, откуда видны луга, съ разметавшейся „поповкой“, — тамъ жилъ причтъ. Наискось черезъ улицу большой садъ. Здѣсь уже слегка таинственно, и нѣкоторое очарованіе представляли его дальнія липовыя аллеи, выходившія за село, въ поле; глухія мѣста, заросшія бурьяномъ и крапивой; маленькій овражекъ, гдѣ валялись лошадиныя кости, и росли особенные, бѣлые цвѣты.

А далеко вокругъ дома, церкви, сада, села, расположеннаго на полухолмѣ — синѣли кольцомъ лѣса. Что было въ нихъ, какіе жили звѣри или разбойники, этого дѣтскій умъ не зналъ. Но ихъ названія были внушительны, иногда жутки: Брынскій лѣсъ, Козій боръ, Чертоломъ. Эти лѣса и поля, шедшія къ нимъ, и рѣчки среди ровныхъ луговъ, присылали съ вѣтрами свои благоуханія — дѣвственную крѣпость, чистоту, силу. Жизнь маленькихъ людей была

овѣяна ими. Не оттого ли все въ тѣ дни—во время Эдема—казалось острымъ и дивнымъ, какъ божественный напитокъ?

II

Изъ оконъ Жениной дѣтской, во второмъ этажѣ, виднѣлся склонъ къ рѣчкѣ, луга и далекій заказъ на горизонтѣ. Много свѣту было въ этомъ видѣ. Какъ будто окна выходили вообще на Божій міръ, лежавшій въ такомъ просторѣ и ясности.

Въ девять, къ концу ужина, дѣти уставали. И Женя, и сестра Сонечка клевали носомъ. и тутъ нужно было умѣнье, чтобы отправить ихъ спать. Былъ и способъ для этого. Приходилъ Гришка, кривоногій человекъ невзрачнаго вида, и тихая женщина Дашенька; только имъ можно было уносить дѣтей. Часто — садились верхомъ и полусонные, со сплетающимися дѣтскими мыслями, брели на отдыхъ.

Раздѣваясь, видѣли красную зарю, гасшую за заказомъ, туманъ надъ лугами. Далекимъ, милымъ дерганьемъ, кричали коростели. Эти коростелы и закаты незабываемы; чистымъ видѣніемъ сохранились они навсегда.

Засыпали покойно. Только Женя требовалъ, чтобы рядомъ въ комнатѣ сидѣла Дашенька. Было ли жутко наступленіе ночи, съ іюньскими звѣздами, или казалось страшнымъ не заснуть къ извѣстному часу?

Но Дашенька сидѣла, а вдали, въ столовой, была и мама. И можетъ быть, эта мама, которая прелестнѣй всѣхъ закатовъ, можетъ быть она подойдетъ и заглянетъ. А какое счастье, если поцѣлуетъ. Тогда навѣрно будетъ осилено безпокойство ночи, и свѣтлый сонъ, гдѣ видишь, что летишь, возьметъ незамѣтно.

III

Въ словѣ „отецъ“ для Жени заключалось все могущественное и интересное, что возможно представить о че-

ловѣкъ. Онъ могъ одолѣть что угодно, устроить всякое дѣло; онъ былъ охотникъ. Стрѣлялъ волковъ и медвѣдей гдѣ то въ дебряхъ, въ Чертоломѣ, и ничего не боялся. Лѣтомъ ѣздилъ за тетеревами.

Рано утромъ, проснувшись, Женя подбѣгалъ къ окошку — и снова тѣ же зеленые, покойные луга, за ними ржи, и на горизонтѣ Высоцкій заказъ, гдѣ охотится отецъ, Въ блескѣ солнца. въ напряженномъ зноѣ, колышавшемся надъ полями, въ легкомъ миражѣ надъ горизонтомъ эти утра такъ безсмертны!

— Женя! Klavier spielen!

И, конечно, онъ шелъ. Лина сидѣла надъ нимъ, онъ бездарно разыгрывалъ этюды, за окнами липы цвѣли, золотѣли, сладко благоухали, и все думалось: сколько же тетеревовъ привезетъ отецъ?

Катятся дрожки. Черная Норма бѣжитъ съ высунутымъ языкомъ, Тутъ ужъ нѣтъ силъ удержать гаммами.

— Много убилъ? Нѣтъ, расскажи?

Снимая сапоги, отецъ долженъ былъ подробно рассказывать, а Женя слушалъ, въ волненіи, съ неотступнымъ интересомъ, точно дѣло шло о битвѣ, геройскихъ подвигахъ.

Когда то ему купить ружье!

Послѣ обѣда отецъ спалъ, накрывшись пиджакомъ. Въ четыре его можно было будить. Въ это время въ его комнатѣ было душно, и стоялъ мужественный, знакомый запахъ, который Женя такъ любилъ. Подкравшись, онъ цѣловалъ отца въ щеку. Тотъ вскакивалъ, но, увидѣвъ Женю, смѣялся и ласкалъ его.

Потомъ шли на рѣчку купаться; тамъ снова дивно пахнулъ лознякъ, прибрежный песокъ блестялъ, летали стрижи; отецъ училъ Женю плавать, и онъ благоговѣлъ, держался за его загорѣлую шею, задыхался отъ гордости, если выказывалъ ловкость. Такъ летѣло время, пока солнце не сходило къ низу, краснѣя. Значитъ, ушелъ день. Кто считаетъ ихъ? Закутавъ головы полотенцами, они шли домой.

IV

Въ разгарѣ юля, знойнаго, радостнаго мѣсяца, загнать дѣтей въ комнаты трудно. Бѣдная Лина могла охать сколько угодно, — Женя, Сонечка, кузина Лиза Толстая или Лиза Собачка цѣлыми днями пропадали въ большомъ саду, гдѣ то на гумнахъ, въ конопляхъ, въ крыжовникѣ. Замѣтивъ Лину, хохотали, кричали таинственное дѣтское слово „чибисъ“, — оно значило все что угодно — и вихремъ неслись въ свои тайныя мѣста, извѣстныя только посвященнымъ.

— Соня, Соня, давай бѣгать! — кричала Лиза Собачка, и въ упоеньи отъ здоровья, счастья неслась какъ дикій кобыленокъ по аллеямъ. За ней Соня, Женя. Но Женя не могъ угнаться. Онѣ старше и ловчѣй. Онѣ злился.

— Дуры! Конечно, дуры! Выдумаютъ еще!

— Не догналъ, не догналъ! Самъ дуракъ!

Лиза Толстенькая останавливалась и показывала языкъ.

— Бимъ-бомъ!

— Не понимаю я вашихъ глупостей!

Это слово приводило Женю въ ярость. Дѣвчонки хохотали, а онѣ ничего не понималъ. Здѣсь была уже маленькая женская тайна; онѣ заливались, кувыркались отъ восторга, шептались и какъ заговорщицы спрашивали другъ друга: „это бимъ-бомъ?“ „Нѣтъ“. Бимъ-бомъ было что то другое, снова неуловимое и раздражающее.

Къ вечеру жара спадала. Тогда играли въ лапту. Со слободы собирались дружественные мальчишки, разные Савоськи, Масетки, Романы — и раздѣлялись на партіи. Битвы получались жестокия. На широчайшей улицѣ, по гусиной травкѣ, затянувшей середину, въ огненномъ азартѣ носились дѣти, барскія и мужицкія въ перемежку, и только одна мысль: не смазать бы мячомъ. срѣзать бы врага, хоть у черты. Или запустить мячъ Богъ знаетъ куда къ небу, гдѣ ласточки шмыгаютъ въ золотомъ свѣтѣ, чтобы онѣ на мгновенье повисѣ въ синевѣ — и камнемъ къ низу.

Хорошо, если играетъ пастушенокъ Вальтонъ. Почему онѣ Вальтонъ, этого не знаютъ. Онѣ даже не изъ этой

деревни, но въ него влюблены всѣ дѣти. Что то есть въ немъ острое, покоряющее. Когда онъ подѣзжаетъ со стадомъ, сидя бокомъ на кобылкѣ, дѣти кричатъ: „Вальтонъ, къ намъ!“ Вальтонъ равнодушенъ, какъ знаменитость, и въ этомъ тоже его обаянье. Сдавъ скотъ, онъ можетъ, между прочимъ, и сразиться. Но это такъ, отъ нечего дѣлать.

Побѣждаютъ тѣ, на чьей сторонѣ Вальтонъ.

V

Товарищъ отца по службѣ Дѣдъ (его звали такъ за громадную бороду) — подарилъ Женѣ ружье. Это было событіе.

Съ утра передъ его пріѣздомъ Женя волновался. Онъ догадывался смутнымъ чувствомъ — скрывалъ, стараясь имѣть независимый, равнодушный видъ.

Но когда Дѣдъ ввалился, втащили его вещи и остался только странный продолговатый ящикъ, Женя не вытерпѣлъ:

— А тутъ... что?

Дѣдъ улыбался и гладилъ черную бороду.

— А посмотримъ, посмотримъ.

И тамъ было ружье. Настоящее ружье, одноствольное, шомпольное, тульской работы. Соня съ Собачкой визжали; Женя сіялъ молча. Онъ считалъ неудобнымъ выказывать радость открыто. Отецъ съ Дѣдомъ осматривали ружье, совѣтовались, улыбались.

Послѣ обѣда Дѣдъ объявилъ:

— Надо идти пробовать.

Женя похолодѣлъ. Стрѣлять! Первый разъ въ жизни выпалить, произвести этотъ страшный громъ, который пугалъ его, даже когда стрѣлялъ отецъ — и не струсить!

Былъ прохладный день, сѣроватый. Липы въ большомъ саду облетали, пахло милой и печальной осенью. На гумнѣ Ивана Гусарова молотили цѣпами.

Впереди шелъ Дѣдъ съ отцомъ, потомъ Женя, дѣвочки, садовникъ, сзади гомозились мальчишки. Въ саду

выбрали заброшенную сторожку караульщика; прикрѣпили бумагу на двери, обвели кругъ.

— Ну, готово, — сказалъ Дѣдь. — Николай Петровичъ, заряжайте.

Отецъ заколачивалъ шомполомъ пыжъ, а Женя стоялъ, смотрѣлъ невидящими глазами и вздыхалъ, — какъ будто стрѣлять должны были въ него. Наконецъ, отецъ надѣлъ пистонъ. Дѣвочки заткнули уши и замерли.

— Теперь бери... вотъ такъ, лѣвую впередъ, чтобъ мушка на серединѣ листа.

Женя видѣлъ только блиставшій пистонъ. Въ немъ отражался какой то лучъ, и этотъ пистонъ дѣйствовалъ на него магически. Руки не двигались.

— Ну, валяй, — крикнулъ Дѣдь.

Женя что то дернулъ, передъ нимъ блеснуло, бухнуло, онъ отшатнулся и опустилъ ружье.

Отецъ съ Дѣдомъ смѣялись.

— Страшно палить, а?

Дѣдь трепалъ его по щекѣ.

— Ну ничего, молодецъ.

— Нѣтъ, — Женя едва выговаривалъ слова: — не страшно.

Отецъ подошелъ къ сторожкѣ.

— Десять дробинъ, ай да ты!

Женя улыбнулся. Чѣмъ то смутнымъ, блаженнымъ былъ онъ полонъ, и весь этотъ день, когда ружье висѣло въ кабинетѣ съ „настоящими“ ружьями, былъ такъ значителенъ, радостенъ; онъ уже не просто Женя, а владѣтель ружья, изъ котораго можетъ стрѣлять воробьевъ, сорокъ — какое громадное преимущество передъ дѣвочками.

Онъ былъ счастливъ.

VI

Слобода, гдѣ играли въ лапту, дорога къ церкви, все съ наступленіемъ осени обращалось въ топь. Приходилось сидѣть дома. Только отецъ могъ ѣздить въ это время съ гончими, дѣти учились, и бѣдная Лиза Толстенъкая часами

разыгривала экзерсисы; от скуки, неудовольствія, по ея пухлымъ щекамъ текли слезы, но въ это время года ничего уже нельзя было подфлатъ съ Линой: она брала верхъ. Тоня и Женя учились по-нѣмецки. О ружьѣ нечего было и думать.

Черезъ часъ, два послѣ обѣда смеркалось. За окнами было темно, на деревнѣ зажигали кой-гдѣ огни.

— Соня, Соня, — говорила Собачка, — за сколько б ты пошла сейчасъ на кладбище?

— Я бы за тысячу.

— А я-бы за десять не пошла...

Въ столовой шила что-нибудь мама, въ комнатѣ рядомъ съ кухней Дашенька штопала чулки. Дѣти посылали за Настасьей.

Старая баба Настасья, птичница, хромая, подслѣповатая, вносила съ собой нѣчто сказочно-таинственное. Ее заставляли рассказывать, давали за это орѣшковъ, пряника. Усаживались вокругъ въ темной комнатѣ, запирали двери — начинались рассказы.

— И было, значить, три сестрицы: одна двуглазка, другая одноглазка, третья трехглазка. И такъ это вѣдьма и говорить: закрой глазокъ, закрой другой, а про третій забыла.

Послѣ сказокъ прятались. Въ темнотѣ залѣзали въ шкафы, подъ туалетъ, подъ кровати. Искала всегда Настасья. Какъ тихій звѣрь лазила и ковыляла она по полу, а дѣти хихикали, перескакивали изъ одной похоронки въ другую, визжали, шмыгали подъ самыми ея руками и торжествовали.

— Будетъ вамъ, будетъ! — мама внезапно растворяла дверь: — ужинать пора.

Съ ней врывался свѣтъ; жуткое и азартъ, въ которомъ жили эти часы — пропадалъ, дѣти были недовольны.

— Мамочка, позволь еще. Милая!

Но мать настаивала; приходилось подчиняться.

— Послѣ этой Настасьи всегда такой запахъ, — мама

улыбалась и отворяла форточку. Дѣти расходились красные, съ блестящими глазами.

Разъ осенью, въ такой же дождливый вечеръ, Женя стоялъ съ Настасьей у окошка. У него на губѣ былъ лишай, огникъ, какъ говорила Настасья. Онъ смотрѣлъ на огонекъ въ избушкѣ караульщика у погоста и повторялъ за Настасьей машинально: „Огонь, огонь, возьми огникъ, огонь, огонь, возьми огникъ“. Ему было скучно. Непонятная тоска сжимала сердце.

— Теперь отплюнься: разъ плюнь, два, и соскочить.

— Почему же соскочить?

— А ужъ потому. Увидишь.

Женѣ было все равно. Можетъ быть, и соскочить. Онъ водилъ пальцемъ по стеклу и всматривался.

— Слушай, а что сторожъ тамъ дѣлаеть?..

— Сторожъ-то?

— На погостѣ.

— Значить, караулить.

Женя молчалъ.

— Кого жъ караулить? Все покойники.

— Такъ ужъ значить караулить.

— А что, — вдругъ спросилъ онъ, — когда мы умремъ, насъ туда же положить?

— Тебѣ то еще долго [жить, — Настасья вздохнула.

Больше Женя не спрашивалъ. Онъ стоялъ упершись лбомъ въ стекло, и думалъ. Что тамъ такое будетъ? Пройдетъ десять, двадцать, пятьдесятъ лѣтъ — онъ станетъ такой же старенькій, какъ эта Настасья, а гдѣ будетъ тогда Настасья? Гдѣ мама будетъ? „Мама!“ чуть не закричалъ онъ. Ледяная мысль пронзила его: что будетъ съ мамой? Вдругъ умереть мама теперь же, черезъ мѣсяць, годъ? Этого онъ не могъ вынести; какъ стоялъ у окна — залился долгимъ плачемъ, долгимъ, неутѣшнымъ.

Прибѣжала мама, его ласкали, утѣшали; онъ ничего не говорилъ. Въ ужасѣ держался за мать, плакалъ, не переставая твердилъ: „Мама, мама!“

Много разъ съ тѣхъ поръ, въ зрѣлые годы, думалъ

онъ объ этомъ, но тотъ вечеръ, когда впервые былъ поставленъ вопросъ, — тотъ осенній мрачный вечеръ съ огонькомъ на кладбищѣ нельзя было вычеркнуть ничѣмъ.

VII

Для человѣка въ десять лѣтъ „мама“ обнимаетъ три четверти жизни. Встаетъ ли онъ утромъ, учить ли нѣмецкія слова, ѣсть ли за завтракомъ котлетку съ огурцомъ, сражается ли съ сестрой въ свои козыри, охотится ли, слушаетъ ли сказку, ложится ли спать, страдаетъ, здоровъ или боленъ — всегда, на всѣхъ путяхъ его маленькой жизни за нимъ слѣдитъ свѣтлый духъ — мама. Быть можетъ, ея нѣтъ въ тотъ, или иной моментъ. Она уѣдетъ въ гости, уйдетъ въ амбаръ, на птичникъ — но это ничего не значитъ. Ее можно найти, прибѣжать къ ней, разрыдаться въ ея объятіяхъ, если случилось что-нибудь ужасное — напримеръ, убили любимую собаку, или кучеръ обидѣлъ друга Романа. Но у ней будетъ найдено утѣшеніе и защита. Мама не можетъ быть несправедливой. Если другъ Романъ дѣйствительно неповиненъ, — кучеръ понесетъ свою кару.

Когда маленькій человѣкъ заболѣлъ, на ея лицо ложится тѣнь. Мама спокойна, сдержана, но волнуется. Посоветовавшись съ фельдшеромъ Астахомъ, она дастъ хины, положитъ компрессъ chauffant, смѣряетъ температуру черненькимъ термометромъ — подъ ея умѣлыми руками не можетъ болѣзнь не поддаться. А глухою ночью, когда отъ жары начнется кошмаръ, она наклонится, въ бѣлой кофточкѣ, возьметъ къ себѣ на постель, и при ней духи тьмы не осмѣлятся приблизиться.

И первая, кому радуется и кого любить выздоравливающей ребенокъ, это та же мама. По ея лицу онъ видитъ, что прошло тяжелое, и вновь пойдутъ утра и игры, ясные зимніе дни, коньки, лыжи, бѣлые морозы и иней.

Въ большомъ домѣ, гдѣ копошатся дѣти, снова и постоянно проходитъ свѣтлымъ видѣніемъ она, далекая отъ радостей, ясная, и вся въ любви мама.

VIII

Зима! Это значитъ, все завѣяно ровнымъ бѣлымъ снѣгомъ, остро вкусенъ воздухъ, небо приятно-свинцоваго тона и летаютъ вороны. Это значитъ, что для дѣтей насталь новый рядъ радостей — зимняя жизнь и зимняя удовольствія — лыжи, коньки, салазки, а вдали, гдѣ то на границѣ двухъ годовъ, Рождество.

Съ новымъ сезономъ столяръ Семіюшка получаетъ новую работу: долженъ подмораживать скамьи для катанья.

Дѣти забирались въ мастерскую — тамъ пахло клеемъ, древесными стружками, было жарко и работаль старикъ Семень съ веревочкой вокругъ головы.

— Дядя Семіюша, а дядя, пора!

— Сдѣлалъ бы скамеечку!

— Значить, не можемъ. Значить, барину полозья выгнемъ, и значитъ, тогда изготовимъ.

Но, конечно, онъ уступаль, и намазавъ низъ скамьи навозомъ, поливаль водой. Получалась ледяшка. Дѣти бѣжали къ друзьямъ, на деревню; друзья тащили самодѣльные скамейки, — начиналось игрище.

Сидились всѣ вмѣстѣ у околицы, между домомъ и церковью. Къ рѣчкѣ шелъ далекій, ровный спускъ.

Сначала подталкивали скамью ногами, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй, плавнѣй ея ходъ. Осталась налѣво сажалка съ незамерзавшимъ ручьемъ, гдѣ бродятъ гуси, вытягиваютъ шеи и кричатъ. Скамья бочить, — ударъ ногой, и она снова на пути; вотъ все быстрѣй, быстрѣе въ надвигающихся сумеркахъ летятъ ребята, вотъ не удержались, — всѣ вверхъ ногами кувыркаются въ снѣгъ. Визгъ, хохоть. Надо вылѣзть, тащить въ гору, снова мчаться.

Дѣти разсыпались, глаза горятъ, въ валенки набился снѣгъ: пахнетъ зимой, радостью, дубленнымъ тулупчикомъ Жени. Издали свѣтитъ домъ; вѣрно, скоро тамъ будетъ чай, къ околицѣ выйдетъ Лина въ короткой кофточкѣ, и придется возвращаться.

При сіяющей лампѣ, въ столовой, дѣти будутъ наперебой болтать о восторгахъ катанья, запихивая за обѣ

щеки бѣлый хлѣбъ съ масломъ. Отецъ выйдетъ послѣ дневного сна и выпьетъ свою порцію — чай съ молокомъ и въ прикуску маленькіе кусочки сахара. Потомъ онъ пойдетъ набивать патроны къ завтрашнему дню. Переводя духъ, глядя, какъ сильныя руки отца забиваютъ пыжь въ гильзу, стоитъ сзади Женя. Или, быть можетъ, они станутъ топить въ каминѣ свинецъ для пуль, и эту жидкость, какъ ртуть, лить въ пулелейку. А выше, на полкѣ мастерской, полусработанный стоитъ маленькій бригъ. Слѣдить за работой отца такое наслажденіе!

Лягутъ спать во-время; передъ сномъ Лиза Толстенякая съ Соней проскачутъ въ рубашонкахъ у себя въ комнатѣ, будутъ хохотать, шептаться, опять ненавистный „бимъ-бомъ“ долетитъ до слуха Жени. Но быстрый, здоровый сонъ возьметъ всѣхъ.

Мама проработаетъ до двѣнадцати. Въ часъ, обойдя домъ и заперевъ двери, ляжетъ отецъ. Онъ выйдетъ на крыльцо, послушаетъ. Если утки кричатъ на сажалкѣ, вернется, возьметъ револьверъ и пойдетъ взглянуть: не волки ли — отецъ ничего не боится.

И возможно, что когда уснетъ и онъ, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ висятъ ружья на рогахъ надъ медвѣжьей шкурой, завѣсившей стѣну — можетъ быть, тогда волки и придутъ. Былъ уже случай, что одинъ подошелъ къ самому кабинету. Слѣдъ указывалъ на это съ точностью. Но боги хранители дома, русскіе лары не дадутъ въ ночной часъ неблагополучія.

IX

Рождества дѣти всегда ждали. Рождество, Святки для этого народа полны счастья, сказочности, необычнаго.

Съ самаго утра казалось, что наступилъ день даже другого цвѣта, чѣмъ обыкновенные. Тѣ дни сѣрые или бѣлые, а этотъ — острый жуткій, ему не найдешь краски.

Волненія начинались съ постели. Во-первыхъ, были они о запахахъ, во-вторыхъ, о подаркахъ и елкѣ. Попы волновали тягостно, съ отѣнкомъ подчиненности. Дѣти сми-

рѣли, крестились, а Женю видѣ ризъ, камилавки, кадила ошеломлялъ. Батюшка бывалъ любезень; пилъ послѣ молебна водку, закусывалъ пирогомъ, но все же это былъ тотъ странный челоуѣкъ, который облачается въ золото, при пѣніи произноситъ малопонятныя слова и присутствуетъ на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ. Замѣститель кого-то еще болѣе страшнаго и неизвѣстно гдѣ находящагося.

Подарки и елка — дѣло другое. Всякому лестно получить Донъ-Кихота, или, можетъ быть пушку, новыхъ солдатъ.

А когда наступятъ сумерки, ждать съ Соней и Лизой Собачкой у двери залы! Рано или поздно ихъ откроютъ; тогда свѣтъ ударитъ по глазамъ, мама, смѣясь, будетъ цѣловать, а въ дверяхъ напротивъ друзья — Романы, Фодоты, и знаменитый бѣгунъ Ваня-Ахиллесъ, котораго привозятъ иногда въ гости изъ сосѣдняго села.

Этотъ вечеръ принадлежитъ дѣтямъ. Если бы взрослые захотѣли читать, работать, разговаривать, — изъ этого ничего бы не вышло. Какъ угорѣлыя носятся дѣти по всему дому, состязаясь съ бѣгуномъ Ваней. Какъ они плачутъ! Сколько азарта, нерва въ этихъ взвизгивающихъ рожницахъ, какъ страшно притаиться за угломъ и ждать, пролетитъ ли Ахиллесъ мимо или цапнетъ. А потомъ травятъ Ахиллеса, подстерегаютъ, вступаютъ въ союзъ, чтобы поймать его.

Такъ проходитъ первый день. Но за нимъ есть еще второй, третій. Новый годъ, Святки. Придутъ еще ряженые, всегда одни и тѣ же козы, медвѣди и лошади. Въ свободные дни, надъ которыми Лина пока не властна, можно будетъ почитать Донъ-Кихота, сидя съ ногами на диванѣ, мечтая о неизвѣстныхъ странахъ и людяхъ. Въ тишинѣ этихъ грезъ, впервые и едва видимо проступятъ какіе-то виды — дальше игръ и бѣготни. И не разъ дѣтское сердце, очарованное книгой, заглянетъ въ трепетъ въ область взрослыхъ, — туда, куда путь ему еще заказанъ.

X

Съ вечера всѣ были веселы; разсматривали старую „Ниву“, спорили о рыцаряхъ, изображенныхъ верхами. Лиза Толстенъкая была за бѣлую лошадь.

— Мой конь, мой конь! — твердила она, мусоля пальцемъ бѣлаго рыцарскаго коня.

Сонѣ тоже больше нравился бѣлый, и, какъ часто бывало, Женя остался нѣ меньшинствѣ.

На утро передъ уроками Лиза вдругъ заплакала. Легла ничкомъ на диванъ, развела цѣлое озеро слезъ.

Трудно было добиться толку; наконецъ, поняли — она больна. Вспухло горло и температура поднялась до сорока.

Такъ началась скарлатина, обратившая домъ на полтора мѣсяца въ больницу.

Лизу Толстенъкую быстро увезли. Ее закутали въ шубы, закрыли съ головой, положили въ возокъ и съ фельдшеромъ Астахомъ отправили въ Шахту, рудную контору, куда ѣздилъ отецъ. Жаль было Лизу. Дѣти смотрѣли, какъ возокъ катилъ внизъ къ рѣчкѣ, какъ взбирался на той сторонѣ, мелькая черной точкой. Но скоро пришелъ и ихъ чередъ. Первой слегла старшая, Маня, гостившая послѣ Рождества, уже гимназистка. Черезъ недѣлю захворала Соня, потомъ Женя. Скоро всюду въ домѣ были спущены шторы, дѣти стонали въ жару, ихъ поили микстурами. Мучила рвота. Въ эти дни часто и надолго уходило отъ нихъ окружающее, и шла страшная, темная своя жизнь. Но въ нелѣпомъ хаосѣ безошибочно узнавали они маму въ бѣлой кофточкѣ.

Наконецъ, Мапя начала выздоравливать. Ей читали вслухъ, и разъ какъ-то отецъ привезъ вѣсти о скучавшей Собачкѣ. Это были стихи, сочиненные для нея Астахомъ. Начинались они такъ:

Вотъ вамъ, Лиза, „Вокругъ свѣта“,
Почитайте пока это.

А Женю въ это время отпаивали бульонцемъ. Онъ

сталъ худъ, желтъ, печально сдиралъ чешуйки съ рукъ и складывалъ въ кучки. Глядѣть на свѣтъ было больно — и въ полутемной комнатѣ онъ вспоминалъ о снѣгѣ, Лизѣ Собачкѣ, конькахъ, ружьѣ. Его очередь наступила не скоро.

Но выздоровленіе пришло, и ему надолго запомнилось то утро, когда ему въ первый разъ надѣли валенки, халатикъ, и стриженный, едва держась на ногахъ и хватаясь за печку, стулья, чтобы не упасть, онъ вышелъ въ сосѣдную комнату. Отсвѣтъ снѣга лежалъ на всемъ. Февральское солнце сіяло туманно. Съ крышъ капало. Онъ увидѣлъ подрядъ три комнаты, и въ послѣдней столъ, накрытый къ обѣду. Все было бѣлоснѣжно и прекрасно, точно какъ и онъ, сняло сѣрыя чешуйки, показывая свою настоящую прелесть.

Рядъ знакомыхъ комнатъ показался Женѣ анфиладой, съ сіяющимъ, какъ для пира, столомъ. Отъ восторга онъ слегка задохнулся. Что-то въ его сердцѣ трепетало; снова жизнь, еще милѣй и ослѣпительнѣе прежней, а тяжелое отошло.

Онъ пошатнулся. Прибѣжала мама, Дашенька.

— Мама, милая! — Я здоровъ.

И онъ повисъ на ней. Мама его цѣловала.

XI

Взрослые не понимаютъ природы. Они не знаютъ весны, лѣта, осеняго очарованія. Все это для нихъ было, и жизнь ихъ охвачена равнодушіемъ.

Для ребенка природа есть просто часть собственнаго существованья. Съ весной онъ борется противъ зимы. Каждый удачный день для него радость, и онъ огорченъ если въ началѣ апрѣля, при хорошей погодѣ, выпадетъ снѣгъ.

Въ мартѣ улица передъ домомъ мутнѣла. Ноздреватый снѣгъ шуршалъ, тая. Протыкались лошади, навозъ рыжѣлъ. По особенному кричали галки; девятого марта пекли жаворонковъ.

И тогда опять трудно становилось учиться. Звало на

улицу неяркое солнце, туманно млѣвшее въ испареніяхъ. Тронулись ручьи; надо было ихъ расчищать.

Женя дѣлалъ это съ серьезностью и добросовѣстностью. Ему казалось, что онъ тоже помогаетъ веснѣ, милому и свѣтлому духу, вѣявшему кругомъ.

Когда въ полезность его труда не вѣрили, онъ сердился.

— Вѣдь вода скорѣй сойдетъ!

— И безъ тебя сошла бы.

— А если я буду помогать, все-таки скорѣй.

Отецъ улыбнулся.

— Да кому это нужно?

— Ахъ, ты ничего не понимаешь.

Странный человѣкъ отецъ; ему все равно, вступитъ весна сейчасъ, или на два дня позже.

Ракиты у прясла выпускали пушки и краснѣли. Вдали, на рѣкѣ, проступала вода. Женя засматривался. Черезъ недѣлю, при такомъ ровномъ, блѣдномъ теплѣ, взламываетъ ледъ, вода выйдетъ изъ береговъ, и ночью будетъ слышенъ веселый шумъ — половодье. Онъ спускался къ сажалкѣ, смотрѣлъ, какъ взбухаетъ ледъ, какъ обтаяли откосы и подъ солнышкомъ на нихъ пробивается крапива. Возвращался съ Шахты домой отецъ, — въ санкахъ, обвѣтренный и здоровый. Женя кидался къ нему, цѣловаль свѣжіе усы и вмѣстѣ они вѣзжали домой.

— Скоро рѣчка? — Скоро тронется? Черезъ два дня? Взрослые всегда не вѣрятъ.

— Куда тамъ, — отецъ пускалъ синеватый дымъ, — недѣлю продержится.

— Ты вотъ говорилъ, что нынче мой ручей замерзнетъ, а онъ и не замерзъ.

— Какой ручей?

— Главный.

Отецъ усмѣхнулся.

Но скоро снѣгъ сошелъ, рѣчка вскрылась, мощный потокъ гудѣлъ подъ мостами, заливая по лугамъ шоссе, топя ивнякъ. Отецъ доходилъ до разлива, переѣзжалъ на лодкѣ съ рыжимъ Степаномъ и на той сторонѣ вѣхаль верхомъ.

Что за роскошь — плыть за отцомъ въ баркасѣ!

Здѣсь съ Женей былъ случай, взволновавшій всѣхъ. Баркасъ отчаливалъ. Было видно за рѣкой, какъ отецъ съ малымъ подѣзжаютъ верхами къ водѣ. Женя прыгнулъ въ лодку; Степанъ съ мужикомъ двинулись на шестахъ. Весело было проплывать надъ кустами, которые гнуло напоромъ, видѣть, какъ несутся льдинки; слушать шумъ могучей воды.

Такъ добрались до середины. Справа мостъ на сваяхъ, подъ него бьетъ, ревя, стремя. Видно, какъ отецъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее работнику. Вдругъ берегъ, отецъ, деревья за нимъ начинаютъ нестись влѣво, по горизонту. Степанъ налегъ на шесть, мужикъ возится, но берегъ летитъ все быстрѣе. Женя оглядывается. Степанъ блѣденъ. Мужикъ тоже растерялся. Впереди въ двадцати шагахъ мостъ, гулъ воды въ сваяхъ. Хочется крикнуть, позвать маму. Но поздно. Съ размаху лодка бьетъ о первую сваю, о вторую, мужики безпомощно хватаются за нихъ. Еще ударъ... Дощаникъ скрипитъ, медленно клонится. Женя сидитъ на днѣ, надъ нимъ связи, перекладки моста, темнота... перевернется ли? Мужики отпихиваются изо всѣхъ силъ. Гдѣ отецъ съ лошадьми, гдѣ дымъ его папироски? И вдругъ сейчасъ ничего не будетъ? Гдѣ мама?

Мама изъ далекаго дома видитъ все, и уже она бѣжитъ, задыхаясь, внѣ себя, къ разливу. Не успѣть!

Счастливый поворотъ, — лодку стрѣлой выноситъ изъ-подъ моста, и снова шести дѣйствуютъ, опять виденъ отецъ, и черезъ пять минутъ по заводи они плывутъ къ берегу. Женя все еще не можетъ сѣсть на лавочку: передъ глазами зеленые круги.

Черезъ часъ дома слезы, ласковые упреки, тишина, отдыхъ.

Больше встрѣчать отца не придется!

XII

Весна, лѣто. Время молодой жизни, когда для дѣтей все сливается въ ласковый привѣтъ неба, воздуха, солнца. Когда дни кончаются такъ же легко, какъ встаетъ утромъ

солнце,—оставляютъ въ душѣ длинный, свѣтящійся слѣдъ.

Этихъ дней уже нѣтъ. Не пахнетъ уже такъ рѣка съ ивнякомъ. Нѣтъ тѣхъ игръ, нѣтъ вечернихъ коростелей, закатовъ за Высоцкимъ заказомъ, нѣтъ отца на дрожкахъ, Вальтона, Масетки; нѣтъ стада, входящаго вечеромъ въ деревню, золотистой пыли подъ вербами, Дашеньки, Гришки.

И не будетъ никогда ружья, стрѣльбы въ воробьевъ, верхового конька Червончика, на которомъ можно ѣздить въ обраткѣ, а онъ нейдетъ изъ дому — домой же мчится вскачь и его нельзя удержать. Не будетъ охоты съ Гришкой въ Сопѣлкахъ, когда удрала Коза съ дрожками, и пришлось идти домой пѣшкомъ, за пять верстъ, лѣсомъ, въ темнотѣ; было страшно, и къ концу Женя такъ усталъ, что Гришка взялъ его на закорки; съ ружьями, парой убитыхъ утокъ, въ одиннадцатомъ часу они плелись по деревнѣ — маленькій на большомъ, дремля, измученные и несчастные.

Все это было такъ давно, что легендой вѣетъ отъ воспоминаній; и кажется, что уже нѣтъ и самаго села, и дома, и другія поля, другіе лѣса вокругъ, другіе люди живутъ на томъ мѣстѣ. Но изъ сѣдой были человѣческое сердце слышитъ все тотъ же привѣтъ — чистый и прозрачный. И жизнь идетъ далѣе.

XIII

Въ срединѣ зимы отца перевели на сосѣдній заводъ, верстъ за сорокъ. Сперва уѣхалъ онъ самъ, потомъ начались сборы и укладыванья семьи. Въ комнаты натащили ящиковъ, и началось разрушеніе. Горько было видѣть, какъ со стѣнъ снимали фотографіи, зашивали въ рогожу диваны, сдирали портьеры. Милый, старыи домъ, съ которымъ многое уже было связано, разоряли. И вмѣстѣ со спрятанными солдатами, съ рисунками лошадей, козъ, удалялась часть жизни, еще такая малая и юная, но уже дававшая о себѣ знать.

За день до отъѣзда Женя прощался съ друзьями, съ играми, съ любимыми мѣстами. Онъ обошелъ на лыжахъ

большой садъ, сошелъ къ сажалкѣ; какъ всегда, незамерзающимъ ручьемъ бѣжала оттуда вода. Вотъ развалины сахарнаго завода, откуда съ Собачкой и Соней они носились по отвѣсному скату на лыжахъ; налѣво церковь, погостъ, и внизу луга — такіе безбрежные и ясные лѣтомъ, а сейчасъ это бѣлая равнина. Онъ хотѣлъ-было съѣхать на лыжахъ съ горки, въ послѣдній разъ, но что то защемило въ сердцѣ, и, вздохнувъ, онъ вернулся домой.

Ужинали при свѣчахъ — лампъ уже не было. Голыя стѣны, натоптанные полы, черныя окна. Женя поскорѣй легъ спать. Но и заснуть долго не могъ. Всталъ онъ на другой день блѣдный и печальный.

Было уже подано двое саней. Мужики собрались провожать. Изъ дому тащили послѣднія вещи и грузили на подводы. Въ кухнѣ Дашенька плакала, цѣлуясь со своими пріятельницами съ Поповки, „женами мурноносцами“.

Соню и Женю одѣли въ полушубки, завернули въ тулупы, — какъ безмолвныя туши были они втиснуты въ сани. Скрипѣлъ снѣгъ, солнце блестѣло. Больно было глядѣть отъ свѣта. На поворотѣ, въ околицѣ стояли группой мальчишки и кланялись. Женя вспомнилъ, что онъ ничего не подарилъ аа память Настасѣ, игравшей съ нимъ преданно, и вздохнулъ.

Но было поздно. Лошади, хорошо кормленныя передъ дорогой, шли бойко; сіяла снѣжная равнина, въ лицо изъподъ копытъ летѣли комья — тройка дружно взнеслась на мостъ, гдѣ прошлой весной Женя терпѣлъ аварію. Высунувшись, насколько могъ, онъ обернулся: вдали на горѣ бѣлѣлъ двухэтажный домъ, у околицы какъ будто копошились фигурки. Горло Жени сжалось. Чтобы не выдать себя и разсвѣяться, въ меланхолическомъ изліяніи, онъ замурлыкалъ:

Дорогія мнѣ мѣста, гдѣ я про-жилъ годы дѣтства.

Васъ увижу ли когда, иль поки-ну на-всегда?

слова стараго романса, который онъ недавно слышалъ.

— Не пой, — мама улыбулась: — простудишь горло.

Онъ напѣвалъ про себя, и все время ему хотѣлось плакать.

XIV

Жизнь на новомъ мѣстѣ оказалась не хуже, если не лучше прежней. Правда, не было старыхъ друзей — Вальтона, Настасьи. Лизу Собачку увезли къ родителямъ. Но явилось и то, чего раньше не было.

Здѣсь отецъ управлялъ заводомъ. Ему отвели огромный домъ, куда можно было вмѣстить два прежнихъ, на берегу озера. На полторы версты шла ровная снѣжная скатерть; на горизонтѣ лѣсъ синѣлъ. За гигантской плотиной лежалъ заводъ, чернѣли крыши, двумя огромными столбами возвышались доменные печи. Все это было необыкновенно и привлекательно. Нѣсколько разъ отецъ бралъ съ собою Женю на заводъ. Они выѣзжали въ „дежуркѣ“, у воротъ завода сторожа подобострастно кланялись отцу — и дальше они попадали въ казавшееся Женѣ ужаснымъ царство печей, огня и желѣза. Въ одномъ мѣстѣ билъ молотъ по раскаленной мягкой глыбѣ; вздыхая, она осѣдала, стрѣляя золотыми звѣздочками. Въ прокатныхъ вальцахъ вытягивались огненно-красныя ленты; это будущіе рельсы. Литейщики ждали выпуска чугуна, и когда отворялась утроба домны, оттуда лился ослѣпительный металлъ, отъ одного прикосновенія къ которому загорались щепки. Рабочіе подбѣгали къ струѣ, подставляли черпаки, и рысью, покачиваясь, чуть не расплескивая жидкость, бѣжали къ опокамъ, выливая туда чугунъ.

— Въ прошломъ году былъ случай, — говоритъ отецъ: — одинъ залилъ себѣ за сапогъ. Теперь мы не позволяемъ въ сапогахъ ходить.

Женя блѣднѣлъ, представляя себѣ сожженную ногу, крѣпче держался за отца. Послѣ всѣхъ этихъ литейныхъ, механическихъ, ремонтныхъ — радостно было опять сѣсть въ санки и по чистому снѣгу катить мимо базарной площади, церкви, по набережной озера — домой. Вотъ на углу „господскій домъ“ — отель для одинокихъ инженеровъ, гдѣ всѣмъ управляетъ толстенная Евдокія Ильинична. Красный домъ доктора, и, наконецъ, они у своего подъѣзда. Выбѣгаетъ старый Тимофеичъ, отстегиваетъ по-

лость. И уже ждетъ обѣдъ, въ огромной столовой, передѣланной изъ зимняго сада, со стеклянной стѣной на озеро. Послѣ обѣда можно уйти наверхъ; верхній этажъ меньше нижняго — нѣчто вродѣ мезонина; но тамъ двѣ огромныя комнаты — Жени и Сони, и большая средняя, гдѣ трапещи. Изъ Жениной снова видно озеро. Оно тянетъ къ себѣ взглядъ ровной бѣлизной, великимъ спокойствіемъ снѣга, умиряющаго заводской гомонъ. Въ этой свѣтлой теплой комнатѣ можно мечтать, глядя на дальніе лѣса, рисовать, ожидая, что вотъ нарисуешь что-нибудь замѣчательное — и незамѣтно снѣжное поле засинѣетъ, настанутъ сумерки, чай среди милыхъ сердцу, вечернее чтеніе „Краснаго кедра“, „Дальняго Запада“. Невѣдомые края, приключенія, охоты затолпятся въ мозгу, и станешь просить маму скорѣе послать въ уѣздный городъ мѣнять книжки — къ старому еврейчику, у котораго такой запасъ чудеснаго.

Когда ложатся спать, въ комнатѣ Жени розовый отсвѣтъ. Это далеко, за плотиной, полыхаютъ надъ домами языки газа; какъ два громадныхъ факела, будутъ они краснѣть всю ночь, освѣщая заводъ, село, бѣлое озеро.

Можетъ быть, ихъ увидитъ лось, если подойдетъ къ опушкѣ дальняго лѣса — и въ ужасѣ помчится назадъ. И во всякомъ случаѣ, видны они на много верстъ вѣдущему темной ночью.

XV

Вечеромъ въ субботу отецъ сказалъ: „завтра ѣдемъ на буеръ“. Женя радостно волновался, а утромъ, проснувшись, увидѣлъ на озерѣ трехугольную платформу на конькахъ, съ парусомъ. Толпились любопытные, у мачты возился полковникъ Говардъ, начальникъ мастерскихъ — человекъ лысый, веселый и рѣшительный.

Одѣваться и пить чай при такихъ условіяхъ было трудно. Какъ-никакъ, это то же самое, что описано у Жюль Верна въ „Вокругъ свѣта въ 80 дней“.

Отецъ тоже былъ веселъ, смѣялся и говорилъ: „Ну, Говардъ, не завезите насъ въ полынью“.

— Перескочимъ.

Однако, Говардъ былъ какъ разъ знаменитъ неблаго-разуміемъ: недавно на сѣрой кобылѣ чуть не провалился въ воду.

Наконецъ, буеръ готовъ, отецъ съ Женей садятся на платформу, на рулѣ Говардъ. Сначала толкаютъ двое рабочихъ; медленно, и какъ то вяло, подъ напоромъ вѣтра, плыветъ зимній корабль, чертя коньками. Вотъ обширная лысина, съ которой снѣгъ сдутъ. Сразу буеръ подхватываетъ, дышать труднѣй, но какой легкой, волшебный полетъ! И теперь не важно, снѣгъ дальше или ледъ, какъ вырвавшаяся птица летитъ снарядъ въ бѣломъ просторѣ, и лѣсъ на той сторонѣ растетъ, выступаетъ, вотъ видна уже лѣсопилка. Перекинуть парусъ — буеръ выпишетъ дугу, и пойдетъ назадъ, но уже тише, лавируя подъ вѣтромъ зигзагами.

— Замерзъ? — спрашиваетъ отецъ.

Женя храбрится, но въ сущности ногамъ холодно. Черезъ полчаса они возвращаются, Говардъ катаетъ немного дѣвочекъ, а потомъ идутъ завтракать. Отецъ съ Говардомъ пьютъ водку, крикаютъ и рассказываютъ охотничьи исторіи. Маня, пріѣхавшая передъ праздниками изъ гимназіи, слушаетъ ихъ пренебрежительно. Она теперь взрослая, учится въ Ригѣ и на полкахъ у ней стоитъ Гете по-нѣмецки. Сонечка съ Женей забираются къ ней наверхъ. Маня мечтаетъ о курсахъ, черезъ два года ей хочется въ Петербургъ; но родители не знаютъ еще объ этомъ, и на мягкомъ диванѣ, при трескѣ камина идутъ долгіе рассказы о незнакомой жизни въ большомъ городѣ, студентахъ, учителяхъ.

Приходитъ Зина, Манина подруга, дочь завѣдующаго конторой. Разговоръ быстро сходитъ на „умное“. Всѣ республиканцы. Почему должна быть республика?

Потому что нельзя давать власть одному; сто чловѣкъ вѣрнѣе не ошибутся. Сонечка тоже настроена радикально, и, входя со своей косицей подростка, говоритъ: „Не понимаю я этихъ консерваторовъ“.

Женѣ хотѣлось бы поспорить; отчасти онъ смущается;

а кромѣ того, ничего не знаетъ въ этомъ дѣлѣ. Все-таки онъ защищаетъ монархію; аргументъ такой: у Эмара онъ вычиталъ, будто въ американскихъ республикахъ избирателей подкупали. Дѣвочки нападаютъ и онъ разбить довольно быстро. Кромѣ того, ничего не возразишь, что одному ошибиться легче, „чѣмъ Конвенту“, какъ говоритъ Маня.

Но разбитіемъ онъ не очень огорченъ. Вечеромъ срывоваеъ „типы домашнихъ животныхъ“ и мечтаетъ о пробѣ своихъ силъ на лицахъ: скопировать бы мамину карточку, или Чичикова изъ альбома Боклевскаго. Вдругъ „выйдетъ замѣчательно“.

XVI

И снова смѣняются днями дни, летитъ невозвратное время среди работъ, игръ, младенческихъ мечтаній.

На Святкахъ здѣсь еще шумнѣе, чѣмъ было раньше. Пріѣзжалъ на заводъ циркъ — Женя съ Сонечкой увлекались имъ до одури. Каждое представленіе были они въ балаганѣ; пахло лошадьми, опилками арены, дымили желѣзныя печурки. Въ полушубкахъ, горя и блестя глазами, сидѣли дѣти въ первомъ ряду. Имъ казалось все это безпредѣльно острымъ, азартнымъ и прекраснымъ; до остервенѣнія хлопали они наѣздницѣ Элѣ, и вернувшись, въ большой залѣ разыгрывали пантомимы, кувыркаясь, визжа.

Лишь одно смущало немного Женю: слухи о гимназій. Далеко, верстъ за полтораста (если ѣхать на лошадяхъ), былъ губернской городъ, и насколько онъ понималъ, будущей осенью тронуть туда всѣхъ дѣтей. Сонечка начала уже готовиться. Къ ней ходила фельдшерница Мясова, съ круглыми блестящими глазами и запахомъ больницы, и рѣшала безчисленныя задачи. Женѣ нравилась эта плотная, чистая дѣвушка, но и смущала нѣсколько аккуратностью и непреклоннымъ блескомъ глазъ. Женя думалъ, что она безъ запинки можетъ рѣшить всѣ задачи въ мірѣ. Съ нимъ она проходила именованныя числа.

Онъ не понималъ, къ чему все это. Лучше бы ка-

таться на конькахъ, рисовать, вертѣться на трапеціи, ходить въ циркъ. Но разъ ужъ заведено, что надо рѣшать задачи — онъ рѣшалъ. Проводивъ Мясову, вздыхалъ съ облегченіемъ, и шелъ спрашивать отца, поѣдутъ ли завтра кавалькадой.

Дѣлать это удобнѣе всего было въ мартѣ, когда теплѣло, чернѣла дорога, и озеро вздувалось. Къ крыльцу подавали лошадей: Гнѣдого Нѣмца Женѣ, — отцу Скромную. Волнуясь, лѣзъ Женя на коня. Тимофеичъ держитъ стремя, гдѣ-то кричатъ грачи, новый другъ, мальчишка Громъ, глядитъ изъ кухни, ковыряя въ носу. Образецъ ѣзды въ отцѣ. Главный его завѣтъ — не разставлять врозь носковъ, подыматься въ тактъ. Вотъ къ нимъ присоединились у господскаго дома Говардъ на сѣрой кобылѣ и механикъ Павелъ Аванасичъ. Говардъ сидитъ кряжемъ, сѣрая кобыла его дурачится, и когда пускаютъ полной рысью, она вдругъ начинаетъ вертѣть хвостомъ, какъ крыльями мельницы.

— Говардъ, — кричитъ отецъ: — подбери кобылу.

Но Говардъ хохочетъ, Павелъ Аванасичъ жалобно подпрыгиваетъ, молотя сидѣньемъ по спинѣ своей лошади, — кавалькада идетъ рѣзво, навстрѣчу сырому весеннему вѣтру, вдыхая очаровательный запахъ лужъ, острога мартовскаго навоза, и радуясь силѣ хода.

Разные случаи бывали въ этихъ поѣздкахъ: скакали по чистому полю, перепрыгивали черезъ канавы; разъ Павелъ Аванасичъ приподнял знакомому котелокъ, испугалъ лошадь, и отъ ея курбета легко и вѣжливо — самъ онъ всегда былъ такой — слетѣлъ внизъ головой въ грязь. Женинъ Нѣмецъ споткнулся на мосту на полномъ ходу, и Женя съѣхалъ ему на голову. Чуть не всѣ падали, или ихъ носили лошади, обрызгивала хвостомъ кобыла Говарда — но всегда смѣхъ, счастье силы и ловкости владѣло ими, и какъ мартовскій вѣтеръ овѣвало бодростью.

Женя возвращался усталый: у него ныли ноги и руки вздрагивали; но это было ничто въ сравненіи съ азартомъ ѣзды.

Съ конца марта чуть ни каждый вечеръ ѣздили на тягу. Говардъ, въ черкескѣ, съ газырями и двустволкой черезъ плечо, мчался впередъ на своей кобылѣ. Женя съ отцомъ въ телѣжкѣ. Павелъ Афанасьичъ въ дежуркѣ. Ъхали вдоль плотины; на шлюзахъ гудѣла вода, прудъ синѣлъ, медленно поплескивая у берега; вдали виднѣлись лѣса, и въ ихъ дебряхъ терялось озеро, среди камышей, кувшинокъ, болотъ; что-то гомерическое было въ этомъ озерѣ; казалось возможнымъ, что за его истоками лежатъ лѣса Дальняго Запада, или живутъ гуроны, ирокезы, какъ вокругъ Эри и Онтарио.

То, что на охоту ѣздили вооруженнымъ отрядомъ, усиливало впечатлѣніе первобытности.

За озеромъ поднимались въ гору, сворачивали на дорожку къ Горской мельницѣ и на опушкѣ большого лѣса слѣзали. Тяга будетъ надъ мелочами. Въ прогалинахъ осинника вдоль ручья, у всѣхъ были свои излюбленныя мѣста. Павелъ Афанасьичъ забывалъ пистоны, или у него былъ испорченъ шомполъ. Онъ конфузливо просилъ, охотники подраживали.

Сквозь осинникъ краснѣла заря: остатки снѣга таились въ лужахъ, тихо тая; кажется, можно было слышать ихъ умиранье: голубѣлъ подснѣжникъ, чернышъ токовалъ вдали. Мирный вечеръ, первая звѣзда на блѣдномъ небѣ, запахъ влаги, бѣгъ робкаго зайчика, огонекъ отцовской папироски! Это весна, дѣтство — это невозвратно.

Хоркая, съ присвистомъ, тянутъ надъ лѣсомъ вальдшнепы. Бѣдныя птицы, — гонимыя любовью, онѣ въ сладкихъ сумеркахъ встрѣчали любовь рѣдко, а чаще — смерть. Блесталъ огонь сквозь деревья — вальдшнепъ дѣлаетъ боковой вольтъ, какъ безумный мчится въ сторону. Вѣрно онъ раненъ, но тогда не дастся уже въ руки. Гдѣ-нибудь въ тайной лоцинкѣ, вздрагивая крыльями, съ каплей крови на длинномъ носу онъ встрѣтитъ послѣдній часъ. Или онъ замеръ въ воздухѣ — значитъ „готовъ“, какъ говорятъ охотники — камнемъ валится внизъ.

Все это волновало; съ увлеченіемъ стрѣлялъ Женя, дрожалъ отъ ожиданья, но почти всегда неудача; почти всегда. Онъ запоминалъ число промаховъ, страдалъ, выводилъ процентное отношеніе къ числу удачъ, но всегда выходило, что онъ безнадежно бездарный охотникъ. Такъ, мазило.

Возвращались въ темнотѣ. Звѣздъ было уже полное небо; острѣй пахло весной; ручьи шумѣли, издалека открывались огни завода и торжественныя отраженія ихъ въ пруду. Ужиная дома, ѣли свѣжую редиску изъ парниковъ, отецъ съ Говардомъ пили водку и рассказывали о бывлыхъ временахъ, еще болѣе блестящихъ и страшныхъ охотахъ, медвѣдяхъ, лосяхъ.

Сестры относились къ охотѣ съ презрѣніемъ. Вальдшнеповъ, однако, ѣли всѣ.

XVIII

Свѣтлый майскій день. Прудъ блѣдно голубѣеть, заводскій дымъ треплется въ тепломъ вѣтрѣ. Женя смотритъ съ балкона на озеро. Въ залѣ, внизу, играетъ на рояли гувернантка Софья Ивановна. Женя представляетъ себѣ ея милую фигуру — съ большими, музыкальными руками, запахомъ духовъ, и ея музыка еще прекраснѣй. Опершись щекой о перила, глядя въ синеву, можно мечтать разымчиво и безбрежно — какъ просторъ этотъ легокъ, какъ благоуханенъ воздухъ! О чемъ мечтаетъ человѣкъ? О томъ, какая будетъ жизнь, кѣмъ онъ будетъ. Вдругъ онъ сдѣлается художникомъ, и сумѣетъ рисовать „съ природы“ портреты? Или встрѣтитъ... кого то. Ту, которой еще не знаетъ, но которая гдѣ то есть — взглянувъ на нее, можно сгорѣть отъ стыда и радости. Нѣчто въ ней — и отъ Софьи Ивановны.

Съ вѣтромъ донесся звонъ. Колокола мѣшаются съ музыкой, на припекѣ кудахтаютъ куры по весеннему — нынче воскресенье, оттого всѣ и веселы. Сбѣжавъ внизъ, Женя ждетъ среди струящихся березокъ почтальона. Сегодня принесутъ журналъ, Жюля Верна. Этотъ день очень

интересенъ. Прошлый разъ колонисты отправились на со-сѣдній островъ; тамъ нашли страннаго одичавшаго евро-пейца. Неужели это Айртонъ?

Въ двѣнадцать почталъонъ является. Къ сожалѣнію надо обѣдать; зато послѣ, забравшись на диванъ съ но-гами, холодѣя отъ волненія, глотаешь онъ Айртона. Какъ жаль, жаль что мало! Конечно, это Айртонъ, высаженный въ наказаніе на пустынный островъ, но кто же извѣстилъ колонистовъ? Откуда бутылка, указаніе долготъ?

Отъ возбужденія надо пройтись. Можно бродить въ аллеяхъ, въ паркѣ, среди нестарыхъ зеленыхъ липъ. Еще лучше — уѣхать въ лодкѣ. Для этого надо взять друга Грома, ключи, скользнуть незамѣтно, чтобы кто-нибудь изъ взрослыхъ не помѣшалъ. Къ четыремъ прудъ затихаетъ, можно гнать долбленку довольно быстро. Минуя село, выѣдешь къ лѣсу, пристанешь у песчанной косы. Тутъ дивный воздухъ; лежа на спинѣ, среди елей, на мягкомъ мху, видишь, какъ летаютъ рыболовы. Громъ, подсучи-ваетъ штанишки, ловить подъ корягами раковъ. Вдали пыхтитъ лѣсопилка, съ плеса въ камышахъ поднялась пара утокъ. Дятель долбитъ ель; пролетитъ сиворонка.

Лежать бы до вечера, любуясь озеромъ, собирая рѣд-кіе камешки, да хватятся къ чаю, мама будетъ безпо-коиться. Надо ѣхать. И плывутъ снова. Вечерній чай пьютъ на нижней террасѣ. Софья Ивановна съ Сонечкой щелка-ютъ шарами на крокетѣ. Громъ отворилъ фонтанъ; въ блескѣ заходящаго солнца играетъ его струя.

— Женя, — Софья Ивановна улыбается и щуритъ глазъ: — а вы знаете слова къ завтрашнему?

Женя слегка смущенъ.

— Я выучу, Софья Ивановна, обязательно.

И, конечно, онъ выучитъ. Софьѣ Ивановнѣ не знать урока неприятно.

XIX

Съ прїѣздомъ Жука веселые дни кончились. Это былъ маленькій черный философъ украинофильскаго вида, при-

глашенный для латыни. Онъ былъ добраго нрава; жилъ во флигелѣ. Жукомъ звался за размѣръ и черноту, и все было бы хорошо, если бы не учебникъ Кюнера, не спряженія и десятки словъ, которыя приходилось учить. Съ грустью глядѣлъ теперь Женя на озеро, на лодку, изъ-за Жука вырисовывался вдали неизвѣстный городъ, казавшійся громаднымъ и страшнымъ, гимназія, учителя, жуткій и ненужный трудъ. Отвѣчая урокъ, путаясь въ словахъ и краснѣя, онъ смотрѣлъ изъ прохладнаго флигелька на цесарокъ, копошившихся въ пыли — и хотѣлось удрать куда-нибудь въ паркъ, рѣзать липовые побѣги и выдѣлывать изъ нихъ свистульки.

Но задумаешься, и какъ разъ собьешься въ склоненіи, — третье склоненіе развѣ легко!

Онъ уставалъ, худѣлъ, падалъ духомъ. Первый мѣсяцъ работы былъ особенно труденъ. Лишь одинъ день выдался необычайный. Съ утра Женя раскисъ, всталъ съ больной головой, и ему позволили не учиться.

Шелъ дождь — сильный, теплый. Онъ стоялъ на своемъ балконѣ, смотрѣлъ на озеро, дымившееся брызгами, вздыхалъ, а потомъ неожиданно пошелъ въ комнату и взялъ Тургенева. Случайно открылась „Первая любовь“. Онъ читалъ медленно, неохотно въ началѣ, потомъ забылъ хворость, Жука, гимназію, даже Жюль Верна, и читалъ послушно, не себѣ уже принадлежа, улыбаясь про себя, краснѣя. Было бы очень непріятно, если-бъ кто-нибудь вошелъ. Но въ огромномъ домѣ тихо; черезъ два часа онъ кончилъ, вскочилъ и побѣжалъ внизъ. Все такъ же не хотѣлось ни съ кѣмъ встрѣчаться, — быть одному со своимъ сердцемъ. Дождь пересталъ. Листва казалась нѣжно-вымытою, блѣдно-зеленоватый туманъ стоялъ въ паркѣ; было сыро, тепло, падали капли съ листьевъ. Женѣ казалось, что онъ влюбленъ въ Зинаиду, что на оранжереѣ сидѣлъ онъ, и прыгнулъ, и Зинаида его поцѣловала, и съ кадетомъ онъ игралъ, и до боли видѣлъ онъ рубецъ отъ хлыста на ея рукѣ. Этотъ ударъ вызывалъ такое страда-

ніе, что невидимаго, неизвѣстнаго отца онъ готовъ былъ убить. Да, конечно, онъ прыгнулъ бы и съ гораздо болѣе высокой оранжереи, и у ногъ Зинаиды онъ умеръ бы съ гордостью и радостью.

И со свѣтлой тоской въ сердцѣ, съ навертывающейся слезой бродилъ онъ въ зеленомъ саду; весь этотъ день окрасился для него блѣдно-зеленоватымъ. А видѣніе — Зинаида — осталась на всю жизнь. Это была первая великая радость искусства.

XX

Утромъ, въ четыре, Тимофеичъ разбудилъ отца и Женю. Они спали въ кабинетѣ: Женя на диванѣ, отецъ на кровати. Вътерокъ съ озера вздувалъ занавѣси, только-что показалось солнце. Хотя глаза слипаются, но нельзя не быть въ восторгѣ отъ этого утренняго благоуханія, отъ теплаго золота и сознания, что ѣдутъ на охоту. Наскоро умывшись, пьютъ чай на балконѣ. Здѣсь еще холодокъ, садъ въ матовой росѣ. Бѣлый хлѣбъ съ масломъ, чай со сливками. Съ озера слышенъ свистокъ: это „Капитолина“, пароходъ, на которомъ ѣдутъ. Значить, пора. Хотя пароходъ свой, заводскій, и уйти безъ нихъ не можетъ, Женѣ кажется, что они опоздають, и волнуясь, торопитъ онъ отца.

— А экстракторъ взялъ? — спрашиваетъ отецъ. — Да пистоновъ захватывай, навѣрно пригодятся Павлу Аенансычу.

Смѣясь, они быстро идутъ съ ружьями и патронташами къ пристани. Старая Норма бѣжитъ косою побѣжкой, морща носъ. На борту Павелъ Аенансычъ, Говардъ и кузнечный мастеръ Дрезе. Это черный, добродушный человекъ съ волосатыми руками.

— Ну пора же, пора, — онъ здоровається. — Ну надо же ѣхать, а то опоздаемъ и къ уткамъ.

„Капитолина“ отваливается. Проплываютъ вдоль берега, мимо купальни и дома, гдѣ сейчасъ спитъ мама, Сонечка, во флигелѣ — Жукъ, — и подъ мѣрное бормотанье

колесъ идутъ вглубь озера, въ безлюдные притоны утокъ, бекасовъ и дупелей. Женѣ кажется, что Павелъ Аванасьичъ — разсѣянный астрономъ Николай Полландеръ, Говардъ — Джонъ Муррей, а отецъ — полковникъ Эверестъ, и они ѣдутъ къ верховьямъ рѣки Оранжевой, измѣряя дугу меридіана.

Часть, два плывутъ по голубымъ водамъ. Скрылся заводъ, вода съузилась, ближе подошли лѣса и чаще сплошные ковры кувшинокъ; иногда „Капитолина“ разсѣкаетъ ихъ даже.

— Я же на этомъ островочкѣ прошлый годъ десять штукъ взялъ! Николай Петровичъ, тутъ же выводочку быть да быть!

Убавляютъ ходу, отвязываютъ лодки, и Дрезе съ охотникомъ Яшкой „берутъ“ островъ. Обѣзжаютъ его сбоку, а „Капитолина“ обходитъ съ другой стороны. По берегу, въ камышѣ, бредетъ собачонка Дрезе. Слышна его брань, свистъ, всплески весель, но утокъ нѣтъ.

У борта Женя съ отцомъ зѣваютъ.

Островокъ прошли. Подплываетъ Дрезе, ругаясь на собачонку.

— Ну я же такъ и зналъ, что тутъ ничего нѣтъ! Ну зачѣмъ же было задерживаться!

— Вы же сами хотѣли!

— Я же тутъ выводочекъ взялъ, а теперь ни одной утеночки!

— Хе-хе, — смѣется Говардъ: — вы извѣстный счастливецъ!

— Если бы я зналъ же, я бъ не остановился! Только время же теряемъ.

Плывутъ дальше. Въ верховьяхъ, у мельницы, гдѣ собственно и начинается охота, пароходъ пристаеъ. За мельницей тоже пруды, но тамъ надо ѣхать уже въ лодкѣ. Разыгрывается день, солнце слѣпитъ, на темносиней водѣ качаются челноки, кой-гдѣ бѣлѣтъ барашекъ. Вѣтеръ озерный — пахнетъ болотомъ и рыбой. Подойдя къ камышамъ сталкиваютъ Норму въ воду. Она брызгаетъ, барахтается, но скоро охотничій азартъ захватываетъ ее и рѣзво

шмыгаетъ она въ осокѣ, туряя утокъ. Павелъ Аѳанасьичъ идетъ берегомъ, — ему придется стрѣлять въ лѣтъ. Вдругъ онъ видитъ двухъ утятъ, бурно шлепающихъ по водѣ отъ берега. Онъ цѣлится.

— Не стрѣляйте же, не стрѣляйте! — кричитъ Дрезе. Павелъ Аѳанасьичъ ведетъ ружьемъ за ними.

Дрезе падаетъ на дно лодки.

— Дрезе подстрѣлите, что вы дѣлаете!

— Почему же? Я не понимаю.

Какъ всегда онъ вѣжливъ, и какъ будто въ перчаткахъ.

— Отъ воды отразится — весь зарядъ въ него закатите.

— Ахъ, вотъ какъ, а я не сообразилъ.

Дрезе подымается изъ лодки.

— Ну и что же это такое, вы же сынишку сиротой сдѣлаете!

Въ полдень завтракаютъ на берегу. Бутерброды, огурцы, ветчина кажутся такими вкусными! Печетъ солнце; Норма съ порѣзаннымъ носомъ тяжело дышитъ, вся въ грязи, мокрая. Охотники пьютъ водку.

— Плохи стали мѣста энти, — говорить Яшка. — Тутъ бы гору птицы надо набить.

Онъ уныло взглядываетъ на нѣсколькихъ утятъ и селезня.

Дрезе сердится.

— Ну я же такъ и говорилъ!

Послѣ завтрака снова шарятъ въ камышахъ; собаки устали и лазаютъ лѣнливо. Утокъ мало. Для развлечения Женя съ Павломъ Аѳанасьичемъ палятъ въ ястребовъ, рыболововъ, но все мимо.

Дома они для практики стрѣляютъ въ бросаемя бутылки и шарики. Теперь Дрезе дразнить ихъ.

— Это же вамъ не щепочки, Павелъ Аѳанасьичъ!

— Вы, Павелъ Аѳанасьичъ, лучше бы ужъ въ Дрезе попробовали, — смѣется отецъ.

День быстро проходитъ. Синѣ волны, чайки бѣлѣй на этой синевѣ, и сильнѣй усталость. Какъ-никакъ надо

плыть на мельницу. И пока добираются, пока пьютъ чай и закусывають, разводятъ пары на „Капитолинѣ“, солнце, краснѣя касается горизонта. Удятъ рыбу, болтають съ мельникомъ. Наконецъ, въ розовыхъ сумеркахъ, отплывають. Какъ фламинго, стоитъ на болотцѣ цапля и ее спугиваетъ пыхтѣнье парохода. Ёдутъ долго. Становится прохладно, сыро, глаза тяжелѣють отъ утомленія. Но передъ взоромъ далекая вода, все расширяющаяся, и уже скоро откроются знакомые маяки. Вышла луна и безмолвнымъ свидѣтелемъ стоитъ сбоку, сопровождая бѣгъ „Капитолины“. Ея тусклое сіянье, сквозь слегка туманящійся воздухъ, даетъ оттѣнокъ грусти и загадочности.

Женя, сидя на носу, думаетъ, что черезъ мѣсяць все это уйдетъ, можетъ быть, навсегда. Его клонитъ ко сну, сердце сжимаетъ тоска; отецъ кутаетъ его.

XXI

Быстро прошелъ июль, половина августа. Среди латинской зубрежки ѣздили за тетеревами, но покой и ясность деревенской жизни были утеряны. Ложась спать, Женя думалъ объ экзаменахъ, о городѣ; его волновалъ близкій отъѣздъ и разлука съ родными.

Рѣшено было, что мать свезетъ въ городъ Соню съ Женей, найметъ маленькую квартиру и они поселятся подъ присмотромъ Дашеньки.

И вотъ, пожелавъ успѣха Женѣ, уѣхалъ Жукъ. Наступилъ день отъѣзда. Долго укладывались, соображали не забыть чего, и десятого августа, въ прохладное утро тронулись. Версть тридцать надо было проѣхать по своей, узкоколейной дорогѣ, далѣе на лошадяхъ. Женя помнилъ влажную отъ росы платформу ихъ станціи, „директорскій“ вагончикъ, куда ихъ усаживали, отца, озабоченнаго и печальнаго. Когда Женя поцѣловалъ его въ послѣдній разъ въ рыжеватые усы, горло его сдавило и онъ бросился въ вагонъ. Поѣздъ задрезжалъ. Мелькнула фигура отца, потомъ заводъ потянулся, и поѣздъ поползъ въ гору — ту самую, куда ѣздили на тягу. Чѣмъ далѣе уходилъ

онъ, тѣмъ шире и синѣй развертывалось озеро, село, и завидѣлся на той сторонѣ домъ, такъ милый Жениному сердцу.

Лѣса уже начали желтѣть; въ раскрывавшемся видѣ, голубизнѣ озера и прозрачности далей было прощаніе.

Вотъ лежитъ сзади дѣтство, въ его тихой радости, и возврата къ нему нѣтъ. Поѣздъ взобрался на высшую точку и, громыхая, покатилъ внизъ. Медленно, ровно опускались родныя мѣста, какъ бы утопая. Женя прижался лбомъ къ стеклу и сдерживалъ слезы.

XXII

Въ городѣ мама наняла квартиру въ три комнаты. Какъ убого это было! И какъ мрачно казалось все здѣсь.

Дулъ сухой вѣтеръ, гналъ пыль и листья. Въ крошечномъ домѣ, съ дворикомъ величиною въ ладонь, надо было ждать экзаменовъ.

Тяжело вздыхая, послѣ плохой ночи всталъ Женя въ назначенный день. Пока шли съ мамой, было еще ничего-себѣ, но когда она оставила его въ огромномъ зданіи, гдѣ кишѣли дѣти, сновали учителя, онъ почувствовалъ, что погибъ. Самый запахъ крашенныхъ партъ, ранцевъ убивалъ его.

Плохо соображая, попалъ онъ, наконецъ, въ классъ, гдѣ экзаменовали. Казалось, что его фамилію не назовутъ никогда. Просто о немъ забыли среди моря этихъ малышей, отъ которыхъ онъ ничѣмъ не отличался.

Наконецъ, блѣдный, полуживой, очутился онъ у зеленого стола. Тутъ сидѣли батюшка и инспекторъ. Отъ волненія Женя барабанилъ пальцами по сукну, слегка вздрагивая.

— Гдѣ ты учился? — спросилъ инспекторъ — острый, лысый человѣкъ на тонкихъ ножкахъ.

— Д-дома.

— Значитъ тебя плохо воспитывали.

Золотое пенснэ инспектора вздрогнуло.

— А... что?

— Какъ „а что?“ Что за выраженіе, во-первыхъ? Развѣ такъ разговариваютъ со взрослыми? А потомъ, ты подходишь къ столу и начинаешь барабанить пальцами! Развѣ воспитанный мальчикъ позволить себѣ это?

Женя былъ оскорбленъ. Невоспитаннымъ онъ себя не считалъ; кромѣ того, съ нимъ обращались всегда мягко, ласково, и одинъ этотъ тонъ былъ невыносимъ. Онъ не отвѣтилъ и отвернулся.

Близорукой бабушка, въ очкахъ, имѣлъ радостно-побѣдоносный видъ. Казалось, онъ тутъ же неопровержимо докажетъ бытіе Божіе и подлость „Дарвина“. Несмотря на нескладность отвѣтовъ, на неточность касательно патріарховъ (ошибки въ опредѣленіи возраста), Женя получилъ удовлетворительно. То же было и по-русски. Онъ вздохнулъ веселѣй. Одна латынь!

На перерывѣ онъ сошелъ въ гимназическій садикъ, и тутъ же получилъ крещеніе. Нѣкій „Юзепчукъ Петръ“, второклассникъ, далъ ему тумака. Женя обидѣлся; произошелъ бой, гдѣ противники налетали другъ на друга пѣтухами, подъ гуль и галдѣніе публики, схватывались, опять отскакивали, но оба остались на позиціяхъ — послѣ же битвы даже познакомились.

— У Пятеркина держишь? — спросилъ Юзепчукъ. — Латынь?

— Да.

— Ну, онъ сволочь. Мнѣ колъ за подсказъ поставилъ.

Пятеркинъ былъ человекъ тучный, бритый, съ бородавками.

Съ первыхъ же словъ онъ сталъ ловко ловить Женю, и на третьемъ склоненіи остановилъ:

— Довольно! Егоровъ Иванъ!

Женя не понялъ. Пятеркинъ красиво и жирно поставилъ ему въ журналъ два.

Горекъ былъ для Жени этотъ вечеръ. Мама утѣшала, говорила, что это пустяки, завтра она пойдетъ объясняться къ директору, но онъ былъ безутѣшенъ. Не примутъ! Скандаль. Позоръ, жалкое бѣгство на родину. Онъ молчалъ, потихоньку плакалъ; ночь не спалъ. Казалось, что

весь свѣтъ знаетъ о его неудачѣ; онъ, державшійся всегда твердо и съ достоинствомъ, оказался хуже какого то Юзепчука, и ему предстоитъ быть недорослемъ изъ дворянъ. На другой день мама была у директора. Послѣ мучительнаго четырехдневнаго ожиданія онъ былъ принятъ.

XXIII

Давно извѣстно, что жизнь маленькихъ гимназистовъ напоминаетъ каторгу. Такъ было и съ Женей. Мама уѣхала, оставивъ ихъ съ Соней подъ надзоромъ Дашеньки. Наступила осень. Поздно свѣтало, и въ суровыхъ потемкахъ, при свѣчкѣ надо было одѣваться и пить чай. И потомъ — бѣжать, дрожать передъ латинистомъ, передъ надзирателями, директоромъ, инспекторомъ, дышать пыльнымъ воздухомъ класса, вѣсть сухой бутербродъ на большой перемѣнѣ, думать, какъ пройдетъ письменная задача, ждать грубости, подчиняться жалкимъ и бездарнымъ людямъ. Бѣдная жизнь, сѣрая, проклятая. Что можетъ она взрастить?

Въ пятницу Женя шелъ какъ на казнь. Въ этотъ день онъ бывалъ дежурнымъ, и всегда кто-нибудь устраивалъ скандалъ: разбивали стекло, проливали чернильницу.

— Дежурный! — звалъ надзиратель.

Женя шелъ.

— Кто это сдѣлалъ?

— Не знаю.

— Да? Не знаешь? Ну, останешься безъ обѣда.

Выдавать товарищей, конечно, не полагалось; и онъ сидѣлъ.

Дома уроки при скудной лампѣ, однообразіи, отсутствіе друзей, природы, вольности. Въ десять часовъ сонъ — вдругъ забылъ приготовить нѣмецкія слова — и въ одной рубашонкѣ, при свѣчкѣ, дозубриваетъ онъ ихъ, въ волненіи. Завтра же снова „общая молитва“, экстемпорали, правило пропорцій.

Такъ уходятъ нѣжные и милые годы, когда душу пощщаетъ уже образъ Зинаиды, заставляя томно останав-

ливаться сердце. Но гдѣ же быть Зинаидѣ въ этомъ несчастномъ болотѣ? Далекая, все неземнѣй становится она—зеленая звѣзда любви отроческой.

XXIV

Разъ въ ноябрьскій вечеръ зашла тетя Анна Михайловна. Дѣти мало знали ее; уѣзжая, мама просила иногда навѣдывать ихъ.

Анна Михайловна была невесела и не раздѣлась.

— Тетя, — сказала Сонечка, — вы бы сняли шубу. Я васъ угощу вареньемъ, намъ Дашенька замѣчательное сварила.

— Спасибо, милая, некогда.

Анна Михайловна вздохнула.

— Вотъ что, дѣти... Вамъ завтра надо уѣзжать.

Сонечка удивилась. Женѣ все это показалось страннымъ. И видѣ тети Анны Михайловны, ея голосъ, то, что она сидитъ въ верхней одеждѣ.

— Я была сегодня у директора, завтра съ утра у начальницы, и завтра же вечеромъ, вѣроятно, вы отправитесь.

— Тетя, я не понимаю, — Соня вдругъ поблѣднѣла. — Куда мы поѣдемъ?

— Ну, дѣти, ничего особеннаго нѣтъ, вы напрасно не волнуйтесь, но все-таки должна вамъ сказать, что получила отъ отца извѣстіе... — она замялась. — Да ничего особеннаго... Мама захворала. Богъ дастъ, пройдетъ все благополучно. Все же надо ѣхать.

Соня отошла къ окошку и сморщилась. Маленькія слезы побѣжали изъ ея глазъ, она сморкалась въ платочекъ.

— Если насъ вызываютъ, значитъ мама больна серьезно.

Женя держалъ уже въ рукѣ телеграмму: „Мама тяжело больна, высылайте дѣтей немедленно“.

Анна Михайловна цѣловала и утѣшала ихъ, но они сразу пали духомъ. Они молчали, Женя заложилъ руки за спину и ходилъ угрюмо изъ угла въ уголь. Сонечка плакала. Женѣ хотѣлось плакать тоже, но онъ крѣпился,

и только когда тетушка ушла, сталъ ревѣть у себя, въ подушку. Ему казалось, что теперь не стоитъ уже ѣсть, ходить въ гимназію и жить. Безразлично — все пропало. Разъ умереть мама, къ чему тянуть эту канитель?

Вечеромъ къ нему пришла Сонечка и поцѣловала въ лобъ. Эта женская ласка напомнила ему маму еще сильнѣе — ея запахъ, ея мягкія руки и онъ еще неутѣшиѣе заплакалъ.

— Не плачь, Женечка, — Соня, какъ старшая, старалась поддержать его. — Дастъ Богъ, пройдетъ все. Не плачь, милый.

— Соня, — бормоталъ онъ сквозь слезы, — скорѣй бы ужъ! Ахъ ты Господи, когда жъ мы поѣдемъ!

Къ сестрѣ онъ тоже чувствовалъ приливъ любви; и теперь не помнилъ уже о поддразниваніи, о томъ, что во всѣ игры, въ дѣтствѣ, она обыгрывала его, о ненавистномъ нѣкогда „бимъ-бомъ“.

Около полуночи, очнувшись послѣ мрачнаго сна, онъ увидѣлъ въ Сониной комнатѣ свѣтъ. Тамъ, передъ маленькой лампадкой, Соня молилась. Молилась и Дашенька, охая, шевеля старческими губами — у себя въ каморкѣ.

На другой день съ утра летѣлъ мокрый снѣгъ. Анна Михайловна провожала дѣтей на вокзалъ, усадила въ третій классъ. Туманныя поля, полосы метели пронеслись мимо нихъ; въ вагонѣ было жарко. Хмурые, жалкіе, жались другъ къ другу дѣти. Громыханье вагона погружало въ оцѣпенѣніе. Но въ груди давила ровная жестокая тяжесть — мама. Жива ли, жива? Вдругъ не поспѣютъ и не услышишь никогда звука ея голоса? Въ темнѣющемъ вагонѣ, съ несшимися за окномъ искрами, снова охватывалъ тотъ же смертный холодъ, что и тогда, съ Настасьей. Станція, пересадка, носильщики, мужики, — все казалось смутнымъ сномъ.

Чѣмъ ближе подвигались къ дому, тѣмъ больше тоска росла. Вотъ раннимъ утромъ они слѣзаютъ въ темнотѣ на полустанкѣ, откуда идетъ узкоколейная дорога. Здѣсь все уже знакомое; встрѣчаетъ Кузьма и ведетъ на съѣзжую, гдѣ они могутъ отдохнуть до поѣзда.

— Ну... что, Кузьма? — спрашивает Женя, едва выговаривая слова.

— Ничего, слава Богу, Евгений Николаевич. — И какъ слышно, мамашѣ вашей лучше.

Милый Кузьма, откуда онъ знаетъ? Но Женя недо-вѣрчивъ: можетъ быть, это просто, чтобы успокоить...

— Да вы почему знаете?

— Тутъ вчера мастеръ ремонтный прїѣзжалъ.

Въ двѣнадцать, на станціи Стеклянная извѣстіе под-тверждается: встрѣчаютъ Дрезу.

— Ну, да ничего, слава Богу! А ужъ мы за мамашу какъ боялись! Чуть не при смерти была третьяго дня, я же васъ увѣряю. Ну, теперь ничего.

Дома были часа въ три. Въ передней ихъ обнялъ отецъ и опустился тяжело на стулъ. Видно было по измѣ-нившемуся лицу, что нелегко прошли эти послѣднія недѣли.

— Маму нельзя видѣть, погодите.

Онъ рассказывалъ имъ, какъ страдала мама отъ бо-лѣзни печени. Третьяго дня докторъ сказалъ, что всего ждать можно. Но ночью стало легче.

— Ночью? — переспросилъ Женя. — Ночью третьяго дня?

Онъ взглянулъ на Соню. „Богъ услышалъ ихъ?“ Но отъ волненія, радостнаго и остраго, онъ ничего не могъ сказать.

Наверху все было полно болѣзнию. Казалось, даже смерть не совсѣмъ была покорена въ этой мрачной ком-натѣ. Мама, изсохшая и измученная, но съ улыбкой, лежала на огромной постели. Увидѣвъ ее, дѣти лишились выдержки и, припавъ къ постели, рыдали.

XXV

Они прожили дома около мѣсяца. Это было время тихаго, радостнаго существованія. Съ каждымъ днемъ мама поправлялась; каждый день, просыпаясь, Женя зналъ, что она здѣсь, любимая и дорогая, и въ ужасѣ гналъ мысль, что было бы, если бъ она не выздоровѣла. Но нѣчто серьезное вошло въ ихъ жизнь. Не катались уже какъ

прежде, беззаботно, на буерѣ, коньки не интересовали, и казалось, что прошло сразу нѣсколько лѣтъ...

Уѣзжая послѣ Рождества въ гимназію, Женя чувствовалъ, что любитъ мать еще острѣе, и больнѣй, мучительнѣй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оглядываясь на родныя мѣста, онъ понималъ, что какая то часть его жизни — и не лучшая ли, — прожита, и сюда онъ не вернется тѣмъ безпечнымъ ребенкомъ, какимъ вѣзжалъ въ этотъ домъ. Дѣтство его кончалось.

Москва.

1909 г.

Жемчугъ.

Весеннимъ вечеромъ, при лунѣ, я позвонила въ дальнемъ переулкѣ у подъѣзда. Было девять. Въ передней стоялъ знакомый нюренбергскій фонарь, въ мастерской Павла Асинкритыча лунный свѣтъ легъ сіяніемъ на полъ, на холсты, этюды.

— А, Надишь!

Павель Асинкритычъ потрепаль меня по рукѣ, погладилъ бороду, — съдую, давно извѣстную мнѣ бороду.

— Къ чаю просимъ, къ чаю просимъ. Катенька, это Надишь.

Мы цѣловались съ Катериной Евграфовной, проходя въ столовую. Это собственно и не столовая — какъ и все здѣсь особенное. Можетъ быть, тутъ домъ, можетъ, музей. Старье, рѣзная мебель, керамика. По стѣнамъ скамьи. Былъ уже народъ. Всѣхъ здѣсь я знаю, нѣкоторыхъ люблю. Больше художники, актрисы изъ молодыхъ.

Катерина Евграфовна распоряжалась полемъ дѣйствія. У ней на этотъ счетъ свой взглядъ. Нельзя, если пришедшій сидитъ одинъ слишкомъ долго. Или двое заговорились. Это разстраиваетъ гармонию. А гармонія, по ея мнѣнію, самое важное.

— Что подѣлывали, ангелъ? — говорилъ Павель Асинкритычъ. — Вы мнѣ хотя въ дочки годитесь, все же я васъ люблю и какъ женщину.

Онъ фыркалъ.

— Я въ размягченномъ состояніи. Теперь весна, я грущу, — „и мнѣ чего то жаль“. Это, вѣрно, потому, что я старѣю, Павель Асинкритычъ.

— Вздоръ-съ, милая. Пустяки болтаете. Старѣтъ человекъ начинается съ шестидесяти. Вотъ я, напримѣръ, хо-хо... развѣ я старѣ? хо-хо...

Хорошо, что насъ не видала Катерина Евграфовна. Она навела бы порядки. Ибо мы сидѣли въ мастерской и разговаривали одни. Мѣсяць заливалъ нашъ диванъ.

На мнѣ было черное платье и старая нить жемчуга, любимая мной, съ крестомъ венеціанской работы. Здѣсь подъ луной мой жемчугъ млѣлъ и таинственно игралъ голубоватыми лучами.

— Вотъ, вы видите, до чего я разслаблена, я гляжу на свой жемчугъ, и мнѣ хочется ласкать его и пошептаться съ нимъ. Это сантиментально? Но онъ съ моей родины, изъ Италіи, и онъ видѣлъ много чудеснаго.

— То то все брехня. Жемчуги не разговариваютъ. Э-хъ, не втирать намъ очковъ, что тамъ...

Въ столовой разговоръ гремѣлъ. Спорили о художникѣ С. Мой другъ Р. говорилъ:

— По-чешски художникъ называется „умѣлецъ“. Ну, скажите на милость, развѣ жъ онъ умѣлецъ? Хорошо, допускаемъ тонъ, но форму его признать, форму! „Великій артистъ!“ Когда онъ пальца нарисовать не умѣетъ. Нѣтъ, простите... Ну, колористъ, туда сюда...

— Онъ варваръ. И отлично. Ему вашихъ рисунковъ не надо.

Изъ прихожей вышелъ человекъ — высокій, темный, съ морщиною поперекъ лба. Я взглянула на него. Это былъ Александръ Андреичъ.

Крѣпкой рукой жалъ онъ руку Павлу Асинкритычу. На пальцѣ блеснулъ брилліантъ. Красный цвѣтокъ въ петлицѣ.

— Давно въ наши земли?

— Только-что. Къ вамъ первымъ.

Онъ улыбался. Улыбка не шла къ его лицу — тяжело, странному. Маленькіе глаза были тверды. Мнѣ показалось, онъ сталъ рѣзче, мрачнѣй и задумчивѣй.

Подаль руку и мнѣ. Опять несвѣтящаяся улыбка прошла по немъ.

— Все попрежнему. Надежда Николаевна здѣсь, и даже въ прежнемъ платьѣ. Даже жемчугъ тотъ же.

Мнѣ стало неприятно. Зачѣмъ ему мой жемчугъ?

Я вспыхнула.

— И вы тотъ же. Тѣ же брилліанты на рукахъ. Разница въ томъ, что мой жемчугъ прекрасенъ, а носить брилліанты на пальцахъ мужчинамъ — нехорошо.

— Почему?

— Дурной тонъ.

— Вотъ какъ!

Онъ поглядѣлъ, задумался, покачалъ головой. — Вотъ какъ, — онъ сталъ болтать ложечкой въ стаканѣ.

Что могу я сказать объ этомъ человѣкѣ? Боже мой, мнѣ ли его не знать? Восемь лѣтъ назадъ онъ подарилъ мнѣ этотъ жемчугъ, весною, въ Венеціи. Восемь лѣтъ назадъ мы любили другъ друга бурно, мучительно любили, бывали счастливы — до гибели, и были въ общемъ очень несчастны. Наша любовь продолжалась годъ. Мы жили вмѣстѣ, и за этотъ годъ я узнала его всего снаружи, но не скажу, знала ли вообще.

Онъ былъ тяжекъ. Мрачная душа жила въ немъ. Надъ нашей любовью было неблагополучіе. Мы терзали другъ друга, страдали, потомъ разошлись. Иногда встрѣчались въ обществѣ, всегда чужіе. И онъ и я любили еще другихъ; мы забыли другъ о другѣ. Даже могу сказать, что къ нему я теперь относилась недружелюбно. Передавали и мнѣ, что и онъ меня не любитъ.

— Дайте пожалуйста вина, — обратился онъ къ Павлу Асинкритычу. — Кажется, вѣдь у васъ ужина не полагается? А la fourchette?

Павелъ Асинкритычъ хлопнулъ его по спинѣ.

— Виноватъ-съ, виноватъ. Катенька, вина!

— Вамъ краснаго? Бѣлаго?

— Бѣлаго.

Я опять раздражилась.

— Есть два сорта людей. — Одни пьютъ красное вино, любятъ Италію и вообще они... Другіе—бѣлое...

— Ну?

— Тѣ гораздо хуже.

Павель Асинкритычъ подошелъ ко мнѣ.

— Надишь, не дерзи. Нехорошо, мой ангель. Онъ вовсе и не такъ плохъ, а?

Я не отвѣтила. Мнѣ стало скучно.

— Нѣтъ, вы насчетъ бѣлаго неправы, — вмѣшался Р. — Дѣло не въ цвѣтѣ. Дѣло въ томъ, въ какой странѣ что растеть. По вину вы узнаете край. Долженъ вамъ сказать, нашъ край не изъ важныхъ.

Александръ Андреичъ пилъ вино. Я молчала. Кругомъ говорили, Р. пилъ также и быстро вступилъ въ споръ. Я сѣла въ уголь и глядѣла въ мастерскую. Тамъ, какъ прежде плылъ голубой лунный свѣтъ; онъ казался мнѣ магическимъ и сладкимъ. Въ комнатѣ за столовой молодая артистка запѣла. Ей аккомпанировали томно, ея густой, высокій голосъ опьянялъ меня. „Что это, я совсѣмъ полумная“. Горячая струя, сладостная и смертоносная, пронзала меня.

— Нѣтъ, не могу!

Я встала, вышла къ столу. Я была блѣдна. Всѣ сидѣли молча. Пѣвица кончила. Молчаніе. Потомъ вздохнули. Вздохъ былъ общій — тотъ, когда прекрасное является, побѣждаетъ.

Я взглянула на Александра Андреича, Онъ смотрѣлъ также на меня, непонятнымъ, упорнымъ взглядомъ.

Я обняла Катерину Евграфовну и простилась.

— Душенька, — кричалъ Павель Асинкритычъ, — куда жъ рано такъ?

— Никуда. Устала. Никуда.

У подъѣзда стоялъ автомобиль. „Это его“, подумала я. Я не знала, что у него есть автомобиль, но могла бы держать пари.

Было тепло. Луна сіяла такъ нѣжно! Мнѣ захотѣлось слезъ, какихъ то дивныхъ фіалокъ, уткнуться въ нихъ лицо и плакать, плакать... О чемъ собственно? Я не знала.

Я шла по свѣтлой сторонѣ переулка, разстегнувъ манто. Снова мой жемчугъ искрился; теперъ, маленькія,

серебряныя, въ немъ бродили какъ бы слезки. Черезъ пять минутъ я услышала ровный, легкій шорохъ; оглянулась, — два золотые глаза неслись беззвучно.

Въ двухъ шагахъ машина остановилась.

— Надежда Николаевна!

Это онъ. Что же, все возможно, все такъ странно нынче.

— Сядьте ко мнѣ. Мы поѣдемъ. Ну, я очень прошу васъ.

Я сѣла. Мы тронулись. Да, автомобиль вещь особенная. Въ немъ летишь птицей, въ немъ нѣтъ вѣса, и когда мы неслись по пустыннымъ улицамъ, подъ пустынно-ласковымъ небомъ, духъ у меня захватывало. Почему то вспомнилось, какъ въ міровомъ пространствѣ мчится беззвучно комета, сіяя и сгорая, изъ одной неизвѣстной бездны въ другую.

Александръ Андреичъ былъ тихъ. Онъ долго смотрѣлъ на меня.

— Вы меня ненавидѣли тамъ... у стариковъ. За что?

— Я не знаю. За что-то—да. Зачѣмъ вы попрекнули мой жемчугъ?

Онъ улыбнулся.

— Бѣдный жемчугъ, бѣдный жемчугъ!

Я опять взволновалась.

— Я знаю, вы хотѣли уколоть нашу любовь. Вамъ мало, что прошло все, вы хотѣли... — я задыхнулась отъ гнѣва — хотѣли посмѣяться надъ ней.

Онъ сталъ серьезенъ.

— Посмѣяться? Ахъ нѣтъ, Надя, вы не поняли.

— Я для васъ не Надя, запомните это, не Надя...

Онъ взялъ меня за руки.

— Бѣлыя руки, бѣлыя руки! Не гнѣвайтесь на меня. Я вижу какъ трепещутъ ваши жилки. Но вѣдь вы божественны. Какъ можетъ быть въ гнѣвѣ богиня?

Я опустила, умолкла какъ то. Раздраженіе, тоска, все во мнѣ замерло, я сидѣла поникнувъ, а шофферъ мчалъ насъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ. Около зданія съ бѣлыми шарѣми мы остановились.

Я опомнилась. Это ресторанъ. Вотъ она, міровая бездна, куда мы летѣли! Я немного сконфузилась. Но поздно, и неловко было говорить. Блесталь зеркалами входъ. Александръ Андреичъ взялъ меня подъ руку. По красному ковру мы поднялись въ вестибюль, въ цвѣтахъ. Румыны ударили смычками, многоголосый гулъ ресторана, толпа, золото свѣта — все било по нервамъ. На минуту я забылась. Я чувствовала себя актрисой при поднятіи занавѣса. И должна сознаться, что первая минута въ ресторанѣ всегда такая. Все-таки это сцена. Полъ-города знаетъ Александра Андреича, треть — меня, четверть — нашу прежнюю жизнь.

Все было занято. Мы прошли черезъ залъ и едва нашли столъ. Нѣсколько разъ, въ огнѣ взглядовъ, среди обертывавшихся, слышала я имя Александра Андреича. Разъ — свое. Но волна схлынула, снова я поняла, что дѣлаю что то нелѣпое, дикое. Да ужъ разъ начато...

Александръ Андреичъ заказаль устриць, мнѣ котлетку марешаль. Почему онъ вспомнилъ, что я люблю котлеты марешаль? Пили мы шампанское. Александръ Андреичъ молчалъ. Странную власть имѣлъ надо мной въ этотъ вечеръ этотъ человекъ! Ну зачѣмъ я здѣсь, что надо мнѣ, что ему? Мы не можемъ любить другъ друга, — что за тайная сила свела насъ, про себя жившихъ свои жизни, про себя страдавшихъ?

— Я не хотѣлъ посмѣяться надъ жемчугомъ, — сказалъ онъ. — Нѣтъ, не хотѣлъ посмѣяться.

Онъ сидѣлъ передо мной огромный, черный, неподвижный. „Онъ похожъ на Елеазара“, подумала я, холодѣя. „На Елеазара, увидѣвшаго разъ смерть, и не могущаго забыть“.

— Я сказалъ вамъ... потому что... Когда я увидѣлъ вашъ жемчугъ, то... да. Чтобы скрыть это, только чтобы скрыть, я сказалъ... дерзко.

— Да вѣдь мы не любимъ же другъ друга?

— Да, конечно.

Я взяла въ руку жемчугъ. Онъ горѣлъ теперь, въ блескѣ золотого свѣта ядовито, колдовски.

— Можетъ быть, здѣсь скопилась вся прелесть, мука,

восторгъ нашей любви. Можетъ, это таинственный амулетъ, нерасторжимо связавшій насъ.

— Можетъ быть. Да. Я вамъ не договорилъ. Когда я его увидѣлъ, я вспомнилъ то, что было восемь лѣтъ. Почему это вспомнилось нынче? Сколько разъ мы встрѣчались, здоровались — все было — не то...

Онъ подпиралъ рукой голову. Въ рукѣ держалъ бокалъ, гдѣ весело, легко взбѣгали пузырьки, — божественно чистые.

Снова онъ сталъ другимъ. Теперь казался печальной глыбой — такимъ бывалъ въ лучшія минуты. Теперь глаза его свѣтили.

— Рожденіе божества, — онъ глядѣлъ на бокалъ, — такъ же легко и безсмертно, какъ бѣгъ этихъ пузырьковъ. Божество есть въ васъ, въ вашихъ бѣлыхъ рукахъ, въ вашемъ жемчугѣ. Да. Оно было въ нашей любви. Оно было, Надя, вы не станете отрицать.

Въ первый разъ я назвала его „Александръ“.

— Да, — было. Несмотря на все, было.

Мы чокнулись.

— Кто виновенъ въ томъ, что мы не были счастливы, и разстались? — Онъ выпилъ глотокъ. — Судьба.

— Все, что потомъ было, я вспоминаю какъ ничто.

— Поѣдемте, — я поднялась — не могу здѣсь больше сидѣть.

Я знаю себя. Я знала, что въ груди, въ горлѣ у меня поднимается теплота, начинаетъ щекотать, вдругъ здѣсь, на народѣ, въ бѣлой съ золотомъ залѣ, я разревуся — а ужъ я знаю, какъ я реву!

Онъ поддерживалъ меня, мы вышли. У подъѣзда онъ купилъ фіалокъ. Было довольно поздно. Моя луна — въ тотъ вечеръ мнѣ казалось, что луна моя, — луна зашла. Небо посвѣтлѣло; чище, невиннѣй мерцали звѣзды на блѣдно-синемъ родномъ лонѣ.

— Ну, ѣдемъ, — бормотала я. — Ыдемъ, только скорѣй, ради Бога.

Мы летѣли. Это было похоже на сновидѣніе. Мы молчали. Кажется, мы знали теперь другъ друга до конца.

Я уткнула носъ въ фіалки (какъ онъ угадалъ?), и сидѣла опѣпенѣвъ, а воздушный конь носилъ насъ въ тихомъ безуміи по улицамъ, изъ конца въ конецъ.

— Шибче, — шептала я по временамъ. — Шибче.

Александръ Андреичъ взялъ мою руку, но она была холодная — какъ сейчасъ помню ее: бѣлая мертвая рука во мглѣ зари.

Наконецъ, я разразилась. Я плакала молча, долго, негромко и горько. Александръ цѣловалъ мою руку, но мы ничего не могли сказать другъ другу. Мы знали, что любовь наша прошла что ничѣмъ нельзя вернуть ее, какъ не остановить хода этихъ звѣздъ. Что оплакиваемъ мы нашу жизнь, — почему то незадачливую жизнь, перегнувшуюся теперь къ закату. Что ушло безсмертное, ушло.

Около памятника у бульвара я велѣла остановиться. Я слѣзла. Прошла нѣсколько шаговъ по бульвару и сѣла. Вѣтерокъ пробѣжалъ въ липѣ, надъ моей скамейкой. Александръ Андреичъ дошелъ до половины пути ко мнѣ и остановился. Потомъ снялъ шляпу, постоялъ. Хотѣлъ онъ сказать что-нибудь? Не знаю. Вдругъ поклонился и ушелъ. Метнулся его автомобиль, и какъ призрочно была принесена я сюда, въ чѣмъ то полетѣ, — такъ же исчезъ онъ, фантомомъ, на своей безшумной машинѣ. На поворотѣ чудовище взвыло, блеснулъ золотой глазъ. Все стихло.

Я же сидѣла и плакала — тихими слезами. Я сняла съ шеи жемчугъ, цѣловала каждую жемчужину. Теплыя, розоватыя пятна проступали въ нихъ. Блѣдное сіянье звѣздъ, небесныхъ дѣвъ, гаснущихъ въ зарѣ, отразилось въ немъ такъ же. Я вѣрила, что, правда, это жемчугъ — самое святое, дивное, что осталось отъ моей жизни, моей любви.

Мои слезы капали на ожерелье.

Москва.
1910 г.

Изгнаніе

Въ школѣ я учился хорошо, но равнодушно. Хорошо и въ университетѣ, хотя не могъ понять, что университетъ—храмъ, alma mater и прочее. Ходилъ на лекціи, сдавалъ зачеты. Когда пришло время, продѣлалъ въ комиссіи что надо, и такъ какъ не добивался этого, кончилъ чуть не первымъ.

Я родомъ изъ хорошаго круга Москвы: у насъ бывали профессора, адвокаты, писатели, и сначала предполагалось, что меня оставятъ при университетѣ; но я записался помощникомъ къ крупному адвокату, изъ либеральныхъ—онъ составилъ себѣ имя въ политическихъ процессахъ.

Казалось, что я буду хорошимъ адвокатомъ, защитникомъ угнетенныхъ и подписчикомъ прогрессивныхъ газетъ. На самомъ дѣлѣ, былъ я молодъ, довольно здоровъ, образованъ, не глупъ. Даже говорилъ сносно. Что же до аккуратности и честности, то тутъ просто превосходно: о! кліентскихъ денегъ я бы не растратилъ, и по клубамъ не картежничалъ.

Такъ и смотрѣлъ на меня патронъ. Я и самъ зналъ это за собой; и когда товарищи вздыхали слегка завистливо, предполагая, что за звѣздой я самъ пройду въ звѣзды, — я этого не отрицалъ, но сіяніе моего маэстро мало меня воодушевляло. Да, зарабатывать тридцать тысячъ пріятно; но сколько для этого нужно возиться съ кліентами, препираться съ предсѣдателями и прокурорами, сколько болтать банальностей и говорить: „мы, передовая адвокатура“ — все это не особенно хорошо.

Однако, я старался и работалъ. Долженъ сознаться, что хотя и не былъ въ ту пору ребенкомъ, родители и въ этомъ имѣли на меня большое вліяніе. Дѣло простое: я ихъ любилъ. Они были люди добрые и честные, съ опредѣленнымъ взглядомъ на жизнь. Огорчать ихъ мнѣ не нравилось; и во многомъ жизнь моя — челоуѣка средняго, неяркаго — опредѣлялась ими. Было принято работать, бывать въ симфоническомъ, посѣщать журфиксы въ двухъ-трехъ домахъ — почтенныхъ и серьезныхъ; и молодежь, которую подбирала мать, была тоже интеллигентная и серьезная. Такъ что — странно сказать! — на женитьбу мою мать оказала извѣстное вліяніе.

Съ Анетой мы познакомились на семейномъ торжествѣ, у друзей отца; мать дальновидно пригласила ее къ намъ. Мы встрѣчались на нашихъ собраніяхъ, на публичныхъ лекціяхъ, премьерахъ Художественнаго театра; и эта дѣвушка — горячая брюнетка, крѣпкая, довольно сильная, — заняла мое воображеніе. Она была дочерью профессора; занималась на курсахъ и слыла умницей и милой. Все шло само собой; меньше чѣмъ въ годъ мы оказались женихомъ и невѣстой. Матери наши шептались, радовались; я имѣлъ право въ сумеркахъ цѣловать ее въ шею, я чувствовалъ, что это молодое и жизненное существо владѣетъ мною цѣликомъ.

Такъ я женился — сдѣлался взрослымъ. Анета была отличной женой, это несомнѣнно; она любила меня бурно, со здоровой силой ея возраста, но была тактична и, главное умна. Я зналъ, что, кромѣ страсти, на каждомъ шагѣ встрѣчу въ ней помощника, опору, вѣрнаго друга. И я очень ее любилъ. Мнѣ нравился блескъ ея глазъ, нѣжная кожа, нѣсколько по еврейски вьющіеся волосы. Голосъ у нея былъ низкій и бархатный. Этимъ голосомъ она одинаково хорошо говорила съ кухаркой, торговалась, высказывала просвѣщенные взгляды, порицала модернизмъ и для меня находила въ словахъ ласковые отѣнки.

Мною она правила превосходно. Въ самомъ дѣлѣ: хотя я не жилъ теперь съ родителями, но въ домѣ у насъ былъ тотъ же порядокъ, культурность и интеллигентность.

Мы жили въ небольшой квартирѣ, но съ лифтомъ и ванной; никогда передъ обѣдомъ не пахло чадомъ; не было ссоръ съ прислугой, часто такихъ унижительныхъ. Даже не было гостиной съ декадентской мебелью, не висѣло „*Vien être*“, и только Беклинъ все же былъ: Анета полагала, что для молодого либеральнаго адвоката это вполне умѣстно. И вообще во всемъ: въ одеждѣ, въ питаніи (Анета была склонна къ вегетаріанству), въ разныхъ мелочахъ чувствовалась рука твердая и знающая, пусть молодая. Мать у насъ бывала нерѣдко. Съ ней Анета тоже ладила; мать ее любила, и даже ея многоопытный взглядъ не улавливалъ въ нашей жизни крупныхъ промаховъ. Иногда, цѣлуя меня на прощанье, мать говорила: „Береги свою жену, Александръ, она у тебя кладъ“. Сколько могъ, я и берегъ ее, и по указанію Анеты мы снова ѣздили — то слушать Оленину д'Альгеймъ, то старинную музыку, то даже на лекціи Бердяева (мистицизмъ она не одобряла, но желала быть *au courant* всего). Она продолжала и курсы, по филологическому отдѣленію; сдавала зачеты, изучала исторію искусства и разъ даже пришла въ ужасъ, когда знакомый студентъ у насъ на четвергъ сказалъ, что не знаетъ, кто былъ Фра-Анжелико.

Эти четверги, какъ прежде въ родительскомъ домѣ, были обдуманнми и „порядочными“. Приглашала Анета оставленныхъ при университетѣ, кое-кого изъ моихъ товарищей по работѣ, умныхъ барышень и дамъ. Пили чай за столомъ съ яркимъ никелевымъ самоваромъ, *tischläufer*'омъ, печеньями. Разговаривали объ общественныхъ новостяхъ; говорили, что „реакція уже обнаруживаетъ свою внутреннюю несостоятельность“; рассказывали о политическихъ процессахъ, касались университета, спорили о модныхъ романахъ, и въ одиннадцать ужинали *à la fourchette*, съ двумя бутылками медака. Впрочемъ, я говорилъ мало; никогда я не былъ особенно разговорчивъ, съ гостями держался даже нѣсколько нескладно, за что Анета меня укоряла. „Ты такой умный и образованный человекъ, Александръ, но въ обществѣ ты какъ-то прячешься. Нѣкоторые даже думаютъ, что ты гордый. А между тѣмъ,

у насъ бываетъ не кто-нибудь... Да и вообще я не думаю, чтобы это было вѣрно“. И она ласково цѣловала меня. „Что ты, что ты, какая тамъ гордость“... Я шугался и увѣрялъ, что просто характеръ у меня замкнутый. И, дѣйствительно, никакой гордости во мнѣ не было, это чьи-то выдумки.

Какъ полагается, въ свое время Анета забеременѣла. Мнѣ это нравилось. Сначала она нервничала, нѣсколько разъ плакала и раздражалась; но съ четвертаго мѣсяца стала, наоборотъ, ровной, тихой, какъ-то внутренно довольной. Начала полнѣть, терять дѣвичій обликъ, но появилось и нѣчто новое, по-своему очень хорошее. Въ ней показалась молодая матрона, пышное цвѣтеніе женскаго существа. Иногда сіяло въ ея глазахъ нѣчто, не отъ нея зависящее, точно радость самой жизни, выполняющей свою роль. Я боялся за нее послѣдніе мѣсяцы — чтобы не случилось чего; но Анета была еще аккуратнѣй въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ я въ моемъ; своевременно она легла въ лѣчебницу и мужественно перенесла страданія, въ февралѣ родила дочь.

Съ ея появленіемъ квартира стала намъ мала. Мы переѣхали на новую, на Пречистенскомъ бульварѣ. Появилась въ домѣ няня, и Лизочка, сама того не вѣдая, еще съ пеленокъ усилила у насъ партію женщинъ и семейный бытъ.

Дочь я полюбилъ — не съ первыхъ дней, а позже, когда стало пробуждаться въ ней сознаніе; когда что-то материнское, смѣшанное съ моимъ, глянуло изъ ея глазъ, я ощутилъ ту сладкую жуткость, которую чувствуетъ человѣкъ передъ тайной. Я видѣлъ, что и Анета смотритъ на нее особенно, и вѣрно она еще острѣй чужала въ Лизочкѣ *свое*, оживленную часть *себя*, чѣмъ я.

Но и неувловимое нѣчто легло въ отношеніяхъ жены ко мнѣ; да и моихъ къ ней. Мы точно оба возмужали, выросли; тѣ ноты любви романтической и вздыхательной, которыя все же въ насъ были, какъ-то поблекли. Рѣзче во мнѣ подчеркнулся мужъ, въ ней—жена. Ея власть надомной возрасла — въ области жизненной, практической.

И, напротивъ, душевно я сталъ дальше. Росъ заработокъ, и патронъ былъ мною доволенъ; скоро я долженъ былъ стать присяжнымъ повѣреннымъ, самъ прикармливать молодежь.

Но во мнѣ все-таки не было солидности. Иной разъ, вернувшись изъ суда, я вдругъ уходилъ изъ дому, якобы по дѣламъ, а на самомъ дѣлѣ просто бродилъ по Пречистенскому бульвару; выходилъ къ Христу-Спасителю, и зачѣмъ-то сидѣлъ на набережной, смотрѣлъ какъ блестятъ въ Кремлѣ главы, какъ Москва-рѣка шумитъ подъ Каменнымъ мостомъ. Даже Замоскворѣчье мнѣ нравилось: то-есть не само оно, а теплый вѣтеръ, летѣвшій оттуда, съ юга, голубыя дали, какіе-то воображаемые края тамъ, за Чернымъ моремъ и Крымомъ. Это бродяжничество, глупыя весеннія мечты такъ не шли ко мнѣ, порядочному человѣку въ тридцать лѣтъ, мужу, отцу семейства — я это понималъ и самъ стѣснялся. Но ясно, что во мнѣ, какъ всегда было, съ дѣтства, подъ однимъ человѣкомъ сидѣлъ другой, который мало кому былъ замѣтенъ. Почему я не говорилъ объ этомъ Анетѣ? Вѣдь, я могъ бы найти нужныя слова, и она вѣрно поняла бы меня и не посмѣялась. Но я все же не говорилъ. Не то чтобъ я не довѣрялъ, — меня смущала ея спокойная дѣловитость, умъ, то, что всегда во всемъ права была она. Вѣроятно, и тутъ оказалось бы такъ же.

И когда я возвращался, а она съ двоюродной своей сестрой Машурой, гимназисткой, возилась съ Лизочкой, мнѣ становилось слегка неловко, но я молчалъ. „Дядя, — говорила Машура: — нынче Лизочка разговаривала по телефону! Какая смѣшная! Сняла трубку и сказала: „слушаю“. Машура смѣялась, такъ что вздрагивали рѣсницы ея черныхъ глазъ, цѣловала Лизочку. Анета усмѣхалась. „Да, Александръ, она растеть. Вотъ смотри — скоро и учиться будетъ“. Я тоже улыбался, тоже радовался, и таскалъ на себѣ это милое, маленькое существо. „Кто-то ты будешь, — думалъ я, глядя ей въ глазки. — Славянская дѣвушка, съ туманными мечтами, слабая, изъ нѣжнаго легкоплавкаго воска? Или умная посредственность? Или

длинноногая коза, вѣтреница, дѣвица стиль модернъ“? Лизочка накручивала усъ на пальчикъ и дергала. Иногда разсматривала мнѣ глаза, закрывала и открывала вѣки, какъ-будто хотѣла разобрать получше, что это за инструментъ.

Лѣто того года мы жили на взморѣ, а осенью — осени въ моей жизни всегда тяжелы — я испыталъ большое горе: умеръ мой отецъ, а черезъ два мѣсяца мать, видимо отъ потрясеній. Я былъ человѣкомъ здоровымъ и довольно крѣпкимъ, но это меня пошатнуло. Вдругъ я почувствовалъ, что навсегда умерло мое дѣтство, юность. Я остался самымъ старшимъ — и уже вполне зрѣлымъ.

Надо сказать, что и въ другомъ отношеніи этотъ годъ былъ годомъ перелома, круто измѣнившего нашу жизнь. Я разумѣю революцію, которая какъ разъ теперь подошла.

Это было странное время. Что бы потомъ ни говорили, сколько горькаго ни осталось отъ нея, все-таки нѣкоторыхъ моментовъ нельзя забыть: были минуты, когда казалось, что надъ нашей жизнью встало нѣчто огромное, всенародное. Пусть за это расплачивались дорого. Можетъ быть, жизнь этимъ и красна.

Какъ и всѣ въ нашемъ обществѣ, мы съ Анетой попали въ полосу собраній, банкетовъ, возбужденія и „поддержанія“. Анета — дѣловито и умно, я — менѣ складно и больше въ тѣни. Анета доставала билеты, сажала меня на банкетахъ куда слѣдуетъ, сіяла своими черными умными глазами, покойно, всегда интересно вела разговоръ, и на сторонѣ собирала деньги; устраивала лекціи, вела знакомства въ нѣкоторомъ отношеніи предосудительныя — думаю, ее можно было назвать честнымъ диллетантомъ революціи.

Мой патронъ былъ членомъ крестьянскаго союза. Спустя нѣкоторое время я попалъ туда же, и особеннаго вліянія не имѣлъ, но разсматривался какъ близкій человѣкъ большаго человѣка. Раза два засѣданія происходили на моей квартирѣ (и тутъ Анета проявляла тактъ и солидную любезность). До извѣстной степени я самъ увлекался новыми дѣлами: вѣянье свободы, никогда невиданные раньше

люди, оттѣнокъ заговора, сладостное нервное напряженіе— все это внесло въ мою жизнь новыя краски — какъ-то приподняло и раздвинуло ее. И въ Анетѣ мнѣ нѣкоторыя черты стали дороже: то, что она всегда рядомъ со мной— такой добрый товарищъ, что она по временамъ такъ прекрасно блеститъ глазами и одушевляется мыслью о народѣ, справедливости, не задумываясь рискуетъ, выполняя какія-то порученія таинственныхъ людей, даетъ имъ пріютъ и поддержку. „Все это хорошо, — думалъ я, — пожалуй, даже очень хорошо“.

— Ну, а если бы тебя арестовали? — спросилъ я разъ, когда она вернулась откуда-то взволнованная, съ тѣмъ острымъ запахомъ молодости и крѣпости, который сильнѣе чувствуется въ минуты возбужденія.

— Я чуть не попалась, ты знаешь? Тамъ была засада, но я вывернулась, сказала, что къ сосѣдямъ.

И, смѣясь, она рассказывала объ избѣгнутой опасности, какъ здоровый охотникъ, сдѣлавшій счастливый выстрѣлъ.

— И сослали бы, что жъ подѣлать... — Ея взглядъ говорилъ: „Только бы съ тобой!“ Я ее крѣпко поцѣловалъ: ну, я бы ее не бросилъ.

Разумѣется, даромъ намъ это не прошло. Разъ позвалъ меня патронъ и сказалъ: „Плохо дѣло, Александръ Ивановичъ. На цугундеръ насъ съ вами. Вотъ вамъ паспортъ, я себѣ уже досталъ — и айда. Лучше Парижъ, чѣмъ тундры сѣвера-съ“. Я не былъ особенно удивленъ, но все же это было неожиданно. „Мѣшкать вамъ не совѣтую, какъ-нибудь проживемъ и въ Парижѣ“. Онъ прибавилъ, что насъ арестуютъ не сегодня-завтра. Я отправился домой, и рѣшили мы съ Анетой такъ, что я провожу ее съ Лизочкой въ Смоленекъ, къ сестрѣ, а самъ, не останавливаясь, махну въ Парижъ. Она же пріѣдетъ черезъ мѣсяць — ей почему-то не хотѣлось уѣзжать сразу.

Пятаго апрѣля мы тронулись, съ Брестскаго вокзала. Анета внѣшне была спокойна, но волновалась, я чувствовалъ. На меня тоже нашло раздумье. Поѣздъ шель мимо Ваганькова, мимо скачекъ, потомъ медленно поползъ къ Кунцеву среди широкихъ, развернувшихся равнинъ. Въ

Москвѣ блестяли кой-гдѣ стекла, талый снѣгъ синѣлъ по овражкамъ, а надъ Воробьевыми горами голубѣло небо чистое — такое милое и далекое весеннимъ вечеромъ! Я думалъ о томъ, что, вѣдь, это мой городъ и моя страна. Увижу ли я когда-нибудь эти равнины, осинки и березы, полуварварскую Москву, полуварварскій свой народъ? Я, самъ потомокъ скиѳовъ? Но, вѣдь, къ этой странѣ, къ этому народу я приросъ крѣпко; нечего стѣсняться, я люблю его любовью неистребимой, какъ любилъ своихъ стариковъ, чьи кости остались въ этой землѣ. Можетъ-быть, это глупо, но мнѣ захотѣлось вдругъ увезти съ собой горсточку этого бѣднаго суглинка.

Мы проѣхали благополучно. Я сдалъ Анету сестрѣ, а самъ отправился далѣе. Остановился я въ первый разъ въ Кельнѣ, и переночевалъ тамъ, такъ какъ очень усталъ. Все понравилось мнѣ въ этомъ городѣ: и узкія улицы, и старина, и соборъ, равнаго которому я никогда не видалъ, и ресторанъ съ витражами, гдѣ я пилъ рейнвейнъ, и самъ Рейнъ. Въ старонѣмецкихъ городахъ воспоминаешь охотно Тургенева, Асю, можетъ-быть, Гейне.

Помню, вечеромъ я сидѣлъ у себя на балконѣ. По Рейну бѣжали огоньки — пароходики; подъ гигантскимъ мостомъ онъ гудѣлъ глухо и внушительно. Вода лилась подъ его черные быки, какъ въ вѣчность, и такой же представилась мнѣ наша жизнь, въ частности моя, направленная чьей-то мощной рукой по новому руслу — и неизвѣстно куда мчащаяся. Здѣсь, среди древняго города, въ одиночествѣ, я могъ яснѣе, какъ мнѣ казалось, опѣнить ее и сказать о ней слово. Было ли хорошо, или плохо, что мое существованіе мѣняется? Я не зналъ. Но одно мнѣ чувствовалось: если бы не пришла революція, новое и жуткое, что было въ ней, я скоро сталъ бы задыхаться въ своей благоустроенной клѣткѣ. Такъ что, можетъ-быть, и хорошо, что въ Парижѣ меня ждетъ беспокойная жизнь, полная тревогъ, неожиданностей, тягостей. Что же, я буду политическимъ эмигрантомъ? Про себя я улыбнулся. Хорошо, я люблю свою страну, ея свободу, но политикъ ли я? Что я: членъ партіи, орудіе центральныхъ комитетовъ,

демагогъ? Но, вѣдь, это до смѣшного не такъ. „Что же тамъ будетъ?— думалъ я. — Чѣмъ я буду жить?“ Я такъ ничего и не надумалъ, а той теплой весенней ночью снова бродилъ по Кельну, слушалъ его смутный гулъ, вдыхалъ запахи — смѣсь легкой сигары съ овощами, или свѣжей листвы на бульварахъ, видѣлъ, какъ дробятся звѣзды въ блѣдномъ Рейнѣ и соборъ темнѣетъ.

Такъ, ни до чего не додумавшись, я уѣхалъ на другой день въ Парижъ — къ тому новому, чего никакъ не представлялъ себѣ заранѣе. Парижъ просто казался мнѣ туманнымъ гигантомъ, нѣсколько жуткимъ.

Но жуткаго въ немъ ничего не оказалось. Явилась Анета; подъ ея руководствомъ все сразу приняло нормальное теченіе, только на заграничный манеръ.

Анета устроила насъ въ улицѣ Vavin, близъ Люксембурга. Мы сняли небольшую квартиру, разумѣется, съ каминомъ и часами на немъ, съ огромной кроватью въ спальнѣ, съ жалюзи, узкой винтовой лѣстницей и Альфонсиной, которая смотрѣла на насъ сверху внизъ. Но Анета быстро прибрала ее къ рукамъ, и быть нашъ, къ великому удивленію прислуги, да и моему также, принялъ сразу французскій характеръ: за завтракомъ пили плохонькое вино, ѣли овощи и кусочекъ gigot de mouton; во-время обѣдали, ходили въ кафе, не пили даже почти чая, и только иногда земляки приходили и смущали Альфонсину: я же съ ними не сошелся.

Я, вѣдь, оказался въ Парижѣ въ видѣ политическаго изгнанника. Какъ въ Москвѣ нѣкогда у насъ бывали либералы, такъ теперь появились эсъ-эры, эсъ-де и синдикалисты, послѣднее слово революціонной техники.

Такъ какъ я ни къ кому не примкнулъ, то на меня скоро перестали обращать вниманіе и адресовались больше къ Анетѣ: я просто недалекій мужъ, съ которымъ нечего церемониться. Да они были и правы: вѣрно — меня мало занимали ихъ партійные распри. Дастъ ли Богъ побѣду меньшевикамъ, большевикамъ или отзовистамъ, меня мало интересовало. Я слѣдилъ за Россіей, болѣлъ за бѣдный свой народъ, бѣдную страну, о которой судили здѣсь

вкривь и вкось, съ преувеличеніями, ходульными словами, часто свысока и рѣдко съ любовью — и свое положеніе оцѣнивалъ такъ: родину я не предамъ нигдѣ, ни подъ какимъ небомъ не забуду я русскихъ полей, перелѣсковъ, Москвы, взгляда русской женщины. Но, вѣдь, надо сознаться, что здѣсь я только потерпѣвшій аварію, и сколько ни тоскуй, я не внесу свѣта и радости въ свой далекій край. Можетъ-быть, меня захватило уныніе, всегда слѣдующее за неудачами, можетъ-быть, во мнѣ никогда не было борца — я не знаю, но чувствовалъ я такъ.

Между тѣмъ, мой патронъ и здѣсь поставилъ свою работу на твердую почву. Мы открыли въ Парижѣ бюро, какъ бы консулѣціонно-адвокатское, и дѣла наши пошли недурно. Клиенты у насъ были и изъ русскихъ, и французы. Всѣхъ мы обслуживали по возможности тщательно; работать приходилось довольно. Но все-таки у меня было время, и интересъ былъ къ Парижу, къ чужой жизни.

Какъ и многимъ — Парижъ показался мнѣ лучше его обитателей. Есть величіе въ этомъ сухощавомъ, трудовомъ и очень мужественномъ городѣ. Онъ — для людей крѣпкихъ и немечтательныхъ, но онъ имѣетъ свое, ни на что непохожее. Есть въ немъ площади мірового значенія, есть мѣста, гдѣ можно чувствовать Революцію, Наполеона; есть священныя мансарды — кельи Руссо и Бальзаковъ.

Весь же складъ и духъ жизни тутъ суровѣе, пустѣе, чѣмъ у насъ. Здѣсь абсолютно всѣ знаютъ, чего хотятъ — хотятъ осуществимаго и средняго, и добиваются его, при трудѣ и усердіи. Власть, деньги, наслажденія опредѣляютъ здѣшнюю жизнь съ черствостью, которой не знаемъ мы. Потому мы тутъ всегда въ загонѣ и всегда побѣжденные. Потому, съ другой стороны, намъ дышать здѣсь не легко. Чтобы быть принятымъ гениемъ здѣшней жизни, надо съ молодыхъ лѣтъ назначить себѣ размѣръ ренты, которую хочешь получать къ старости: и на этомъ построить бытіе.

У меня было такое чувство, что и политики, и ученые, и рабочіе, и купцы — всѣ живутъ такъ. Не такова, конечно, русская эмиграція, но въ ней все же мало интереснаго и много горькаго. Такъ что ни тѣ, ни другіе не мо-

гутъ дать образца жизни. А между тѣмъ, мнѣ, надѣявшемуся, что новое пахнетъ освѣжающе, тяжело было видѣть что все и вокругъ, да и у насъ какъ-то ниже уровня послѣднихъ мѣсяцевъ въ Россіи. При этомъ меня удивляла Анета. Какъ нравилось ей въ Россіи маршировать въ ногу съ революціей, такъ тутъ она легко вошла въ эту чужую жизнь — гдѣ тоже, конечно, были страшныя слова, синдикалисты и эсъ-эры, но уже все совершенно безопасное, безвредное и прѣсное. Здѣсь не было воодушевленія. Да мнѣ казалось, что и не къ этому, въ концѣ-концовъ, лежитъ ея сердце, — а къ вліянію, къ желанію имѣть въ хорошей квартирѣ хорошее (съ именами) общество радикальной окраски. Это, вѣдь, тоже цѣль, тоже такая достижимая цѣль! И мнѣ почему-то стало представляться, что хорошо бы Анетѣ быть замужемъ не за мною, а за какимъ-нибудь пріятнымъ французомъ демократическаго толка, который бы служилъ въ министерствѣ общественныхъ работъ и надѣялся подъ старость получить директора департамента. Но все это — непременно съ хорошими словами и пользой для народа. Я увѣренъ, что Анета была бы ему отличной помощницей. Она устроила бы салонъ разъ въ десять шикарнѣе нашего.

Такимъ образомъ, чѣмъ дальше шла наша жизнь, тѣмъ менѣе она мнѣ нравилась. И къ концу года, проведеннаго въ Парижѣ, я сталъ замѣчать въ себѣ мысли, раньше не приходившія мнѣ. Я сталъ задумываться надъ тѣмъ, что всегда беспокоило людей и будетъ вѣчно ихъ беспокоить: такъ ли я жилъ и живу, какъ надо, а если не такъ, то какъ именно долженъ жить.

Мои разсужденія приблизительно таковы: я уже въ зрѣломъ возрастѣ, я мужъ, отецъ, членъ общества. Но что собственно я сдѣлалъ? Я любилъ, когда былъ молодъ, это во мнѣ естественное дѣйствіе силъ природы; у меня есть дочь, результатъ дѣйствія этихъ силъ. Есть дѣло, которое я дѣлаю потому, что среди людей моего общества считалось приличнымъ, чтобы я выбралъ интеллигентный и либеральный видъ труда. Но, вѣдь, я его не люблю, надо сознаться. Неужели свою жизнь, половина которой уже

прошла, я употребляю на добываніе денегъ, комфорта, извѣстности, что ли? Неужели послѣ *rive Droite* будетъ *rive droite*, „приличная“ жизнь, двуспальныя постели, хорошее вино, дородность... изъ-за чего же тогда стоило хлопотать?

Не скрою, что мнѣ хотѣлось чего-то большаго, выскокаго — быть можетъ, творчества, или служенія цѣностямъ, какъ говорятъ люди умные, стоящимъ надъ жизнью. Но я не имѣлъ никакого Божьяго дара, могъ только завидовать (единственно, кому я завидовалъ въ Парижѣ) тѣмъ художникамъ, философамъ, писателямъ, которые тоже знаютъ свой путь, но путь которыхъ — безконеченъ, и тѣ, кто идетъ по немъ, подобны крестоносцамъ.

Помню, что случайно, размышляя въ этомъ настроеніи, я раскрылъ старенькое Евангеліе, сохранившееся у меня съ дѣтскихъ лѣтъ, и прочелъ; „Ибо я пришелъ раздѣлить челоуѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги челоуѣку домашніе его“. Эти слова поразили меня. Мнѣ показалось, что они направлены прямо противъ Анеты и Лизочки. И хотя я зналъ ихъ глубокую правдивость вообще, въ примѣненіи къ данному они показались мнѣ чрезмѣрно суровыми. „Чѣмъ же Лизочка-то виновата“, думалъ я, глядя, какъ она, подростшая и слегка офранцуженная, скачетъ въ Люксембургскомъ саду, ловитъ *diabolo*, играетъ въ мячъ. „Вся тяжесть лежитъ на насъ съ Анетой, а она просто милое дитя, птичка“. И я бралъ ее подъ мышки, щекоталъ, подымалъ вверхъ, на забаву ея французскимъ друзьямъ. Потомъ мы ходили къ фонтану кормить рыбокъ. Рыбки, такія жъ маленькія, какъ она сама, сбивались къ намъ кучей, а она бросала имъ корочки, бормотала: „*tiens, les poissons qui mangent*“. Иногда мы садились на верхушку omnibusа у Одеона и ѣздили кататься по Парижу. Лизочка прижималась ко мнѣ, точно жутко ей было среди этихъ тысячъ людей, фіакровъ, автобусовъ, мчавшихся во всѣ стороны — но и занятно движеніе необычайнаго города. На *rive droite* я покупалъ ей конфекты — такъ ужъ это было заведено — и назадъ мы катили по метро — тоже нѣчто, заставлявшее Лизочку обмирать. Но когда пролетали надъ

Сеной, она восторженно всматривалась въ Эйфелеву башню: тамъ я почувствовалъ, до какой степени въ духѣ дѣтей эта башня.

Между тѣмъ, Анета, какъ мнѣ казалось, стала замѣчать, что не все ладно въ нашей жизни, т.-е. вѣрнѣе — въ моей. Нѣсколько разъ даже спрашивала она: „что съ тобой, Александръ?“ Я не очень былъ расположенъ говорить, да и тѣмъ положеніе мое было неудобно, что я не умѣлъ выразить въ точной формѣ предмета своего недовольства. Анета же любила точность. Въ концѣ одного нашего разговора она вдругъ вспыхнула и сказала: „ну, да, понимаю... ты просто разлюбилъ меня“. Это было невѣрно, нескладно, и по-женски, но разъ она додумалась до такой вещи, сбить ее почти нельзя было. Тутъ я почувствовалъ, что намъ нанесенъ сильный ударъ. „Я понимаю, — говорила Анета, и глаза ея блестѣли поновому, какъ-то холодно, чуждо, — тебѣ просто со мной не интересно, потому ты уходишь куда-то, потому ты измѣнился“. Я старался ее разубѣдить, но она замыкалась, твердила: „оставь“ — съ такимъ видомъ, что вся моя энергія падала. Разъ, вернувшись откуда-то, я засталъ ее лежащей на диванѣ, головой въ подушку. Я присѣлъ къ ней и хотѣлъ поцѣловать въ шею, какъ дѣлалъ нѣкогда женихомъ, но она вскочила — глаза ее были заплаканы и прекрасны, — молнія блеснула въ нихъ; она крикнула:

— Уйди! Все пропало! Я тебя тоже не люблю. Все пропало, все, все!

Она побѣжала къ себѣ въ комнату и заперлась. Вечеромъ прислала мнѣ письмо, гдѣ было больше печали и чувства, чѣмъ я склоненъ былъ ожидать. Она писала, что давно уже, почти со времени рожденія Лизочки, стала замѣчать во мнѣ перемѣну, — очевидно она прискучила и не можетъ дать той жизни, которая мнѣ нужна. Въ виду этого она предоставляетъ мнѣ свободу дѣйствій, и *если я, быть-можетъ, кого-нибудь люблю*, чтобы я сказалъ прямо: мы разойдемся. Ночь мы оба почти не спали. А на утро было объясненіе, убѣдившее Анету, что я никого кромѣ нея не люблю и не любилъ. Но полного мира оно не

дало, ибо остались у насъ какіе-то рифы, темные и опасные пункты, къ которымъ оба мы не рѣшались приблизиться.

Началась жизнь, которая была, конечно, хуже прежней, такъ какъ ушло изъ нея всякое тепло и ласка. Анета видимо тяготилась домомъ и искала случая уйти куда-нибудь, и какъ можно на дольше. Появилось у насъ нѣкоторое запустѣніе, чего раньше не было. Анета не интересовалась даже Лизочкой, и та приходила дѣлиться школьными радостями ко мнѣ: за диктовку она получила четыре, а за „держаніе“ — такъ она называла поведение — пять.

— Отчего нѣтъ мамы? — спрашивала она.

— Мама въ русской колоніи. Тамъ сегодня вечеръ.

— А ты почему не въ русской колоніи?

Я не могъ объяснить ей, что дѣло не въ русской колоніи, а что мама тоскуетъ, да и отецъ тоже. И, уложивъ ее спать, я сѣлся и ждалъ Анету.

Снова и снова задавалъ я себѣ вопросъ: что же, какъ же? Устраивается ли моя жизнь, или разрушается? Что она начала разрушаться—это я видѣлъ на каждомъ шагу. Что выйдетъ изъ этого — не могъ предвидѣть, и помню что меня тянуло въ такіе вечера къ Евангелію. О, какая это странная книга! Я никогда не былъ мистикомъ, а Евангеліе цѣнилъ какъ-то холодновато: можетъ-быть, оно слишкомъ было затемнено еще со школьныхъ временъ. Но теперь, когда я перечитывалъ давно забытыя, удивительныя слова, мнѣ вдругъ стало казаться, что это, правда, сверхъестественное писаніе. Я читалъ когда-то діалоги Платона, и Сократъ, къ которому душа моя никогда особенно не лежала, былъ мнѣ весь виденъ, весь ясенъ, какъ и его ученикъ; ясны были и величайшіе поэты — Гете, Данте. Кто же собственно Христосъ? Этого я не вмѣщала. Я только чувствовалъ, что сердце мое открывается необычайному сіянію Евангелія — вѣроятно, вѣчному сіянію — покорявшему миллионы — быть можетъ, именно тогда, когда начинали они терять истинный жизненный путь. Ибо за всѣмъ грохотомъ культуръ, войнъ, переворотовъ и цивилизацій есть еще малая вещь — человѣческое сердце, которое ищетъ незыблемаго всегда, сколько

бы ни опьяняли его успѣхи и движеніе жизни. Такой вѣчно-живой водой представлялось мнѣ Евангеліе. Если оно не указывало точнаго пути (или я не умѣлъ опредѣлить его), то, во всякомъ случаѣ, подымало и возвышало необыкновенно. И утѣшало.

Возвращалась Анета, цѣловала меня на ночь и уходила къ себѣ. Я зналъ, что ночами она плохо спитъ. Видимо, тяжелыя чувства мучили ее часто; и помочь ей было трудно. Иногда она глядѣла на меня, разговаривала будто и ласково, но думая о другомъ, и помню, разъ среди пустого разговора вдругъ болѣзненно сморщилась и сказала:

— Ты самъ это началъ. Ты, ты. Я всегда была тебѣ вѣрной женой. — И расплакалась.

Тогда я сталъ догадываться кой о чемъ такомъ, чего раньше не подозрѣвалъ.

Именно, я замѣтилъ, что Анета исчезаетъ слишкомъ часто. Странно, почему она пристрастилась къ русской библиотекѣ, которую раньше не любила, и почему пересталъ бывать у насъ Берто, французъ, синдикалистъ, съ великолѣпной бородой, какъ у Жореса.

Я началъ наблюдать съ этой новой позиціи и скоро убѣдился, что, дѣйствительно, это такъ. Несомнѣнно, у Анеты, быть-можетъ, подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, завязался романъ. Какъ я отнесся къ этому? Вотъ вопросъ! Конечно, я самъ способствовалъ его возникновенію; вѣрно и то, что во многомъ я относился къ Анетѣ критически и, пожалуй, иронически. И все-таки мнѣ было тяжело. Какою бы она ни была и какимъ бы я ни былъ, все же въ прошломъ у насъ любовь, годы прожитые вмѣстѣ и та неопредѣленная, темная симпатія, которую скрѣпляютъ тысячи мелочей, вмѣстѣ пережитыхъ.

Ближайшимъ лѣтомъ мы съ Анетой, какъ всегда, собирались на океанъ. Это должно было произойти въ іюнь, а въ маѣ пріѣхала Машура съ мужемъ, московскимъ доцентомъ. Она чуть располнѣла, стала крѣпче и имѣла видъ женщины. Мнѣ она напомнила перемѣну, какая произошла съ Анетой послѣ замужества. Даже тотъ тонъ появился,—

какъ бы все знающій и солидный. Но все же она была очень мила, черные глаза ея были такъ же огромны и прекрасны. Часто онѣ запирались съ Анетой, и пока доцентъ сидѣлъ въ библиотекѣ, вели разговоры — я догадывался о чемъ. Иногда мы гуляли вмѣстѣ по Парижу, я показывалъ ей кое-что, и чувствовалъ, что однажды у насъ произойдетъ разговоръ. Я не ошибся. Это случилось въ Луврѣ, когда послѣ долгихъ скитаній мы сѣли на диванчикъ въ какой-то пустынной залѣ. Машура начала съ того, что она давно чувствуетъ, что между нами неладно. Я согласился. „Ты долженъ простить Анету“. Вѣки ея задрожали. Мнѣ показалось, что сейчасъ она заплачетъ. „Позволь, за что прощать?“ Тогда, путаясь, она стала объяснять то, что я уже зналъ, т.-е. о синдикалистѣ, — доказывая что это пустякъ, увлеченіе въ пику мнѣ, что, можетъ-быть, я и самъ виноватъ больше, чѣмъ думаю, что я забросилъ Анету, и пр.

Я смотрѣлъ на ея милое лицо; я понималъ, что мы говоримъ о разномъ, и врядъ ли поймемъ другъ друга; и думалъ, что вѣрно и этимъ чернымъ глазамъ придется пережить подобное. „Отчего ты не хочешь подойти ближе, согрѣть ее? Развѣ ты не видишь, какъ она страдаетъ? Вѣдь, я не узнала васъ обоихъ! — Она вздохнула. — Ахъ, думала ли я, когда вы уѣзжали изъ Москвы, что такъ все будетъ?“ — „Милая Машура, я самъ тогда ничего не думалъ и мало что зналъ. Но ты ошибаешься, полагая, что виноватъ синдикалистъ“. Я чуть не сказалъ ей, что я наканунѣ полной ломки своей жизни, что Анета и семья — лишь часть этой перемѣны, и что мое изгнаніе изъ общества и жизни, которую я до сихъ поръ велъ — не ограничено изгнаніемъ изъ Россіи, а пойдетъ дальше, что прахъ и суета достаточно уже владѣли мною. Но я все-таки этого не сказалъ. Можетъ-быть, оттого, что это было еще слишкомъ хрупкой моей мыслью, я не могъ бы точно отвѣтить, что именно собираюсь сдѣлать: но что нельзя жить попрежнему, — было ясно.

Итакъ, разговоръ не пришелъ ни къ чему. Все осталось по старому, такъ же неясно и запутано; но теперь и

Машура оказалась втянутой въ нашу исторію. Возможно — потому она и измѣнила намѣреніе ѣхать съ мужемъ въ Россію, а рѣшила жить съ нами у океана.

Не долженъ ли я сказать, что изъ всѣхъ періодовъ моей жизни эти два мѣсяца въ Сулакѣ были самыми странными? Должно быть — такъ. Они были мѣсяцами прощанія, перелома. Когда жизненная полоса изжита, начинается другая — человѣку и радостно, и горько. Онъ приподнять, въ туманѣ, и нѣсколько экзальтированъ. Кажется, что сейчасъ онъ сдѣлаетъ удивительный шагъ, но и въ прежнемъ есть вещи, съ которыми тяжело разставаться.

Я помню нашу сѣрую дачу, зеленія волны океана — такія широкія, покойныя волны, отражавшія вѣчность, — и упругій вѣтеръ. Нигдѣ нѣтъ такого вѣтра! Помню лѣтнія платья Анеты, Машуры, Машурины глаза, ставшіе еще темнѣе и печальнѣе, Лизочку на морскомъ берегу, даже синдикалиста въ бѣлыхъ штанахъ — все это сохранилось въ моей памяти. Одинокія прогулки далеко за Сулакѣ, по берегу, тамъ можно было часами дремать на пескѣ, слушая океанъ, глядя, какъ бѣгутъ безбрежныя облака. Тамъ я испыталъ то удаленіе отъ людей и жизни, какъ бы возвращеніе къ первоистоку, которое, вѣроятно, знали пустынноики и основатели монастырей. Здѣсь не чувствовалъ я, что я адвокатъ, членъ общества и человѣкъ, одѣтый соотвѣтственно модѣ; пользуясь словами святого Франциска, я могъ бы сказать: мой братъ — океанъ, милыя мои сестры — облака, травы, водоросли. Здѣсь я такъ же былъ нагъ и душевно простъ, какъ дѣти, рыбы, бабочки.

Иногда я читалъ вслухъ Евангеліе. Какъ подходитъ эта книга къ безлюдному океану, къ солнцу, жегшему мнѣ спину! Напримѣръ, сказано, что когда Христось проходилъ близъ моря Галилейскаго, то увидѣлъ двухъ братьевъ; они закидывали сѣти — быть-можетъ, какъ вонъ тѣ рыбаки, что тянутъ канатъ. Онъ сказалъ: „идите за Мною, Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“. Они оставили сѣти, жизнь, промыселъ, друзей и ближнихъ и навсегда ушли съ Нимъ. Какъ просто и какъ удивительно! Уви-

дѣли, услышали — и ушли. А Іоаннъ и Іаковъ, съ отцомъ ихъ Зеведеемъ, *починяли* сѣти и тоже на Его зовъ ушли. Что это были за люди? Какъ они чувствовали? Этого я раньше никогда не понималъ. Но теперь мнѣ, малому чело-
вѣку, которому неловко даже говорить о себѣ, мнѣ ка-
залось, что если бы я услышалъ такой голосъ, то — по-
чемъ знать? — можетъ, и я бы ушелъ, позабывъ о па-
тронѣ, Парижѣ, Анетѣ, Лизочкѣ. Но ко мнѣ никто не при-
ходилъ, и я опредѣленно не зналъ, во имя чего ухожу.
Потому что не былъ ни социалистомъ, ни анархистомъ, ни
христианиномъ, и только жаждалъ быть чѣмъ-то.

Что же касается Анеты, то Машурины надежды не оправдались; видимо, привязанность ея къ синдикалисту крѣпла. Я этому не удивлялся: чело-
вѣку, а особенно жен-
щинѣ, жить не прилѣпившись трудно, и когда началось
мое удаленіе изъ ея сердца, оно должно было отдаться
другому. Встрѣчая ее въ своемъ домѣ, за столомъ, иногда
на пляжѣ, у кабинокъ, съ Лизочкой, я смотрѣлъ на нее
какъ на добрую знакомую, съ которой нѣкогда былъ
очень близокъ. Только минутами просыпалось бывшее, она
напоминала мнѣ Москву, мою первую, все же яркую и
искреннюю любовь, стариковъ, благословлявшихъ нашъ
бракъ — тогда я старался уйти подальше, къ холмамъ,
откуда были видны дюны и далекіе паруса рыбацкихъ
лодокъ.

Однажды — это было въ концѣ іюля, — я ужиналъ,
вечеромъ въ ресторанѣ, одинъ, довольно поздно. Потомъ
ушелъ гулять; и у меня было такое чувство, будто я не
скоро вернусь. Да и дома въ этотъ день все имѣло ка-
кой-то странный видъ: Анета была возбужденнѣй, что-то
хлопотала, перекладывала наспѣхъ вещи.

Какъ всегда, я шелъ берегомъ моря. Выдалась рѣд-
кая ночь: такъ было тихо. Закатъ угасъ уже, звѣзды
вышли своими легіонами смѣло, и казалось, имъ какъ-то
радостнѣй сіять надъ такимъ тихимъ воднымъ зеркаломъ.
Я шелъ не мало, до одного своего любимаго мѣста: огром-
наго камня, такъ заросшаго мохомъ, что на немъ можно
было лежать какъ въ постели. Я такъ и сдѣлалъ. Рядомъ

со мной былъ мой океанъ, чуть шипѣвшій по песку: можетъ-быть, лишь мое ухо и слышало, какъ лопались его пузырьки. Думалъ я о жизни, океанѣ и Евангеліи, которое читалъ сегодня утромъ. Мой взоръ остановился на медузѣ, принесенной къ берегу, видной при свѣтѣ звѣздъ; иногда любовался свѣченіемъ, фосфоресценціей. Незамѣтно я заснулъ. Сколько спалъ, не знаю, но проснулся внезапно — и сѣлъ: мнѣ казалось, что кто-то есть рядомъ. Взглянувъ направо, увидѣлъ я свѣтлую фигуру, задумчиво двигавшуюся по берегу; что это было, я не могъ понять. Призракъ, галлюцинація? Потомъ такъ же медленно незнакомый сталъ удаляться, — прямо по поверхности океана, съ тѣмъ же задумчиво покойнымъ видомъ. Помню, мнѣ не было страшно, и я не задалъ себѣ даже вопроса, кто это? зачѣмъ? почему? Занимался разсвѣтъ, тонкій паръ дымился надъ водой, и далеко, сквозь его легкую пелену, виднѣлся зеленый огонь пассажирскаго парохода. Я всталъ и отправился домой. Мнѣ хотѣлось пѣть какой-то псаломъ, или божественный стихъ — читать вслухъ строки Евангелія.

У балкона меня встѣтила Машура. По ея виду я понималъ, что случилось нѣчто особенное. Я угадалъ. Запинаясь и волнуясь сообщила она мнѣ, что этой ночью уѣхала Анета съ Лизочкой.

Конечно, такъ это и должно было быть. Въ короткой запискѣ она писала, что не можетъ больше выносить такой жизни, любить Берто и ко мнѣ не вернется. Надѣется, что Лизочка не станетъ предметомъ раздоровъ; жить она будетъ у нея, но если захочу, я въ любое время могу видѣть дочь. Прилагался адресъ: Парижъ и т. д.

Разумѣется, мнѣ не было весело. Особенно жаль стало Лизочку, т. е. жаль, что ея нѣтъ со мной, и не будетъ. Будетъ ли она помнить обо мнѣ, или забудетъ черезъ нѣсколько дней, и совсѣмъ офранцузится въ рукахъ г. Берто? Вѣрнѣе — послѣднее. Слишкомъ она еще веселая звѣрушка, живущая мгновеньемъ. А можетъ-быть, даже хорошо, что она именно такая. Несомнѣнно, жить ей будетъ легче.

Къ вечеру, несмотря на старанія Машуры, меня охватила тоска. Я старался бороться; внушать себѣ, что нельзя

же малодушничать съ первыхъ шаговъ. Это не помогало — и въ результатъ я рѣшилъ уѣхать съ этого океана: все здѣсь стало для меня чужимъ, ненужнымъ. Я распродался съ Машурой, тронувшейся въ Россію, и переселился въ Парижъ.

Не стану описывать зимы, проведенной въ Парижѣ въ одиночествѣ. Скажу только, что этотъ странный городъ далъ мнѣ гораздо больше крѣпости и душевныхъ силъ, чѣмъ я предполагалъ, и то время я прожилъ въ иномъ самочувствіи, чѣмъ раньше. До весны я работалъ еще у патрона, но уже зналъ, что это дѣло — конченное: меня занимало другое. Я снова читалъ Евангеліе; и вмѣстѣ съ росшимъ чувствомъ ко Христу я сталъ раздумывать о томъ, какъ направить свою жизнь туда, куда хотѣлось бы. Несомненно — живи я лѣтъ пятьсотъ назадъ, я бы ушелъ въ монастырь. Но сейчасъ въ монастырь не хотѣлось, и вообще я не зналъ какъ быть.

Знаю одно: эту зиму я жилъ тверже, достойнѣе, хотя часто меня посѣщали сомнѣнія. Они состояли въ томъ, что все-таки я не настоящій христіанинъ, и вообще у меня нѣтъ незыблемыхъ вѣрованій, служенію которымъ я посвятилъ бы жизнь. Я рассуждалъ: хорошо, сейчасъ тебѣ кажется, что жизнь въ міру плоха и тяжела. Но ты можешь полюбить, встрѣтить подругу, которая дастъ тебѣ больше, чѣмъ Анета. Устанешь къ извѣстному возрасту, будешь страдать отъ бѣдности, которая теперь предстоитъ. Да и мало ли что вообще можетъ произойти? Что будетъ, если захочется вернуться, но уже тщетно?

Всѣ эти размышленія правильны, и всѣ они — отголоски прежней жизни и прежняго челоуѣка во мнѣ. Въ концѣ я рѣшилъ такъ: пусть, что будетъ, то будетъ. Въ маѣ я отказываюсь у патрона, ѣду въ Провансъ и Италію, а оттуда — въ Россію. Пускай меня арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму, я отбуду наказаніе и поступлю туда, куда склонится мое сердце: вѣрнѣе всего — просто въ незамѣтные одинокіе люди, великое преимущество которыхъ: свобода отъ *всѣхъ* и отъ *всего*,

Такъ оно и вышло. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ

Анетѣ. Меня встрѣтила красивая дама французскаго вида — и въ первый моментъ будто не узнала меня. Потомъ въ лицѣ у ней что-то дрогнуло, но она быстро овладѣла собой, и мы разговаривали какъ добрые знакомые; она, глядя на меня и спрашивая о планахъ, видѣ имѣла серьезный и соболѣзнуюющій: видимо, я казался слегка „тронутымъ.“ Я же улыбался. Мнѣ казалось, что съ этимъ синдикалистомъ Анета обрѣла, наконецъ, себя, и дальнѣйшая ея жизнь представлялась такой ясной, прочной и пріятной. О, несомнѣнно, и квартира, и порядокъ здѣсь безконечно выше, чѣмъ у насъ — впереди всему этому предстоитъ еще расти. Анета будетъ вѣрной женой, хозяйкой, синдикалисткой и доброй матерью; хотя возможно — синдикалистскаго ребенка сейчасъ у ней и не будетъ. Онъ появится года черезъ три, когда позволятъ обстоятельства.

Теперь всѣ мои дѣла, все, что привязывало къ старой жизни, было кончено. Скоро пепелище мое зарастетъ новой травой, новые люди будутъ окружать мою дочь и изглаждать воспоминаніе о какомъ-то отцѣ, русскомъ. Во всемъ своя сила, свой законъ.

Когда черезъ два дня я выѣзжалъ утромъ изъ Парижа, было солнечно, блистательная весна. За городомъ развернулись поля, тонувшія въ свѣтѣ, и въ окно пахнуло вѣтромъ, ширью; я смотрѣлъ на болтавшихъ въ нашемъ отдѣленіи солдатъ и торговокъ, на этотъ веселый и крѣпкій простой народъ, который теперь будетъ мнѣ ближе, — чувство простора и радости наполнило меня. Точно міръ раздвинулся и я вдохнулъ его истинный ароматъ. Стараясь сдѣлать это незамѣтно, я открылъ маленькое Евангеліе на одномъ изъ любимыхъ мѣстъ; „Ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь и немногіе находятъ его.“ Нашелъ ли я его? Этого я не могъ сказать, но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ, я поступилъ правильно, принявъ свой исходъ — сколь бы онъ ни казался страннымъ и нелѣпымъ Анетѣ, патрону и другимъ. Что же дальше — увидимъ; что Богъ пошлетъ.

Москва.
1910 г.

Мать и Катя.

I.

Хотя былъ уже май и сезонъ какъ будто кончался, однако, въ передней небольшого ресторана было шумно, и все еще подходили.

— Бобка, Бобка, не найдемъ мы мѣста, опять придется уѣзжать, — бормотала Мать, слѣзая съ извозчика.

Другъ ея сердца Бобка, крѣпкій блондинъ, частный повѣренный, буркнулъ:

— Для насъ найдутъ.

Счастливой чертой Бобкина характера было то, что онъ всегда и съ неотразимостью вѣрилъ: въ свою красоту, въ успѣхи у женщинъ, въ будущее богатство и въ присущую способность внушать уваженіе, боязнь.

И теперь, когда Мать и сестра ея, курсистка Катя, снимали кофточки въ передней, а Бобка, оправивъ усы и волосы передъ зеркаломъ, вошелъ въ ресторанъ, низколобый метръ-д'отель сразу же устроилъ его вблизи оркестра, у пальмъ, какъ знакомаго. Бобка сѣлъ солидно, оглянулся, какъ бы оцѣнивая порядочность окружающаго — и попросилъ карточку. Онъ, дѣйствительно, бывалъ тутъ нерѣдко. Ему нравилось, что въ этомъ ресторанчикѣ недорого, но, какъ онъ полагалъ, „шикарно“. Шикарность состояла въ томъ, что было много зеркалъ, поддѣлки подъ красное дерево, что пошло былъ расписанъ потолокъ и

видимо имитировали Вѣну. Злые люди утверждали, что ресторанный содержатъ австрійскіе шпіоны.

Войдя, Мать и Катя не сразу нашли Бобку. Но онъ внушительно подалъ рукой знакъ; повторять его не сталъ, — онѣ и такъ должны были его замѣтить.

Матери тридцать съ небольшимъ. Она фельдшерица, довольно полная и миловидная, со здоровымъ загаромъ, мелкими чертами лица. Если взять ее за щеки и сдавить, получится похоже на кота. Она дѣлаетъ это себѣ когда бываетъ въ духѣ. Ее называетъ Матерью Катя за то, что та ее пѣствуетъ, охраняетъ ея молодость, помогаетъ учиться. За мощность сложенія и нѣкую лѣнь зовутъ ее и Ильей.

Катя худошавая, съ простымъ русскимъ лицомъ, пріятными глазами.

Нынче она какъ-разъ не очень въ духѣ. Когда Бобка явился къ сестрѣ, (онѣ жили вмѣстѣ), Катя не хотѣла даже ѣхать, но онъ настоялъ. Бобкѣ Катя отчасти нравилась, и онъ считалъ, что, значить, и онъ ей интересень.

Катя съѣла.

— Ты бы ужъ свелъ въ настоящій ресторанъ. — А то здѣсь ужасно душно!

Бобка поправилъ перстень на пальцѣ.

— Тутъ солидная публика. И притомъ, меня всѣ знаютъ. Даютъ лучшій столъ, быстро служатъ. — Евстафій — ну-ка, отецъ родной, водочки тамъ, закусона.

Мать оглянулась и слегка приснула въ салфетку. „Нашель солидную публику!“

— Бобка, гдѣ ты выучился говорить: отецъ родной?

— Выучился! Обыкновенныя дворянскія слова.

Мать сжала себѣ руками щеки, стала похожа на кота, и опять фыркнула. „Съ Мѣщанской улицы дворянчикъ!“ Смѣющимся глазами она смотрѣла на Бобку, на его красивое, грубоватое лицо, потомъ опустила руки и стала серьезнѣй. „Если съ Акимовой сойдется, отравлюсь, отравлюсь,“ промелькнуло у нея въ мозгу. „Жаль Катюху, все равно. Морфію приму.“

Она выпила рюмку водки, потомъ другую. Стало теплѣе и веселѣй. Представилось, что все это чушь, вы-

думки. Мало ли что? И она въ Прагѣ ужинала со знакомымъ, а ему не сказала — онъ ревнивъ. Была — и ничего больше. Можетъ, и онъ также: только хвостъ распуcaетъ.

И оглянувшись, встрѣтивъ взгляды двухъ веселыхъ студентовъ, Мать даже ласково блеснула имъ глазами — знай, молъ, нашихъ.

Бобка быстро подмѣтилъ и надулся.

— Если, ты будешь переглядываться съ сосѣдями, я уйду.

— Врешь ты, Бобка, ни съ кѣмъ я не переглядываюсь.

Бобка хотѣлъ было разсердиться, показать свою значительность, но отвлекся двумя вошедшими. Одинъ былъ блондинъ, высокій съ маленькой головой, въ свѣтломъ шелковомъ галстукѣ и сѣро-зеленомъ костюмѣ. Другой — молодой человекъ въ пенсѣ, худой, нѣсколько разсѣянный; онъ слегка подергивалъ шеей, былъ одѣтъ альпійскимъ туристомъ. Нѣчто заграничное чувствовалось въ его обликѣ.

— А, чортъ, — Бобка вдругъ оживился: — да это Колгушинъ, съ нимъ не знаю кто. Какъ это сюда попалъ?

Услышавъ свою фамилію, высокій блондинъ обернулся, ослабился и просіялъ. На носу его блестяла капелька пота.

— Борисъ Михайловичъ! Скажите, какъ неожиданно? А мы, знаете, никакъ мѣстечка найти не можемъ.

— Милости прошу, къ намъ, мнѣ здѣсь всегда даютъ хорошій столъ. Усядемся.

Колгушинъ замаялся, и обернулся на товарища. Тотъ лѣниво разсматривалъ ресторанъ. Казалось, ему все равно: здѣсь ли садиться, или совсѣмъ уйти.

— Если дамы разрѣшать...

— Садитесь, — кивнула Мать. — Требуйте стулъ.

— Прошу позволенія представить — это сосѣдь мой по имѣнію, ближайшій сосѣдь. Константинъ Сергѣичъ Пануринъ. Да. Ближайшій сосѣдь.

Бобка познакомился съ Пануринымъ, познакомилъ по-

дошедшихъ съ дамами. Колгушинъ сѣлъ съ Матерью, Константинъ Сергѣичъ съ Катей. Колгушинъ счелъ, что дамъ слѣдуетъ занимать.

— Мы съ Борисомъ Михайлычемъ порядочно давно знакомы, — говорилъ онъ Матери. — Еще съ того времени, какъ они мой гражданскій процессикъ вели. Но рѣдко приходится встрѣчаться. Я больше у себя въ деревнѣ хозяйничаю, а они тутъ. Да. Случайно встрѣтишься.

Мать смотрѣла на него покойно, даже привѣтливо, но про себя думала: „Ну и чортъ съ тобой, что случайно. Мнѣ все равно“.

Катинъ сосѣдъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Онъ сидѣлъ, зѣвалъ, иногда подергивалъ глазами.

— Вы не знаете, — обратился онъ неожиданно тонкомъ человѣка, спрашивающаго на вокзалѣ о поѣздѣ, — здѣсь очень скверно ко-ормятъ?

Онъ заикнулся, и у него смѣшно прыгнули при этомъ брови. Катя весело отвѣтила:

— Неважно.

Пануринъ вздохнулъ и сталъ печальнѣе.

— Такъ я и зналъ.

Катя не безъ любопытства глядѣла на него.

Пануринъ снялъ пенснэ, потеръ носъ и добро усмѣхнулся.

— Меня заграницей замучили. Ч-чортъ знаетъ чѣмъ кормятъ!

Онъ оглядѣлъ ресторанный.

— Тутъ вотъ тоже... Подъ заг-границу.

Бобка нѣсколько обидѣлся.

— Современный стиль. Модернъ. А если вамъ надо московскаго душка, такъ пожалуйста къ Егорову, или къ Тѣстову.

— Да, — говорилъ Колгушинъ Матери: — Константинъ Сергѣевичъ мой ближайшій сосѣдъ. Они по философской части, въ Германіи работаютъ. А это лѣто отдыхаютъ у себя въ имѣніи, со мной рядомъ. Знаете, воздухъ хорошій, природа...

Мать вспомнила время, когда сама ѣздила въ дере-

веньку къ родителямъ въ Орловской губерніи. Но родители умерли, дома нѣтъ, и она даже не знаетъ, гдѣ придется проводить мѣсячный отпускъ.

— А что станція отъ васъ далеко?

— Часика полтора ѣзды.

Они разговорились. Мать спросила, нѣтъ ли у нихъ по близости усадебъ съ дачками. Какой-нибудь домишка, баня... И объяснила для чего. Колгушинъ подумалъ.

— Настаивать не смѣю, кромѣ того, я человекъ холостой, можетъ быть, это неудобно считается. А у меня самого флигелекъ есть, весьма приличный. Продукты изъ имѣнія, молоко, масло.

Колгушинъ вспотѣлъ и заморгалъ. Ему вдругъ представилось, что онъ, провинціалъ, помѣщикъ сдѣлалъ что-нибудь безтактное. Надъ нимъ вообще часто смѣялись, и срѣзали его, а онъ не умѣлъ обороняться.

Но Мать вовсе не хотѣла срѣзать. Разспросила по-дробнѣе.

— Поговорю съ сестрой. И къ вамъ можно.

Бобка посмотрѣлъ на нее подозрительно.

— Дачу у васъ ужъ снимаютъ? — обратился онъ къ Колгушину. — Живо!

По Бобкиному лицу Мать почувствовала, что ему неприятно, что безъ него что-то устраивается. Кромѣ того, онъ ревновалъ. Ему приходили иногда дикія мысли; онѣ смѣшили Мать, но и доставляли удовольствіе.

— Пѣтухъ, пѣтухъ—шепнула она. — Раздулъ перья!

Колгушинъ вспотѣлъ.

— Я не смѣю настаивать, но весьма былъ бы радъ, если бы вы съ сестрицей къ намъ пожаловали. Скажу прямо: это оживило бы нашу мѣстность.

Катя слышала эти слова. Слегка улыбаясь, она спросила Панурина, негромко:

—Почему это вашъ сосѣдъ такой чудной?

Пануринъ прищурился и свистнулъ.

— Какъ по вашему, стоитъ намъ съ Мамашей оживать мѣстность?

Пануринъ доѣлъ кокиль изъ ершей, налилъ себѣ и Катѣ рейнвейну въ зеленые бокальчики.

— Отчего же не стоитъ? Будутъ хо-орошія барышни въ сосѣдствѣ.

Катѣ стало совсѣмъ весело, она перестала стѣсняться Панурина, Она взглянула на его колѣни и засмѣялась:

— Почему на васъ такіе смѣшные чулки, и огромные ботинки?

Пануринъ со смущеніемъ взглянулъ на свои ноги.

— Это костюмъ нѣмецкаго пѣшехо-да. Хотя, въ сущности, я мало подхожу.

Катя улыбулась.

— А я половину дороги съ курсовъ всегда пѣшкомъ.

Узнавъ, что она на филологическомъ, Пануринъ еще разъ чокнулся съ ней.

— Ко-оллеги, значить. Если бъ не былъ такъ лѣнивъ, можетъ, ученымъ бы былъ, читалъ бы лекціи. Барышни бы мнѣ цвѣ-точковъ подносили.

Катя взглянула на него. Онъ, кажется, философъ?

— Та-акъ себѣ, ни то, ни се, всего по-немногу. Кое-что ра-аботаю, правда.

Между тѣмъ въ европейскомъ ресторанчикѣ становилось похоже на Россію. Компанія студентовъ заказала чашу пива и ее пустили въ круговую. Всѣ орали, что то дока-зывали, но неизвѣстно было, для чего это дѣлается.

За другимъ столикомъ, сидя, заснулъ служащій въ контролѣ. Два товарища его поссорились изъ-за того, что одинъ хотѣлъ его будить, а другой не позволялъ. „Мой товарищъ усталъ,“ — кричалъ онъ: — „я не разрѣшаю его беспокоить“.

Бобка тоже былъ въ воинственномъ настроеніи, и порывался грозить врагамъ; близились всеобщіе скандалы. Мать сочла нужнымъ начать отступленіе.

Колгушинъ радовался, что счетъ невеликъ. Онъ по-кручивалъ усики.

— Итакъ, — онъ склабился и пожималъ Матери на прощанье руку: — буду ждать васъ къ себѣ. Можетъ быть, вамъ и понравится.

Садясь на извозчика, Бобка бѣшено шепнулъ Матери:
 — Если тамъ что заведешь... смотри!
 Мать вздохнула.
 — Дуракъ ты, дуракъ, Бобка! Какой дуракъ!

II.

Перебираться не посмотрѣвъ Мать не рѣшилась. Она выбрала день, свободный отъ дежурства, и съѣздила къ Колгушину. Къ вечеру вернулась въ свои меблированныя комнаты, у Курскаго вокзала. Въстѣ съ Катей онѣ снимали порядочный номеръ, съ обычной красной мебелью.

Мать спала на большой кровати, за перегородкой. Катя, какъ маленькая, на диванчикѣ. Ихъ жилой духъ состоялъ въ полочкѣ книгъ, гдѣ стояли Катины учебники, старый курсъ десмургии, висѣло нѣсколько открытокъ — писатели, актеры; двѣ-три желтенькихъ книжки „Универсальной библіотеки“ и фотографія Толстого, босикомъ.

— Какъ тебѣ показалось? — спросила Катя, когда Мать вошла.

Мать имѣла довольный видъ.

— Самъ этотъ Колгушинъ... — Мать захохотала. — И-го-го...

Она заржала и попробовала представить, какъ жеребецъ подымается на дыбы..

— Ужасно смѣшной? — лицо Кати сморщилось отъ улыбки.

— Такъ и пышетъ изъ ноздрей у него огонь!

Катя обняла Мать сзади, повалила на кровать и защекотала.

— Прямо дурища, дурища — пыхтѣла Мать. — Я тебя высѣчь могу, щенка.

И, оправившись, вывернувшись изъ-подъ Кати, Мать взяла ее въ охапку и стала носить по комнатѣ, какъ ребенка. Потомъ положила на столъ, спиной вверхъ, навалилась на нее и нашлепала.

— Дѣвушка должна честная быть, тихая, послушная, какъ стеклышко.

Катя хохотала и пищала.

— Мамаша тебя учить быть честной, а ты только о молодчиках думаешь!

Когда экзекуція кончилась и Катя сидя поправляла юбку, она изрекла:

— Во-первыхъ, у тебя у самой мужъ гражданской. А я, къ сожалѣнію, дѣйствительно, какъ стеклышко. Нечѣмъ меня упрекнуть.

Мать сдѣлала на нее свирѣпыя глаза.

— У-у, щенокъ!

Затѣмъ успокоилась, налила себѣ чаю и спросила, не заходилъ ли безъ нея Бобка. Катя высунула ей языкъ, спокойно, длинно, и поиграла его кончикомъ.

Взявъ чашку чаю, а въ другую руку книжечку „Универсальной бібліотеки“, Катя усѣлась на подоконникъ. Окна выходили во дворъ, и отсюда были видны пути Курской дороги, составы поѣздовъ, паровозовъ. Вдали — стѣны и высокая колокольня Андроніева монастыря, а за нимъ очень далекое, блѣдно-золотистое вечернее небо. Свистѣли паровозы. Подходилъ дачный поѣздъ Нижегородской дороги; блестяли рельсы; и вниманіе разбѣгалось въ этой непрерывной жизни, въ зрѣлищѣ вѣчнаго движенія, неизвѣстно откуда и куда. Катя не смогла читать Банга, котораго любила, и стала глядѣть на поѣзда. „Если все такъ печально въ жизни, какъ онъ описываетъ, то неужели и со мной будетъ такъ? Нѣтъ, невозможно.“ Глубина свѣтлаго неба, голуби, летѣвшіе къ складу, блескъ Андроніевскихъ крестовъ и дымокъ поѣзда, уносившагося, быть можетъ, въ Крымъ, къ морю, все было такъ прелестно...

Катя потянулась, улыбнулась, что-то смутно въ ней, но мучительно-сладко сказало „да“, и на глазахъ выступили слезы. Потомъ она вслухъ засмѣялась, высунула изъ окна русую голову и заболтала ногами. Если бы не боязнь мамаша — возможности новой экзекуціи — она закричала бы ку-ка-реку.

Но тутъ постучали, и вошелъ Бобка. Катя обернулась, сдѣлала недовольное лицо. „Теперь меня ушлютъ!“ Она предвидѣла, что у Бобки съ Матерью будутъ разго-

воры; въ такихъ случаяхъ Мать нерѣдко давала ей денегъ на трамвай, говорила: „Съѣзди въ Петровскій паркъ! Нынче погода отличная!“

Но сегодня Катю не услали. Правда, Бобка былъ нѣсколько угрюмъ, но это зависѣло отъ того, что вчера онъ неожиданно проигрался въ желѣзную дорогу, хотя по своимъ соображеніямъ долженъ былъ выиграть. Ему не хотѣлось рассказывать объ этомъ Матери: она укорила бы его. Разумѣется, было изрядно выпито.

— Что у тебя голосъ будто хриповать? — спросила Мать, сдерживая смѣшокъ.

Бобка погладилъ себя по шеѣ.

— Вчера изъ Коммерческаго суда ѣхалъ, надуло... Вѣдь я еще тогда замѣтилъ.

— Вотъ именно, — Мать была серьезна: — надуло; и холода какіе!

— Ничего нѣтъ смѣшного! А вѣтеръ? Я же вообще склоненъ къ простудамъ.

Мать смѣялась открыто.

— Ну, и къ водочкѣ очень склоненъ.

Но Бобка вошелъ въ азартъ и сталъ доказывать, что простудиться легче всего именно въ жару. Удивительно только, что Мать, да и Катя, хоть она курсистка, не знаютъ такихъ простыхъ вещей. А это можетъ и ребенокъ понять.

Катѣ стало скучно отъ его разглагольствованій.

— Не можешь ли ты мнѣ дать двугривенный? Я въ Сокольники съѣзжу.

— Двугривенный... — Бобка растерялся. — Конечно, могу.

Онъ полѣзъ въ кошелекъ, гдѣ послѣ вчерашняго боя осталось всего три такихъ монеты. Съ внутреннимъ вздохомъ онъ отдалъ одну Катѣ.

— Я долженъ свозить тебя на автомобилѣ за городъ, — замѣтилъ онъ значительно. — Сегодня не могу, нездоровится... но какъ-нибудь, въ другой разъ.

Онъ взялъ свою панаму съ красной лентой и погладилъ ее.

— Разумѣтся, когда вы вернетесь съ этой... какъ тамъ? Вы вѣдь на дачу собрались?

Катя прикалывала вуалетку къ шляпѣ.

— Въ сущности, пока ты соберешься меня катать на автомобилѣ, мы сто разъ изъ деревни вернемся.

Бобка поглядѣлъ на Мать.

— Я вообще не понимаю, что она нашла въ этомъ Колгушинѣ. Просто помѣщикъ, ничего изъ себя не представляетъ.

Мать разсердилась.

— Долбила я тебѣ долбила, что не въ немъ дѣло, нѣтъ, не понимаетъ. Человѣкъ ты, или бревно?

Катя въ это время уже выходила. „Удивляюсь на Мать,“ думала она: „какъ это терпѣнія хватаетъ?“

Чувствуя себя молодой, покойной, ни съ кѣмъ не связанной, Катя сѣла въ трамвай, у окошка. Вагонъ бѣжалъ весело. Садилась какіе-то студенты; ѣхали парочки, очевидно, тоже въ Сокольники. Катя и не замѣтила, какъ подкатили къ кругу, гдѣ играетъ музыка. Но на кругу она не осталась, ушла вглубь, къ Ярославской желѣзной дорогѣ. Снова мимо нея, теперь уже на закатѣ, пронеслись гремящіе поѣзда; бѣлый дымъ розовѣлъ въ закатномъ солнцѣ, краснѣли верхи сосенъ древняго бора, видѣвшаго соколиныя охоты Грознаго.

„Чего я тутъ гуляю?“ — Катя улыбнулась. — „Свиданье у меня назначено?“ И она быстро пошла, на легкихъ ногахъ. Ей мгновенно представилось, что тамъ, на поворотѣ дорожки, ее нѣкто ждетъ, и уже давно, истомленъ. Никого, разумѣтся, не было. Но нравилось самое чувство, что вотъ она спѣшитъ на свиданье.

Начинало темнѣть. Катя сѣла на скамейку и затихла. Стало ей немного жутко и радостно вмѣстѣ. Хотѣлось о чемъ-то мечтать, и такъ хотѣлось, чтобы это вышло хорошо!

Рядомъ, по проспекту, мчался автомобиль, уже съ огнями. Подъ соснами сидѣли три бабы, вродѣ кухарокъ, и смѣшными голосами пѣли пѣсню. Надъ всѣмъ этимъ густѣли гривы сосенъ; въ небѣ выступила зеленая звѣзда; налѣво закатъ темно краснѣлъ.

„Что же это мѣсяцъ не выходитъ?“ — подумала Катя. — „Ну выходилъ бы ужъ, что ли!“

Мѣсяцъ почему-то замедлился, и въ полусумракѣ, синеватомъ и призрачномъ, Катя дошла до трамвая и только что сѣла, — увидѣла его — небеснаго меланхолика: блѣдный, тонкій, онъ напоминалъ агица. Агнець былъ выразителенъ, и противъ воли Катя смотрѣла на него внимательно.

Когда она вернулась домой, Бобки уже не было. Мать укладывалась: завтра съ дневнымъ они должны были выѣзжать. Катя имѣла видъ разсѣянный. Мать упрекнула ее, что долго шляется, но Катя покорно взялась за укладку, добросовѣстно складывала свои скромныя сорочки, нѣсколько книжекъ, открытокъ, флакончикъ недорогихъ духовъ — заслужила даже одобреніе Мамаши за хорошее поведение.

Мать, хотя и имѣла съ Бобкой нѣкія пререканія, все же и сама была скорѣе въ добромъ расположеніи. Это зависѣло отъ того, что Бобкѣ непріятенъ былъ ея отъѣздъ. Акимовой сейчасъ въ Москвѣ не было, значитъ, онъ заскучаетъ. Отпуская Мать на мѣсяцъ, высказывалъ онъ и признаки ревниваго раздраженія. Это льстило самолюбію и говорило, что она для него не что-нибудь.

„Чудной, чудной, Бобка...“, — думала Мать, ложась въ тотъ вечеръ: — „а добрый... и меня любитъ“.

Черезъ двѣ недѣли онъ долженъ былъ къ ней пріѣхать. Это тоже нравилось. Она скоро начала забываться. Катя же засыпала труднѣе. Но ея сны были легки и туманны.

III.

Хотя Мать давно жила въ Москвѣ, — значитъ, съ городомъ своимъ сроднилась — все же ей очень пріятно было выѣхать въ деревню, потому, что и деревенская кровь въ ней сидѣла: какъ помѣщичье отродье, она чувствовала временами потребность физическую въ поляхъ, воздухѣ, тишинѣ.

И ей, какъ и Катѣ, было радостно зрѣлице Цари-

цына, веселые березовые лѣса подѣ Бутовымъ, церкви, монастырь Серпухова, Ока, широкіе луга и борѣ и за Окой пересѣченная, не могущественная, какъ на югѣ, но приглядная и задушевная равнина Тульской губерніи.

Уже вечерѣло. Ѣхать на лошадахъ приходилось порядочно, и нельзя сказать, чтобы телѣжка Колгушина была особенно удобна. Но и Мать, и Катя ѣхали съ удовольствіемъ. Зацвѣтали ржи, васильки появились. Не одну деревню проѣхали онѣ, гдѣ на домѣ съ крылечкомъ выѣска: „Волостное Правленіе“, и на ступенькѣ стоитъ курица, а рядомъ, подѣ ракитой, баба стрижетъ овцу. Онѣ видѣли небольшія церкви, укромныя, но благообразныя, иногда въ сторонѣ отъ деревни, обсаженныя березами, гдѣ грачи добродушно орутъ. Проѣзжали мимо барской усадьбы съ огромнымъ дворомъ, покосившимися вѣртами; въ глубинѣ темный домъ съ антресолями, сбоку аллея елокъ. Видѣли стадо въ низинкѣ, проѣзжали мимо кладбища съ пышной травой, крестами сѣрыми и бѣлыми изъ бересты, кладбище, заросшее ивнякомъ, рябиной, кое-гдѣ березками, и чьи надгробные камни не въ порядкѣ, но почему-то неуволимо-очаровательно оно: истинное мѣсто упокоенія. Онѣ глотали мужицкую пыль и благоуханіе, данное Господомъ Богомъ мужицкимъ полямъ. Словомъ, погружались въ настоящую Россію.

Уже близко было къ закату, когда подѣхали къ Щукину, имѣнію Петра Петровича Колгушина. Мимо новой деревянной церкви, сѣраго цвѣта, съ зеленой крышей, свернули налево, и вдоль аллеи липъ подкатили къ низкому одноэтажному дому, обогнувъ куртину елочекъ, насаженныхъ среди двора.

Колгушинъ, въ чечунчевомъ пиджакѣ и кавалерійскихъ сапогахъ стоялъ на террасѣ, тянувшейся вдоль всего дома. Онъ сіялъ и проводилъ рукой по короткому бобрику на головѣ. Онъ помогалъ имъ вылѣзть.

— Очень радъ, очень радъ. Благополучно изволили прибыть? Да. Дорожка, знаете ли, хорошая. Пыльно, но накатали. Не то, что осенью. Да.

Мать снимала и отряхивала пыльникъ.

— Доѣхали первый сортъ.

— Можетъ быть, вы пожелаете сперва къ себѣ во флигелькъ пройти, а затѣмъ прошу къ чаю, да, мы на другомъ балкончикѣ съ Константиномъ Сергѣичемъ пьемъ. Онъ какъ разъ нынче здѣсь. Да.

Флигель, куда онъ ихъ проводилъ, былъ домикъ, половину котораго занимала контора. Имъ отводилась комната съ небольшими окошками, бревенчатыми стѣнами.

Когда онѣ остались однѣ и стали мыться изъ желѣзнаго рукомойника, надъ которымъ — знакъ вниманія Колгушина — былъ воткнутъ букетикъ васильковъ, Мать сдавила себѣ щеки руками и сдѣлала кота.

— Какъ этого дяди фамилія-то? — спросила она. — Пануринъ! Намъ тутъ и молодчики припасены.

Катя надѣвала свѣжую бѣленькую кофточку и синій галстукъ. Худощавое ея лицо было нѣсколько утомлено, но зеленоватые глаза улыбнулись.

— Ты страшная дура, Мать. — Хотя ты моя мать, но ты ужасная дура.

Онѣ весело пошли къ большому дому. Когда взбѣгали на террасу, къ которой подѣхали, половица скрипнула подъ ногой Мамаши. Катя прыснула.

— Ты ему разломаешь домъ, Илья. Какъ слониха!

Онѣ попали въ большую, невысокую гостинную съ крашенымъ поломъ, сѣтками въ окнахъ. Въ углу рояль, граммофонъ на немъ, направо полукруглый диванъ со столикомъ для гостей, шкафикъ съ фарфоровыми бездѣлками. Пахло сыроватымъ, затхлостью. Прямо дверь вела на вторую террасу.

Мать вошла первая.

За большимъ чайнымъ столомъ, вдали отъ самовара и недопитаго стакана чая, въ пенснѣ и накидкѣ сидѣлъ Пануринъ. Передъ нимъ — чашечка для игры въ блошки; и съ великимъ усердіемъ щелкалъ онъ пластинкой, стараясь загнать кружечки въ чашку. У перилъ вишневая вѣтка чуть не задѣвала его. Вишни отцвѣли, и появлялись завязи въ рыжеватомъ пушкѣ. За садомъ просвѣчивалъ

прудъ блѣдно-розовымъ серебромъ въ закатѣ. Лягушки квакали въ немъ охотно.

Колгушинъ хлопоталъ у самовара.

— Константинъ Сергѣичъ упражняется въ игрѣ въ блошки. Хотя мы съ нимъ играемъ не на деньги, такъ на такъ, онъ не желаетъ, однако, проигрывать и, какъ бы сказать, тренируется.

Пануринъ всталъ нѣсколько смущенно и поздоровался.

— Какъ всякая игра, — и игра въ блошки требуетъ практики. Иначе получится неравенство силъ.

— Играйте, играйте, — отвѣтила Мать. — Дай вамъ Богъ удачи. Дѣло полезное.

— Вотъ такъ и считаютъ обычно, что разъ занимаешься какими-нибудь книжками, то нельзя ни-чего другого дѣлать. А я, напримѣръ, мало знаю деревню, мнѣ и верхомъ хо-очется покататься, и въ теннисъ поиграть.

Мать сѣла за самоваръ. Катя осмотрѣлась.

Изъ вѣжливости Пануринъ прекратилъ упражненія, но видно было, что ему хочется все же сразиться. Катѣ скоро прискучили изліянія Колгушина. Она обернулась къ Константину Сергѣичу:

— Хотите со мной тренироваться?

— Охотно. И ве-есьма желалъ бы, чтобы для васъ это обра-атилось въ разгромъ.

Катя пожала плечами.

— Тамъ посмотримъ.

Бой открылся. Пануринъ вступилъ въ дѣло серьезно. Но, видимо, судьба, такъ часто награждающая тѣхъ, кто мало ищетъ ея благъ, была противъ него. Катя играла равнодушно, онъ горячился. И былъ разбитъ.

— Въ высшей степени не ве-зеть, — онъ поправлялъ вспотѣвшіе волосы. — До по-слѣдней степени.

— Это, Константинъ Сергѣичъ, происходитъ оттого, да, что вы слишкомъ увлекаетесь, — утѣшалъ Колгушинъ. — Напримѣръ, у меня есть одинъ служащій, Машечкинъ, очень нервный человѣкъ. Онъ вродѣ приказчика. Весьма обидчивый. Однажды онъ проходитъ мимо пруда, а, тамъ, да, кухарка купалась. Представьте, она выскаки-

ваетъ, въ чемъ была, и къ нему. А онъ уже въ лѣтахъ. И онъ такъ оскорбился, что прямо ко мнѣ — за расчетомъ. Не могу, говоритъ, выносить такого безобразія, чтобы на меня, простите, изъ пруда женщины бросались.

Пануринъ дернулся бровями и нѣсколько смутился.

— Чѣ-ѣмъ же я похожъ на ва-ашего Машечкина? — плохо что-то пони-маю.

Мать захохотала.

— Вы это къ чему рассказали про кухарку?

Колгушинъ сконфузился. Ему опять показалось, не сморозилъ ли онъ чего-нибудь.

— Нѣтъ, я исключительно потому, что пылкость... Константинъ Сергѣичъ горячится въ игрѣ.

— Это ужъ вы... не такъ, чтобы очень удачно, — фыркнула Мать. — Развѣ онъ на вашего Машечкина похожъ?

Пануринъ вздохнулъ.

— Я совсѣмъ не горячій человекъ. Вотъ спортомъ сталъ интере-соваться. Но, видимо, я неудачникъ. Je suis fort bête, — пробормоталъ онъ улыбувшись.

Чтобы все это кончить, Катя попросила Колгушина показать имъ усадьбу. Онъ охотно ухватился за это.

— Правду говоря, у меня замѣчательнаго ничего въ деревнѣ нѣтъ. Простое русское хозяйство, да. Но возможно, что вамъ, какъ жительницамъ столицъ, небезинтересно будетъ взглянуть. Но безъ всякихъ особенностей. Предупреждаю.

Обычно пріѣзжимъ показываютъ конюшни, телятъ, водятъ мимо ригъ, въ лучшемъ случаѣ хвастаютъ огородами и молочнымъ хозяйствомъ, или жнеей, у которой черезъ нѣсколько дней что-нибудь непременно сломается. На пріѣзжихъ брешутъ собаки. Хозяинъ, чтобы продемонстрировать вѣжливость, принимаетъ энергичные мѣры: запустить въ какого-нибудь Полкана камнемъ, вытянетъ сучку арапникомъ, при этомъ назоветъ его: арапельникъ. Говорится въ такихъ случаяхъ о кормовыхъ травахъ, о хозяйствѣ какого-нибудь очень богатаго сосѣда, у котораго управляющій остзеецъ, коровы даютъ ушаты молока, урожай ржи—

самъ-двадцать и въ оранжереяхъ ананасы. Если лѣто жаркое, аграрій жалуется на засуху. Если мокрое, то говорить, что плоха уборка.

Приблизительно такъ было и тутъ. Но Катя нѣсколько слукавила. Вызвавъ на прогулку, сама она держалась съ Константиномъ Сергѣичемъ, а Мать впереди шла съ Колгушинымъ. Катя мало видѣла еще людей, и ей было любопытно посмотрѣть челоуѣка, отчасти ученаго, занятаго возвышенными мыслями. Ей хотѣлось втянуть его въ какой-нибудь серьезный разговоръ. Не безъ робости она спрашивала, какъ онъ жилъ за границей, много ли работаетъ, что именно пишетъ. Но онъ отнесся къ разговору о себѣ вяло. Казалось, — все это для него пустяки.

— Да, — пи-шу книжечку одну. О ро-омантизмѣ. Тамъ, о нѣ-мецкомъ.

Возвращаясь, проходили мимо пруда. Уже стемнѣло, и въ водѣ были видны звѣзды. Пануринъ предложилъ Катѣ руку.

— Вотъ это все... прудъ и звѣзды — въ духѣ тѣхъ людей, романтиковъ. — Помолчавъ онъ прибавилъ: — Они хороши были тѣмъ, что очень вѣ-ѣрили. Но имъ надо было молодыми умирать.

Катя мало знала о романтикахъ. Она спросила несмѣло:

— Почему молодыми?

Пануринъ отвѣтилъ:

— Чтобы не знать на-ад-ломленности.

Катя вздохнула. Колгушинъ, шедшій съ Матерью впереди, остановился передъ прудомъ.

— Да, поэтичный прудокъ. А я иногда думаю: если бы плотинка была повыше, то хорошо бы тутъ устроить мельницу. Красота красотой, но и отъ денежекъ не слѣдуетъ отказываться.

Мать взяла Катю подъ руку.

— Прямо вы съ Константиномъ Сергѣичемъ—Фаустъ и Маргарита.

Катя слегка засмѣялась.

— Подумаешь, дѣйствительно!

— А мы съ Колгушинымъ — Марта и Мефистофель.

— Мефистофель, — Колгушинымъ оживился. — Такъ. Это чортъ. Я знаю. Въ „Искрахъ“ видѣлъ Шалапина въ роли этого чорта. Такъ по-вашему, я на него похожъ? Онъ очень горбоносый былъ представленъ, и черный. Да. А я блондинъ.

Ссылаясь на усталость послѣ дороги, Мать и Катя довольно рано ушли къ себѣ. Панурину подали верховую лошадь; онъ уѣхалъ. Катя почувствовала вдругъ, дѣйствительно, усталость и смутное расположеніе духа. Она лѣниво раздѣвалась, ей не хотѣлось и ложиться, не хотѣлось бодрствовать. Какъ иногда бываетъ, представилось, что совершенно зря онѣ заѣхали къ этому Колгушину; сидѣли бы лучше въ Москвѣ, смотрѣли бы на Курскую дорогу: и можно было бы ѣздить за городъ, къ знакомымъ фельдшерицамъ. А здѣсь, навѣрное, тоска.

И не поболтавъ съ Матерью на ночь, какъ нерѣдко дѣлала, Катя легла и затушила свѣчку. Ей какъ-то все не нравилось въ этой усадьбѣ, и даже въ ночи. Къ ней Катя была явно несправедлива. Небо очень добро свѣтило звѣздами. Пахло липой, ржами. Мягко и очень мелодично тренькалъ перепелъ, — скромный музыкантъ юньской ночи.

IV.

Мать много купалась — дважды въ день, въ томъ самомъ пруду, который Колгушинъ назвалъ „поэтическимъ“. Своимъ купаньемъ она нѣсколько искушала Петра Петровича, любителя рубensoвскихъ изобилій. Но ей помогало то, что какъ разъ начинался покоекъ: Петръ Петровичъ долженъ былъ наблюдать въ лугахъ.

Мать раздѣвалась на мосткахъ, за ракитой, и бухалась крѣпкимъ, коричневымъ тѣломъ въ воду. Въ пруду подымалось волненіе; шли концентрическіе круги, какъ отъ обрушившейся скалы. Вода мягко лопотала у береговъ, и изъ травы плюхались лягушки. Слегка пыхтя, Мать плыла, и плавала хорошо, не колотя ногами. Ей очень помогали тутъ ея размѣры: чуть не съ дѣтства обладала она способностью держаться на водѣ, не двигаясь, какъ поплавокъ.

Отплывъ на середину, останавливалась, такъ что изъ воды торчала только голова, и начинала заунывно булькать лягушкой. Дѣлала она это очень удачно; навѣрно, немало смущала зеленыхъ квартирантовъ пруда. Правда, въ эти минуты она была похожа на мирное водяное существо, съ отѣнкомъ элегии.

— Выплывай, — говорила съ берега Катя — я тебя покормлю.

И посвистывая, какъ бы подзывая чудовище, Катя бросала въ прудъ листья, пучки травы.

Мать дѣлала безсмысленное лицо (такое, по ея мнѣнію, должно было быть у бегемота), подплывала и ртомъ старалась поймать пищу. Она фыркала, пыхтѣла. Поднеся что-нибудь лакомое къ ея носу, Катя могла выманить ее и совсѣмъ на берегъ. Мать выходила на четверенькахъ, потомъ лапой хватала предложенное, радостно мычала и отъ восторга ложилась на спину. Роль бегемота окончена.

— Слушай, слушай, — сказала разъ Мать, — если бь сейчасъ этотъ Машечкинъ проходилъ, выбѣжать бы ему навстрѣчу въ такомъ видѣ... Онъ бы опять съ мѣста ушелъ.

Катя купалась меньше, — у ней отъ воды болѣла голова, и подъ глазами являлись круги. Ея занятіемъ стала здѣсь верховая ѣзда. Колгушина это также ущемляло — въ горячую пору лошадей жаль. Но отказать „барышнѣ“ — хотя по худощавости она и не совсѣмъ была въ его вкусъ — онъ не могъ. Тотъ же Машечкинъ, оригиналь малаго роста, иногда утверждавшій, что служилъ раньше начальникомъ станціи, — съ великой неохотой сѣдлалъ Катѣ лошадь. Онъ бурчалъ про себя нѣчто неодобрительное о людяхъ, которые только и знаютъ, что ѣздить верхомъ.

Катѣ это надоѣло. Разъ она даже обошлась съ нимъ внушительно. Машечкинъ, въ видѣ протеста, отказался сѣдлать. Но результатъ получился печальный. Катя спокойно отправилась къ Колгушину.

— Да, отказался вамъ сѣдлать? Скажите пожалуйста! Вотъ народъ. Дѣвушка, — обратился онъ къ босоногой работницѣ, — позови-ка сюда Гаврилу Семеныча.

Черезъ полчаса Машечкинъ, очень смущенный, явился къ Катѣ.

— Виновать, барышня, извините, если обидѣлъ.

Катя сказала, что ничего, но Машечкинъ не уходилъ.

— Петръ Петровичъ приказали, чтобы я документикъ отъ васъ взялъ.

— Какой документикъ?

Оказалось — она должна была письменно его простить. Стараясь быть серьезной, Катя на клочкѣ бумаги написала: „Противъ Гавриила Семеновича Машечкина ничего не имѣю и прошлое забыла. Екатерина Савилова“.

Вечеромъ Колгушинъ спросилъ ее:

— Довольны? Да, извинился? Съ этимъ народомъ иначе нельзя. Надо ихъ, знаете ли, костыликомъ, костыликомъ.

Этотъ разговоръ происходилъ на балконѣ, за вечернимъ чаемъ, которымъ распорядилась Мать. Былъ тутъ и Пануринъ.

— Ра-асписку дали? — переспросилъ онъ. — Это солидно. Сейчасъ видно основательную дѣвушку.

— У меня очень строгая Мамаша, — засмѣялась Катя, — вотъ она меня и вымуштровала.

Колгушинъ поддержалъ ее.

— Строгая. Я нахожу, что это иногда полезно бываетъ. Напримѣръ, съ народомъ. Но ваша сестрица, по-моему, даже веселая. Она, говорятъ, замѣчательно подражаетъ лягушкамъ. Во время купанья устраиваетъ игру въ какихъ-то звѣрей. Да, да, да. Вообще мои дачницы очень оживляютъ мѣстность.

Пануринъ покачалъ головой.

— Ваши дачницы очень го-ордыя. Вонъ Екатерина Михайловна верхомъ ѣздитъ, а ко мнѣ ни разу не заглянула.

Катя немного покраснѣла.

— Вы меня къ себѣ не приглашали.

— Ра-звѣ не приглашалъ? Ну, это, конечно, глупо съ моей стороны.

Въ тотъ же вечеръ, нѣсколько позже, сидя съ Па-

нуринымъ вдвоемъ въ гостинной, на диванѣ у этажерки, Катя спросила:

— Вы въ первый день, какъ мы приѣхали, въ саду, говорили про надломленность. Это что значить?

— Ни-чего особеннаго. Говорилъ, что есть люди надломленные. А у моло-дости этого нѣтъ.

Онъ внимательно и ласково посмотрѣлъ на Катю.

— Оттого моло-дость и вызываетъ нашу нѣжность.

Катя вдругъ встала и безцѣльно подошла къ этажеркѣ.

— Вы что? — спросимъ Пануринъ.

— Нѣтъ, ничего. Петръ Петровичъ, — громко обратилась Катя къ Колгушину, щелкавшему на счетахъ въ своемъ кабинетикѣ, — вы мнѣ дадите завтра верховую лошадь?

— Съ великимъ удовольствіемъ. Когда вамъ угодно.

Не такое ужъ громадное удовольствіе доставила ему просьба, но отказывать не приходилось.

Пануринъ поднялся и зашелъ къ нему въ комнату. Катя тоже вошла.

— Мы вамъ мѣшаемъ, но это ничего, — Пануринъ усмѣхнулся — вечеромъ человѣкъ не долженъ работать.

Колгушинъ улыбался, склоняясь впередъ, и поглаживалъ рукою свой бобрискъ.

— По вечерамъ не долженъ. Совершенно вѣрно. День позанимался, а вечеромъ отдыхай. Но знаете ли, не успѣваешь за день. И приходится при лампочкѣ.

Въ небольшой комнатѣ Колгушина стоялъ письменный столъ, на которомъ лежалъ револьверъ, „Русское Слово“, и валялось нѣсколько накладныхъ. На стѣнѣ надъ столомъ благодарственная бумага — за содѣйствіе открытію почтоваго отдѣленія. Рядомъ медаль отдѣла общества сельскаго хозяйства.

Пануринъ удивился.

— Сколько на-аградъ.—Вы скоро гене-ераломъ будете.

Колгушинъ радостно посмѣивался. Потомъ вынулъ изъ коробочки желтый жетонъ и вдругъ серьезно обратился къ Панурину:

— Это, Константинъ Сергѣичъ, я получилъ за помощь въ постройкѣ мѣстной церкви, взаменъ сгорѣвшей. Но не знаю, какъ надѣвать, — да, на ленточкѣ ли на шею, или же въ петлицу?

Пануринъ основательно рассмотрѣлъ жетонъ.

— Въ петлицу обязательно. Будетъ похоже на орденъ Почетнаго Легіона.

— Скажите! Это, кажется, французскій орденъ?

— Самый фран-анцузскій. И самый важный.

Колгушинъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Этого нельзя было сказать о Катѣ. Она глядѣла въ окно, переходила съ мѣста на мѣсто.

Петра же Петровича вопросъ объ орденахъ немало занималъ. И Константинъ Сергѣичъ долженъ былъ рассказать, что зналъ объ орденахъ прусскихъ и саксонскихъ. Затѣмъ разговоръ сошелъ на любимую тему Колгушина — о заграничѣ и Германіи. Онъ съ восторгомъ разспрашивалъ и узнавалъ, какъ тамъ все чисто, удобно и дешево.

Катя усѣлась на подоконникъ. Неожиданно она перекинула ноги наружу, спрыгнула и пошла въ садъ.

Колгушинъ обернулся.

— Мы, кажется, барышню заговорили. Даже не могла досидѣть.

Пануринъ зѣвнулъ.

— Это во-озможно. — Да и мнѣ пора, говоря по правдѣ.

Онъ вынулъ часы, взглянулъ и пошелъ за своимъ кѣпи. Пануринъ былъ въ ботфортахъ, онъ пріѣхалъ верхомъ.

Петръ Петровичъ пытался было его удержать, но не очень: у него самого начинали слипаться глаза; завтра же предстояло вставать „часика въ четыре“.

Хмурый старикъ подвелъ Панурину коня. Въ кѣпи и австрійской накидкѣ Пануринъ былъ похожъ на какого-то коннаго сержанта. Ублагодаривъ старика монеткой и кивнувъ хозяину, онъ шагомъ обѣхалъ группу елокъ и тронулъ рысцой вдоль липовой аллеи. Было довольно темно и тепло. Очень сладко пахло липами, все небо въ звѣз-

дахъ бѣжало навстрѣчу. Звѣзды цѣплялись за купы листьевъ.

Пануринъ былъ въ томъ нѣсколько элегическомъ и размягченномъ настроеніи, съ какимъ одинокій человѣкъ его возраста можетъ ѣхать домой теплой лѣтнею ночью. Покачиваясь въ сѣдлѣ, глядя на туманныя и милыя Плеяды, возможно думать о проходящей жизни, неуловленныхъ минутахъ счастья, чего-то жалѣть и улыбаться на что-то. Возможенъ приступъ къ сердцу смутной нѣжности. Такъ чувствовалъ онъ; и его нѣсколько удивило, когда у околицы, за которой начиналось поле, его окликнули; голосъ былъ негромкій, онъ сразу узналъ его.

— Вы здѣсь за-ачѣмъ? — спросилъ онъ, останавливая лошадь.

Катя сидѣла на заборѣ, у околицы, слегка съезжившись.

— Я просто сажу, мнѣ тамъ стало скучно.

— Да, вотъ ка-акъ. Я, впрочемъ за-мѣтилъ.

— Жаль, что нѣтъ лошади; я бы поѣхала васъ проводить.

Пануринъ согласился, что жаль.

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ: — мы мо-ожемъ пѣшкомъ пройтись.

Онъ слѣзъ съ лошади и подвелъ ее къ забору. Катя сидѣла неподвижно.

— Это какія звѣзды? — она указала на туманную группу невысоко надъ горизонтомъ.

Пануринъ протеръ пенснѣ, моргнулъ глазами.

— Плеяды.

Потомъ сталъ всматриваться, какъ-будто могъ хорошо ихъ разобрать, и прибавилъ:

— Въ этихъ звѣздахъ есть нѣчто дѣ-ѣвичье. Впрочемъ, женственное вообще ра-азлито въ при-родѣ. Женственны молодыя дерев-ца, первая весенняя зелень, сумерки въ апрѣлѣ.

Онъ досталъ папиросу и закурилъ. Его удивило, что Катя послѣднюю минуту сидѣла съ закрытыми глазами и пріоткрыла ихъ на свѣтъ. Они показались Панурину больше и туманнѣе обычнаго.

— Если провести рукой по ва-шимъ волосамъ, то навѣрно будетъ потрескиванье.

Катя вздохнула. Онъ чувствовалъ въ темнотѣ, что теперь она на него смотритъ.

— Нѣтъ. Не думаю.

Она нагнула голову, взяла его руку и провела по своимъ волосамъ.

— Вотъ видите.

— Вы стра-ашно милая, невнятно сказалъ Пануринъ.

— Милая?

Она хотѣла что-то прибавить, но не успѣла: вдругъ онъ обнялъ ея колѣни и сталъ цѣловать. Хотя было очень темно, она закрыла для чего-то глаза руками. Когда черезъ минуту онъ поцѣловалъ ее въ губы, она дернулась, какъ обожженная. Она могла бы упасть, но Константинъ Сергѣичъ поддержалъ ее.

V.

Хотя домъ Панурина былъ очень великъ — особенно для одинокаго, все же Константинъ Сергѣичъ спалъ не въ спальнѣ, а въ огромнѣйшемъ кабинетѣ, за ширмочкой. Было въ этомъ кабинетѣ все, что угодно: и кожаные диваны, и глобусъ, и ружья, и микроскопъ, и шкафы съ книгами; были книги серьезныя, валялись и уличные журнальчики, даже выкройки модъ. На каминѣ лежалъ ржавый мечъ. Это все скопилось потому, что многіе здѣсь жили до Панурина. Слѣды остались отъ разныхъ хозяевъ, а Константинъ Сергѣичъ по небрежности ничего не мѣнялъ.

Имѣніе купилъ его отецъ, крупный земецъ и баринъ, на старости лѣтъ. Какъ отецъ спалъ за ширмочкой и тамъ же умеръ, такъ поступалъ и Константинъ Сергѣичъ.

Онъ проснулся довольно поздно: съ вечера долго не могъ заснуть, лежалъ и въ темнотѣ улыбался самому себѣ.

Всталъ бодрѣе обычнаго, чувствовалъ себя моложе и свѣжѣе. „Неожиданно все вышло, уди-вительно,“ — бормоталъ, умываясь, — „совершенно неожиданно.“ И причесывая на проборъ волосы, уже не столь густые, какъ

въ юности, улыбнулся. По культурной привычкѣ Константинъ Сергѣичъ всегда тщательно одѣвался, неплохо завязывалъ галстукъ, любилъ духи. Все же выглядѣлъ нѣсколько нескладно.

Въ томъ же повышенномъ настроеніи пилъ утренній кофе въ невысокой столовой. Солнце очень ярко заливало цвѣтники, — левкой, бѣлый табакъ, маргаритки, шпалеру розъ. Читая въ газетѣ о засѣданіи Думы, вдругъ увидѣлъ онъ на газетномъ листѣ вечернее небо, съ бѣгущими навстрѣчу звѣздами, лицо Кати, освѣщенное пламенемъ спички, ея глаза. „Чу-десно,“ — всталъ, потеръ виски и обошелъ вокругъ стола. Вчерашнее представилось ему свѣтлой и радостной игрой.

Потомъ онъ нѣсколько себя подобралъ, сѣлъ заниматься, и кое-что сдѣлалъ даже. Въ три часа въ залъ съ куполомъ, куда изъ кабинета была открыта дверь, онъ услышалъ нерѣшительные шаги, и знакомый голосъ спросилъ у прислуги: „занимается?“

Пануринъ всталъ и вышелъ.

— Кон-чилъ заниматься, здравствуйте.

У Кати былъ нѣсколько смущенный видъ.

— Я, кажется, немного рано. — Ничего?

— От-лично, — Пануринъ взялъ ее за обѣ руки, — Очень радъ, что приѣхали. Пойдемте.

— Я верхомъ... — начала было Катя, но запнулась. И вообще она неясно знала, куда ступить, гдѣ сѣсть. Пануринъ вывелъ ее на балконъ. Внизу росли голубыя соsenки, а вдаль широкой видъ открывался — на поля, деревню, лѣса на горизонтѣ.

— У меня есть под-зорная труба. Если здѣсь поставить, то видно, какъ гость по дорогѣ ѣдетъ, верстъ за пять.

Катя оглядывалась.

— У васъ вообще отличная усадьба. Какой огромный домъ!

— Этому до-ому сто лѣтъ. Если собратъся его под-ремонтировать, будетъ хоть куда.

— Вотъ вы гдѣ живете, — произнесла Катя задумчиво. — А это кабинетъ. Тутъ вы занимаетесь?

Пануринъ улыбнулся.

— Я не такъ ужъ много за-анимаюсь, какъ думаютъ.

И онъ сталъ ей рассказывать, слегка дергаясь глазами и не торопясь, какъ онъ росъ барченкомъ, въ просвѣщенной семьѣ. Учили его всему — съ дѣтства, и выходило, что онъ всего понемногу зналъ, и учился порядочно. Гимназія, университетъ, все какъ-то само собой. Почему именно филологомъ сталъ? Ну, вѣроятно, бѣлая все же склонность.

А потомъ его оставилъ при университетѣ профессоръ, пріятель отца. И вотъ онъ теперь по части романтизма подвизается. Но — не такъ ужъ удачно.

Катя слушала его, опершись на перила и глядя на голубую сосенку. Когда онъ кончилъ, она вдругъ обернулась.

— Для меня, все-таки, это все неожиданно вышло, вчерашнее... Она замялась.

— Я понимаю, — отвѣтилъ Константинъ Сергѣичъ серьезно: — но это ни-ничего. Вѣрнѣе, я долженъ быть смущенъ. Но, говоря по правдѣ, не смущаюсь.

Катя улыбнулась.

— Чего же вамъ смущаться?

— Нѣтъ, правда. По-отому, что, если хотите знать, вы очень славная дѣвушка. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Странно, — Катя продолжала улыбаться, — мнѣ съ вами... удобно. Точно я васъ давно знаю. А между тѣмъ — совсѣмъ недавно. Даже я перестаю васъ смущаться.

И она подала ему руку. Пануринъ взялъ и очень ласково поцѣловалъ ее.

— Это ничего, что неожиданно. Мало ли что хорошее бываетъ неожиданно.

— Въ вашей усадьбѣ я первый разъ. А ужъ мнѣ кажется, я тутъ бывала, все знаю. Все у васъ и должно быть такое.

— Какое?

— Ну... особенное. Не какъ у другихъ.—

— Вотъ это меня удивляетъ. — Но пріятно. Поло-

жительно, выгодно принадлежать къ нашему цеху. Мы, рядо-вые, пользуемся привилегіями большихъ людей, давшихъ славу нашему ремеслу. Я утверждаю, что въ Россіи выгодно носить кличку ученаго.

Катя ласково улыбнулась.

— Вы наговариваете на себя. Къ чему это? Все равно, я вамъ не повѣрю.

Пануринъ засмѣялся.

— Это ужъ какъ угодно.

День установился необыкновенно-прекрасный. Къ вечеру облачка стали тоньше, легче и выше. Даль свѣтлѣла голубовато. Зеркально блестяль кусочекъ рѣки внизу, и была великая радость въ этомъ тихомъ, но не слѣпящемъ свѣтѣ солнца. Катя положила голову на нагрѣтыя перила, закрыла глаза, и ей казалось, что она тотъ самый грѣющийся котъ, котораго умѣетъ дѣлать изъ своихъ щекъ Мать.

Пануринъ подставилъ ей лѣтнее кресло, а самъ растянулся въ лонгшезѣ.

— Мы те-еперь съ вами, какъ въ са-анаторіи для легочныхъ. Тутъ легко задремать.

Катя обернула голову и повела на него зеленоватымъ; томнымъ, полнымъ отраженнаго свѣта глазомъ.

— Я не задремлю.

Пануринъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоей нѣжностью. Ему нравился ея покой, мягкая теплота ея лица, золотистый, подъ солнцемъ, отливъ кожи.

— По че-ертамъ лица васъ не назовешь, пожалуй, красивой, — сказалъ онъ. — Но я чувствую въ васъ большую про-стоту и близость къ природѣ нашихъ мѣсть. Изъ вашихъ глазъ опредѣленно смотрятъ на меня наши поля. Если бы у нихъ гла-за были, они бы такъ же смотрѣли.

Катя продолжала глядѣть на него пристально, ничего не отвѣтила и слегка погладила рукою его руку.

— А сама все смо-трить, смотреть!

Катя вздохнула.

— Если непріятно, я не буду.

Пануринъ отвѣтилъ серьезно:

— Мнѣ, Катерина Михайловна, это не можетъ быть непріятно.

Она улыбнулась ласково и задумчиво, одними глазами.

„Это взглядъ влюбленной дѣвушки, несомнѣнно“, — подумалъ Пануринъ, и легкая гордость прошла по немъ. Затѣмъ, внезапно сердце его нѣсколько защемило. Онъ тоже вздохнулъ.

Катя поднялась, встала передъ нимъ и взяла за руки.

— Ну, что съ вами? — спросила она тихо, глухо и нѣжно. — Почему измѣнились?

— Ни-ичего, не измѣнился.

Онъ тоже всталъ.

— Пойдемте, лучше, сы-граемъ до чая въ теннисъ. Одинъ сѣтъ.

Катя покорно опустила голову.

— Хорошо, идемъ.

Они прошли черезъ кабинетъ, большую залу, сквозь стеклянный куполь которой ложились солнечные лучи и блестяли въ бронзовыхъ часахъ, и черезъ низкую столовую вышли въ садъ.

До тенниса надо было идти цвѣтниками, старой липовой аллеей и взять направо. Катя шла послушно, но задумчиво, точно предстоящая игра мало ее занимала.

Пануринъ снялъ пиджакъ.

— Да вы не зѣ-фвайте, — онъ подаль ей ракетку. — Это вамъ не бло-ошки, я въ прежнія времена порядочно игралъ.

Площадка была не изъ блестящихъ, но хорошо затѣнена липами. За изгородью сада, черезъ дорогу, виднѣлась церковь, — типичная бѣлая русская церковь александровскихъ временъ. Въ глубинѣ, за кустами, низкое зданіе оранжереи. Пахло липовымъ цвѣтомъ; высоко надъ головой жужжали пчелы.

Бой шелъ съ переменнымъ счастьемъ. Пануринъ быстро измѣнился. Опять въ немъ проснулся спортсменъ-неудачникъ. Онъ совсѣмъ хотѣлъ забить Катю, сервировалъ съ трескомъ, и отбивать его мячи было трудно, если бъ

большая ихъ часть не попадала въ сѣтку. Онъ началъ волноваться.

— Это чо-ортъ знаетъ! Я какъ са-апожникъ сталъ играть!

Катя также нѣсколько оживилась, но отдаться цѣликомъ, какъ онъ, не могла. Только это и спасло Константина Сергѣича отъ полного разгрома. Сэтѣ играли долго, и Катя, наконецъ, положила ракетку: силъ больше не было. Солнце сквозь липы било уже краснѣющимъ огнемъ, и хотя отъ игры становилось жарко, все же чувствовался холодокъ вечера.

Когда вернулись въ домъ, былъ поданъ уже чай на балконѣ, но не тамъ, гдѣ они разговаривали, а на ближайшемъ, выходившемъ въ цвѣтники.

Панурина захотѣлось умыться. Катя побыла одна, потомъ черезъ залу прошла къ нему въ кабинетъ, полный огненного заката. За ширмочкой плескался Константинъ Сергѣичъ.

— Можно мнѣ руки вымыть? — спросила Катя.

— По-ожалуйста, я уже готовъ.

Когда она вошла за ширму, Константинъ Сергѣичъ вытиралъ лицо и руки полотенцемъ, потомъ налилъ въ ладонь одеколону. Онъ былъ высокъ и сухощаво-худоватъ. Катѣ удивительнымъ показалось, что она такъ близко къ нему, что онъ при ней перевязываетъ галстукъ и причесывается, но это было ей пріятно: слегка даже захватывало дыханіе.

Не вполне увѣренно она вымыла руки, ополоснула лицо и шею и машинально протянула руку за полотенцемъ, когда Пануринъ полуобнялъ ее сзади и поцѣловалъ подъ затылокъ. Катя слегка охнула и медленно, отяжелѣвшими руками взяла полотенце, спрятала въ него лицо.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли къ чаю.

Катя сѣла за самоваръ. Отъ ея рукъ пахло одеколономъ Константина Сергѣича, она какъ-то присмирѣла и не вполне сознавала, что вокругъ.

Черезъ часъ они выѣхали верхомъ въ Щукино. Блѣдно-синій, съ фіолетовымъ на сѣверѣ, наступалъ вечеръ. Изъ

риги вылетѣла летучая мышь и прочертила свой зигзагъ. Пахло полынью. Лошади шли рысью, сильно пылили. Катя молчала. Константинъ Сергѣичъ тоже не особенно былъ разговорчивъ и, лишь отѣхавъ версты три, закуривъ и пустивши лошадь шагомъ, сталъ философствовать о томъ, что русская природа имѣетъ таинственную и глубокую связь съ лицомъ и душою русской женщины. Тема эта была уже знакома Катѣ.

VI.

Безъ Матери съ Бобкой въ Москвѣ произошелъ маленькій скандалъ. Дѣло было такъ. Послѣ бѣговъ, выигравъ, Бобка со знакомымъ судебнымъ приставомъ Егуновымъ ринулся къ Яру. Сколько времени они тамъ бушевали, неизвѣстно. Но на разсвѣтѣ оказались въ трактирѣ Бабынина на Земляномъ валу. По дорогѣ Егуновъ, чело-вѣкъ угрюмый, нерѣдко надѣвавшій къ форменному сюртуку сѣрые штаны и въ обычное время заспанный, съ вихрами, — тутъ рѣшилъ заѣхать домой. Заѣхали и взяли еще денегъ, и цѣпь судебного пристава. Егуновъ былъ самолюбивъ, да и Бобка зналъ себѣ цѣну; но какъ разъ вышло, что въ трактирѣ Бабынина къ нимъ отнеслись недостаточно почтительно. Егуновъ разсердился, надѣлъ цѣпь и объявилъ, что именемъ закона накладываетъ печати на все вокругъ, вообще всѣхъ арестуетъ и „препровождать.“ Бобка помогалъ ему; кончилось же тѣмъ, что препроводили именно ихъ въ ближайшій участокъ, гдѣ они провели раннее и позднее утро. Далѣе, Егунова посадили на недѣлю, а Бобка предсталъ передъ мировымъ и выложилъ двадцать-пять рублей компенсаціи. Денегъ не жалко, но не весело было судиться и признавать свои слабости. Бобка нѣсколько разстроился, рѣшилъ съѣздить къ Матери въ деревню „нравственно встряхнуться,“ какъ онъ говорилъ.

По его виду Мать быстро замѣтила, что съ нимъ нѣчто произошло. Бобка сначала мялся, но потомъ выбол-

талъ самъ все, сваливая главную вину на Егунова и его цѣпь.

Мать покачала головой.

— Воображаю, и ты былъ хорошъ. Такъ перепьются, что скоро Царь-Пушку будутъ въ плѣнъ брать.

— Вовсе мы не столько пили. Ты же знаешь, я очень крѣпокъ на вино. Егуновъ — тотъ слабѣе.

— Оно и видно, какъ крѣпокъ, — бормотала Мать.

Все же она сама мало что имѣла противъ такой исторіи. Во всякомъ случаѣ, это безконечно пріятнѣе проступка по женской части. А въ этомъ направленіи Бобка былъ нынѣ безгрѣшенъ — она тоже чувствовала.

Ему дали комнату рядомъ. Онъ сталъ ходить въ русской рубашкѣ, въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ — потому что деревня, здѣсь полагается не стѣсняться. Московскую неудачу забылъ быстро и съ Колгушинымъ обращался небрежно, тономъ превосходства. Училъ его, что надо разводить огороды и свекловицу, заниматься дорогими культурами, а не сѣять какую-то глупую рожь: пусть ужъ съ этимъ возятся мужики.

— Нѣкоторые утверждаютъ, — отвѣчалъ Колгушинъ, — что въ нашей мѣстности слѣдуетъ развивать винокурение. Да... Но я, знаете ли, предпочитаю простое русское полевое хозяйство. Сложилъ скирдочки, обмолотилъ, и въ Москву на элеваторъ, а денежки въ карманъ. Зерно въ Москву, а денежки въ карманъ.

И онъ отъ радости смѣялся, потирая руки.

— Неправда ли — обратился онъ къ Катѣ, — пріятно выйти замужъ за помѣщика. Онъ поѣдетъ осенью въ Москву и закупитъ женѣ разныхъ подарочковъ. А потомъ свезетъ ее въ Большой театръ, въ оперу, и она будетъ лучше всѣхъ одѣта.

Бобка повелъ носомъ.

— Ну, батюшка, насъ помѣщикомъ не прельстишь. Намъ подавай чего-нибудь такого возвышеннаго и поэтического... а не то, чтобы куровода.

Съ Катей послѣднее время Бобка былъ холодноватъ. Это зависело отъ того, что теперь Катя обращала на него

еще меньше вниманія, чѣмъ раньше. Она имѣла видъ разсѣянный и нѣсколько задумчивый. Видѣлъ Бобка и Константина Сергѣича и кое-что понялъ. Ему стало досадно. Отчасти онъ завидовалъ, отчасти какъ бы обижался на Катю.

— Я вообще замужъ не собираюсь, — сказала она.

Бобка заложилъ ногу за ногу и присвистнулъ.

— Разумѣется. Это теперь не принято. Моды такой нѣтъ.

Колгушинъ удивился.

— Скажите, пожалуйста! — Значить, больше процвѣтаетъ гражданскій бракъ. Такъ сказать, вокругъ кустика?

— Да-съ, теперь проще смотрятъ.

Бобка слегка наклонился къ Колгушину и сказалъ что-то въ вполголоса. Колгушинъ осклабился, сталъ потирать руки. Катя спустилась со ступенекъ террасы и пошла въ вишенникъ.

Быль четвертый часъ дня, только что прошелъ дождь, и по песку дорожки Катины слѣды влажнѣли. Туча воровьевъ, скворцовъ слетѣла изъ чащи; въ проглянувшемъ солнцѣ серебромъ осыпались брызги. Пахло очаровательнымъ тепломъ и влагой июльскаго припарка. На западѣ, куда шла Катя, небо совсѣмъ прояснѣло, и края тучъ залились золотистымъ огнемъ. „Глупые они оба,“ думала Катя, идя и похлестывая себя по ногѣ вѣткой. Она улыбнулась, и вдругъ слезы выступили у нея на глазахъ. „Могла ли я подумать, ну могла ли подумать?“ Она подошла къ забору, къ тому мѣсту, откуда видно было уже поле, и гдѣ тогда, вечеромъ, онъ ее цѣловалъ. Прислонившись къ забору, она положила голову на руки, вздохнула и закрыла глаза. Никого не было вблизи. „Онъ сказалъ мнѣ: вы страшно милая.“ Солнце стало ее пригрѣвать; она разомлѣла, и съ мучительной сладостью повторяла про себя: „страшно милая.“ Даже закружилась немного голова. Но черезъ минуту очнулась. „Это ловко! Такъ вѣдь можно и Константина прозѣвать.“

Слова относились къ тому, что сегодня обѣщалъ пріѣхать Константинъ Сергѣичъ къ четыремъ часамъ, и Катя

просто выходила его встрѣчать, а днемъ была не въ духѣ оттого, что шелъ дождь, и онъ могъ не пріѣхать.

Теперь же, напротивъ, явилась непоколебимая увѣренность, что пріѣдетъ. Она спустилась въ ложбинку, гдѣ стояли копны Петра Петровича и пахло покосомъ; потомъ поднялась на изволокъ и зашагала мимо ржей, уже золотистыхъ, теперь тоже влажныхъ и парныхъ. Какъ бы тонкій, свѣтящійся туманъ стоялъ надъ ними.

Катя не ошиблась. Не прошла она и десяти минутъ, какъ изъ хлѣбовъ показалась „Андромеда“, вороная полукровная кобыла Панурина. Нынче Константинъ Сергѣичъ ѣхалъ не верхомъ, а въ дрожкахъ. Лошадь шла рѣзво, и высокіе его сапоги, какъ и накидка, были забрызганы грязью.

— Вотъ какъ я угадала, — Катя блестя улыбкой, когда онъ приблизился. — Вы очень аккуратны.

Пануринъ остановилъ лошадь и не слѣзая поцѣловалъ Катѣ руку.

— Ну, какъ жи-ивемъ? Какъ Богъ грѣхи ми-луетъ?

— Мнѣ хочется съ вами на дрожкахъ проѣхаться. — Можно? Только не сразу къ намъ, а сперва немного прокатиться,

— Во-первыхъ, грязно, вы забрызгаетесь. А затѣмъ, какъ же вы ся-дете? Вѣдь вы же въ ю-убкѣ?

Но пока онъ недоумѣнно соображалъ, Катя уже устроилась, лицомъ назадъ, прислонившись спиной къ широкой и худой спинѣ Константина Сергѣича.

— Теперь трогайте. Только не шибко.

Катю потряхивало, и, правда, летѣли иногда комья грязи, но ей все же было уютно, какъ-то удобно за спиной Константина Сергѣича: былъ онъ очень свой, какъ дядя, или отецъ, но съ чѣмъ-то еще инымъ, восторженно-жуткимъ.

— Я при-везу домой изъ васъ сбитыя сливки, — бормоталъ Пануринъ, поправляя пенснэ передъ вѣздомъ въ усадьбу. — Врядъ ли ваша сестрица, кото-орую вы отчасти справедливо именуете Матерью, по-благодарить меня за это.

— Ничего, — отвѣтила Катя, — я уже взрослая.

Пануринъ обернулся, увидѣлъ въ верхкѣ отъ себя сѣро-зеленые, сейчасъ робкіе глаза и улыбнулся.

— Если бы мы не вѣзжали въ усадьбу, я по-ощлявалъ бы васъ въ лобъ.

Но, дѣйствительно, этого нельзя было сдѣлать. Они огибали уже елочки посреди двора, а на галлерейкѣ дома, у самаго подъѣзда, стоялъ Бобка, въ русской рубашкѣ, заложивъ руки въ карманы, въ красныхъ сафьянныхъ туфляхъ.

— Вотъ она, видите ужъ гдѣ, дѣвица, — обратился онъ къ вышедшему изъ дому Колгушину, — а всего часъ назадъ мы съ ней разговаривали.

Колгушинъ потиралъ руки.

— Да, — быстро обернулись, Катерина Михайловна. Дѣйствительно, очень быстро. И Константинъ Сергѣичъ. Очень пріятно. Тѣмъ болѣе, я только что получилъ извѣстіе: на воскресеніе владыка назначилъ освященіе нашей церкви. Нѣсколько поторопился старичекъ, еще рабочая пора не отошла, но что подѣлаешь. Надѣюсь, что вы, Константинъ Сергѣичъ, какъ ближайшій сосѣдъ, не откажетесь присутствовать на нашемъ торжествѣ.

Пануринъ нескладно слѣзъ съ дрожекъ, отдалъ возжи работнику.

— Это очень интересно. — Особенно, какъ бытовая картина.

Какъ обычно, за вечернимъ чаемъ хозяйничала Мать, сидя за самоваромъ. Катя были сдержана и серьезна. Бобка читалъ „Русское Слово“. Нѣсколько развалясь, онъ восхищался фельетонами.

— Бойкое перо. Очень ловко прохватилъ. Это литература, я понимаю!

Послѣ чаю, когда большая гостинная наполнилась уже красноватымъ сумракомъ, Пануринъ къ удивленію присутствовавшихъ подошелъ къ роялю, снялъ съ него кисею и посредственно сыгралъ шопеновскій полонезъ.

Слушали его Катя и Мать, сидя на диванѣ. Въ сере-

динѣ пьесы Мать вызвали зачѣмъ-то. Пануринѣ кончилъ, подошелъ къ Катѣ и сѣлъ рядомъ.

— Отчего вы никогда не говорили, — шепнула Катя, тронувъ его холодной рукой, — что играете на роялѣ?

— Значенія не при-даю. — Съ дѣтства учили языкамъ, музыкѣ... — Онъ помолчалъ, и потомъ вдругъ прибавилъ: — А въ общемъ изъ меня ни-ничего не вышло. Ни въ ка-акой области.

Катя слегка приникла къ нему.

— Опять на себя наговариваете.

— Не ду-маю. Мнѣ бы гораздо больше хотѣлось быть, дѣйствительно чѣмъ-нибудь. Хотя бы хорошимъ трубачомъ въ оркестрѣ.

Катя улыбнулась.

— Трубачомъ!

Она больше ничего не сказала. Ее охватывало умиленіе. Константинѣ же Сергѣичъ тоже сталъ молчаливъ, какъ-бы грустенъ и довольно скоро уѣхалъ.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Катя подверглась нѣкому допросу Матери. Она держалась и ничего особеннаго не выдала. Но верхнимъ чутьемъ женщины Мать поняла, что дѣло не вполне чисто. Ее это не удивляло, но все же нѣсколько безпокоило. Мать привыкла считать Катю маленькой. Катя же и въ эту ночь, какъ и въ другія, засыпала плохо. Слишкомъ много новаго и особеннаго пришло въ ея жизнь. Она думала о себѣ, о немъ. Теперь уже знала, что его любить, и старалась понять, какъ онъ къ ней относится. Онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ, но ни разу не сказалъ больше того, что она милая и славная дѣвушка. Тутъ что-то для нея было неясно.

VII.

Въ день освященія погода выдалась отличная, прямо какъ по заказу для торжества. Былъ тотъ официально нарядный лѣтній день, когда по очень синему небу плывутъ барашки, въ полѣ тянетъ жаркій вѣтеръ, и расфранченныя бабы идутъ отъ обѣдни.

Народъ явился не только изъ Щукина, но и изъ со-
сѣднихъ деревень; было немало разноцвѣтныхъ платковъ,
шуршащихъ и пахнущихъ деревенскихъ платьевъ; были
пріодѣтыя учительницы, на каблучкахъ; много расчесан-
ныхъ и подмасленныхъ мужицкихъ бородъ и проборовъ.
Поддевки, пиджаки, „благообразіе“. Въ тѣни подъ деревь-
ями сидѣли пѣвчіе изъ Москвы, изъ частнаго хора, въ уди-
вительныхъ кафтанахъ, красно-синихъ. Ростомъ и пестро-
той наряда они напоминали папскую гвардію.

Прифрантились и Мать съ Катей — въ бѣленькомъ,
всегда идущемъ къ молодымъ лицамъ. Бобка былъ въ
желтыхъ туфляхъ и свѣтло-кофейномъ жилетѣ, но, ко-
нечно, всѣхъ замѣчательнѣе Колгушинъ; при сюртукѣ бѣ-
лый галстухъ, запахъ персидской сирени, и на лѣвой сто-
ронѣ груди, подъ красной вѣшалочкой — рядъ орденовъ:
медаль пятидесятилѣтія земства, жетонъ за постройку хра-
ма, военно-конская перепись, сельское хозяйство, содѣйствіе
почтовому отдѣленію и прочее. Былъ онъ какъ бы оберъ-
комендантъ торжества.

Это онъ трепеталъ за карету преосвященнаго; онъ
его и встрѣчалъ, и первый подошелъ подъ благословеніе

Служба шла долго. Было много довольно сложныхъ
дѣйствій: мыли алтарь, помазывали новыя иконы, служили
передъ занавѣсью, которую потомъ отдернули. Для пре-
освященнаго устроили возвышеніе, гдѣ онъ, въ епископской
митрѣ и парадномъ облаченіи, какъ бы предводилъ дѣй-
ствіями шести священниковъ, нѣсколькихъ діаконовъ и хора
папской гвардіи. Петръ же Петровичъ оперировалъ у кас-
сы, съ блаженнымъ видомъ, слегка потѣя, продавалъ свѣчи
и не могъ налюбоваться церковью, которая вся заново была
расписана блѣдно-розоватыми и голубыми иконами, дабы,
какъ выражался Петръ Петровичъ, „веселѣе было мужич-
камъ молиться“. Въ извѣстный моментъ, какъ полагается,
онъ, сіяя отправлялся по толпѣ съ блюдомъ, гдѣ для вну-
шительности лежали двѣ пятирублевки; за нимъ несли
кружки. Мать съ серьезностью дала двугривенный; достала
изъ тощаго портманчика монетку и Катя и холодными
пальцами положила на тарелку. Какъ разъ за минуту пе-

редь тѣмъ она увидѣла Константина Сергѣича: онъ разсѣянно и неловко вошелъ, тоже въ сюртукѣ, и какъ Катѣ показалось „заграничномъ“. Откинуль прядь волосъ на вискѣ и сталъ глазами искать знакомыхъ. „Не буду смотрѣть, пусть самъ найдетъ“, подумала Катя, для которой тотъ уголь церкви, гдѣ онъ стоялъ, сразу чѣмъ-то зажегся. И она стала всматриваться въ преосвященнаго, который воздѣвалъ въ эту минуту руки вверхъ. Константинъ Сергѣичъ, разумѣется, подошелъ.

Служба протекала гладко и правильно. А тѣмъ временемъ въ усадьбѣ, въ столовой Петра Петровича, шли въ своемъ родѣ величественныя приготовленія: къ „трапезѣ“. На приглашеніяхъ, разосланныхъ заранѣе, было напечатано, даже, по ошибкѣ: „тропеза“. Накрывали чистыя скатерти; черезъ дворъ изъ кухни носили тарелки съ кусочками осетрины, на которую садились мухи. Откупоривали мадеру для штатскихъ, а для священниковъ кагоръ. Пѣвчихъ предполагалось кормить отдѣльно. Ихъ было такъ много и они оказались столь громадны, что являлось опасеніе: пожалуй, сожрутъ все, что въ усадьбѣ есть, и еще будутъ недовольны.

Церковь отъ дома была шагахъ въ трехстахъ, но все же, по окончаніи службы, Петръ Петровичъ, клоня голову вбокъ передъ владыкой, предложилъ ѣхать въ каретѣ. Владыка устало вздохнулъ, отказался. Тогда и всѣ пошли пѣшкомъ.

— Ну-съ, батенька, — говорилъ Колгушину Бобка, шагая съ нимъ рядомъ. — Владыка-то вашъ оказался такъ себѣ, съ перчикомъ.

Колгушинъ добросовѣстно удивился.

— Я этого понять не могу. Да. Что, собственно, значитъ, что преосвященный можетъ быть съ перчикомъ? Или же безъ перчика?

Бобка продолжалъ небрежничать.

— Отъ архіерея должно пахнуть сладостью и такимъ затхлымъ, тепленькимъ. А этотъ простоватъ. И голосъ не такой. Нѣтъ, онъ скорѣй на монаха аѳонскаго смахиваетъ.

Бобка былъ, пожалуй, и правъ. Преосвященный, полусъдой, но не старый, казался недостаточно пышнымъ для своего сана; въ обращеніи былъ сдержанъ, покоенъ, и выглядѣлъ нѣсколько утомленно.

За столомъ ему отвели первое мѣсто; вокругъ въ смущеніи мялись священники. Владыка привычно, усталой манерой, сотворилъ молитву, привычно съѣлъ, какъ дѣлалъ это уже десятки разъ, и традиціонно поздравилъ Петра Петровича съ открытіемъ храма. Петръ Петровичъ, лоснясь и блестя отъ волненія, провозгласилъ тостъ за владыку. Владыка равнодушно поблагодарилъ и поклонился всѣмъ, кто его привѣтствовалъ.

Противъ архіерея Колгушинъ посадилъ Константина Сергѣича, какъ самаго, по его мнѣнію, образованнаго чело-вѣка изъ присутствовавшихъ. Съ нимъ сидѣла Катя, а Мать и Бобка были не такъ близко, въ сторонѣ. Бобка остался этимъ недоволенъ. „Напрасно онъ думаетъ“, буркнулъ онъ Матери: „что я съ архіереемъ не могу разговари-вать. Я, можетъ, еще почище господина Панурина изъясняюсь. Онъ, вонъ, заикается“. — „Молчи, молчи, Бобка“ — зашептала на него Мать; — „сиди ужъ смирно, да на ма-деру не очень налегай, а то, вѣдь, знаешь, какъ иногда бываетъ“. — „Что жъ что бываетъ, что мнѣ мадера-то?“ нарочно громко отвѣтилъ Бобка. — „Я этой самой мадерѣ бочку могу выпить“.

И онъ демонстративно налилъ себѣ порядочную рюмку. „Подумаешь, я мадеры испугался!“ Мать дернула его за фалду, и въ сердцѣ у нея похолодѣло.

Между тѣмъ, Константинъ Сергѣичъ завязалъ разговоръ съ преосвященнымъ. Разговоръ этотъ начался съ того, что Константинъ Сергѣичъ, нѣсколько сбиваясь и путаясь, спросилъ владыку, какъ относится церковь къ попыткамъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей по-новому понять христіанство.

Владыка смотрѣлъ на него холодноватымъ, безразличнымъ взоромъ. Казалось, и объ этомъ онъ говорилъ тысячу разъ, и это тоже неинтересно.

— Въ вопросы богословія, — отвѣтилъ онъ, — свѣт-

скіе писатели, за рѣдчайшими исключеніями, вносятъ путаницу и сумбуръ. Я слышалъ объ этихъ модныхъ мечтаніяхъ. Но за обиліемъ дѣлъ не удосужился прочесть. Впрочемъ, — въ молодость мою, въ бытность въ Академіи, я много читалъ покойнаго Владиміра Соловьева. Приходилось даже съ нимъ встрѣчаться. Это былъ великій умъ, избранный сосудъ.

Бобка успѣлъ уже выпить нѣсколько рюмокъ мадеры, и держа пятаю за ножку, на столѣ, откинувшись нѣсколько на стулѣ, тяжелымъ взоромъ глядѣлъ на владыку.

— Это вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, ваше превосходительство, — вдругъ заявилъ онъ громко, обращаясь къ архіерею, — что разные тамъ свѣтскіе любители наукъ и искусствъ чрезмѣрно зазнаются. Это совершенно правильно! — прибавилъ онъ, дерзко поглядѣлъ на Константина Сергѣича и выпилъ.

Мать похолодѣла, быстро зашептала ему на ухо. Владыка съ удивленіемъ взглянулъ на Бобку и сталъ рассказывать Панурину про Соловьева. Петръ Петровичъ тоже замялся, но вывозило то, что преосвященный рассказалъ довольно длинную исторію изъ своей студенческой жизни, гдѣ игралъ роль и Соловьевъ. Петръ Петровичъ слушалъ его, склонивъ голову на бокъ, и по временамъ повторялъ вполголоса: — „Да, Соловьевъ, да“. При этомъ думалъ, что это тотъ самый, что написалъ романъ „Вольтерьянецъ“. Нѣкогда, въ иллюстрированномъ журналѣ, Петръ Петровичъ читалъ даже этотъ романъ, и ему пріятно было слушать о писателѣ, котораго онъ зналъ.

Много помогло Матери то, что преосвященный не былъ расположенъ рассяживаться. Онъ ничего не пилъ, ѣлъ мало: въ прошломъ у него была воздержанная, правильная жизнь. Онъ отбылъ тяготу обѣда, сколько нужно, и затѣмъ высказался, что пора въ путь.

У Бобки оставалось еще порядочно недопитой мадеры, но онъ рѣшилъ, что все равно не упуститъ своего, и попрощался съ архіереемъ очень прилично, даже почтительно: подошелъ подъ благословеніе, поцѣловалъ руку.

Между тѣмъ, подали уже карету, и у галлерейки

Петра Петровича толклись любопытные. Мать съ Бобкой стояли у окна. Мать держала его подъ руку, прятала по временамъ возбужденное, хохочущее лицо за его спиной и дѣлала кота: она была очень рада, что все кончилось болѣе или менѣе сносно; и съ тѣмъ чувствомъ, какъ дѣти дождають оставшіяся отъ гостей конфекты, она не хуже Бобки хлопнула двѣ рюмки мадеры. Бобка же кланялся уѣзжавшему архіерею и, когда карета обогнула куртину елокъ, даже помахалъ ему вслѣдъ платкомъ.

Мать хохотала за его спиной.

— Ну, проводилъ друга? Когда-то еще увидите?
Бобка, Бобка, ты бы поплакалъ!

— Онъ мнѣ, положимъ, не другъ. Но что же, онъ почтенный пастырь. Я могу оказать ему вниманіе.

— А я думала, непременно выйдетъ скандалъ, — говорила Мать, отирая слезы смѣха.—Превосходительствомъ назвалъ! — Она опять фыркнула.

— Это просто маленькая ошибка. Но онъ совершенно правильно сказалъ объ этихъ господахъ, вродѣ мистера Панурина. Посмотри, преосвященный уѣхалъ, а ужъ онъ навѣрно гдѣ-нибудь Катерину развиваетъ, обучаетъ нѣжнымъ чувствамъ.

Нельзя сказать, чтобы Бобка былъ совсѣмъ неправъ. Константинъ Сергѣичъ Катю не развивалъ и нѣжнымъ чувствамъ не обучалъ, но, правда, когда гости разъѣхались, они вышли въ садъ и по Катиному предложенію пошли къ пруду. Этотъ самый прудъ, гдѣ Мать купалась, теперь зацвѣталъ мелкой зеленью, и вода его, чувствовалось, была очень тепла. Катя сѣла на скамеечку. Она сдерживалась. Константинъ Сергѣичъ имѣлъ видъ разсѣянный. Ему было нѣсколько жарко въ сюртукѣ; подъ конецъ тоже утомила церемонія.

Катя вздохнула.

— Мы съ Мамашей здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ, — скоро надо и уѣзжать. Смотрю на этотъ прудъ, онъ мнѣ кажется другой, чѣмъ когда сюда пріѣхали. И вся эта усадьба другая, да и весь свѣтъ.

— Это бываетъ, — сказалъ Пануринъ невесело.

Катя смолчала.

— Я два дня думаю объ одной вещи, но не рѣшаюсь вамъ сказать.

Константинъ Сергѣичъ опустилъ голову.

— Го-оворите. Почему же не рѣшаетесь?

Катя нѣсколько поблѣднѣла.

— Вы все-таки очень странный человекъ... Я васъ не вполне понимаю. Можетъ быть, потому, что я простая дѣвушка. Но главное... вы, по моему, меня совсѣмъ не любите. Такъ, между прочимъ. Славная дѣвушка, милая дѣвушка.

Константинъ Сергѣичъ сбоку поглядѣлъ на нее внимательнымъ, серьезнымъ взоромъ. Отвѣтилъ онъ не сразу.

— Дорогая, вотъ въ васъ уже женщина про-снулась. Вы тоже на моихъ глазахъ очень измѣнились.

— Мнѣ сегодня очень плохо,—прошептала Катя. Пануринъ спросилъ тихо, съ нѣкоторой грустью:

— Почему у васъ такія мысли? Было бы не-евѣрно ска-зать, что вы мнѣ не нравитесь. Напротивъ. Можетъ быть, я немного даже влюбленъ.

Катя молчала.

— Но вамъ не этого надо,—прибавилъ онъ ласково, чуть усмѣхнувшись. — Вамъ надо, чтобы я прыгнулъ въ ва-асъ, какъ въ этотъ пру-удъ, и съ головой бы. Только бы пузырьки со дня пу-скасть.

— Я на васъ правъ никакихъ не имѣю. И не смѣю имѣть.

— Нѣтъ, дѣло не въ пра-авахъ...

Пануринъ сидѣлъ задумавшись. Снова, какъ тогда на балконѣ, въ его имѣннн, предвечернее небо было особенно прозрачно, высоко и тонко. Медленно блестялъ прудъ; иногда всплескивала въ немъ рыба. Тихое золото разливалось вокругъ, золото было въ далекомъ жнивѣ за прудомъ, въ крестцахъ ржи, въ самомъ свѣтломъ героеъ сегод-дняшняго дня — спускающемся солнцѣ. Пануринъ откусилъ травинку.

— Я могу любить васъ въ томъ смыслѣ, въ ка-акомъ люблю этотъ свѣтъ, солнце, кра-соту русской природы.

Можетъ быть, я, дѣйствительно, странный человѣкъ, но всегда та-кимъ былъ. Для меня тѣ, кто мнѣ нра-вился, всегда были искрами пре-екраснаго, жен-ственнаго, что разлито въ мірѣ. Женщина же, какъ и вы, хо-очетъ без-раздѣльнаго го-осподства. Этого во мнѣ, дѣйствительно, нѣтъ.

Помолчавъ, Пануринъ прибавилъ:

— У меня были связи. Но женатъ я не былъ. Теперь я одинъ, какъ видите.

Катя сидѣла, закрывъ лицо руками. Потомъ вдругъ она выпрямилась, медленно обвила руками шею Панурина и приблизила къ его лицу сѣро-зеленые глаза, въ кото-рыхъ было теперь безуміе.

— Все равно. Я тебя люблю.

Изъ саду, все ближе, стали раздаваться голоса: Бобка вель подъ руку Петра Петровича и ораторствовалъ на-счетъ архіерея.

VIII.

Срокъ отпуска у Матери кончился, и, несомнѣнно, пора было уѣзжать, но наступили жары — тѣ іюльскія жары, что дѣлаютъ наше лѣто хоть на что-нибудь похо-жимъ. Матери не хотѣлось трогаться въ такое время, да и Катя, хотъ и была сумрачна, все же, очевидно, не со-чувствовала. Мать многое теперь понимала, и хотѣла даже такъ устроить, чтобы Катя осталась одна на нѣкоторое время у Колгушина. Но все вышло по иному.

Почему-то Константину Сергѣичу понадобились въ Москвѣ книги, которыя проѣздомъ онъ оставилъ у дя-дюшки, московскаго старика. Константинъ Сергѣичъ об-молвился объ этомъ у Колгушина. Катя рѣшила, что именно она ихъ привезетъ: съѣздитъ въ Москву съ Матерью, оставитъ ее и возвратится съ книгами. Ей страшно нрави-лось, что она будетъ въ городѣ по его дѣламъ; что по-ѣздка съ нимъ связана, да еще сюда вернется.

Въ той же телѣжкѣ, по тѣмъ же полямъ, что и пол-тора мѣсяца назадъ, Мать и Катя катили къ той же стан-ціи, въ ту же самую Москву.

Для Матери разница была лишь въ томъ, что теперь убирали хлѣба, было гораздо жарче и пыльнѣе; Катѣ же казалось время, когда онѣ жили съ Матерью въ меблированныхъ комнатахъ у Курскаго вокзала, чѣмъ-то легендарно-далекимъ и неяснымъ. Да есть-ли, правда, эта самая Москва? Можетъ все, что съ ней было до поѣздки — дѣтскій сонъ, милая, безцвѣтная фантазмагорія?

Однако, Москва стояла на своемъ мѣстѣ; приближался вечеръ, когда они подѣзжали. Москва завѣсилась струистымъ, раскаленнымъ, тонко-пыльнымъ пологомъ — издалека сіялъ въ немъ золотой куполь Спасителя, расплавленная глава Ивана Великаго.

Войдя въ свою комнату, Катя отворила окно и взглянула на тѣ пути Курской дороги, по которымъ онѣ только что проѣхали, и которые — казалось ей весной — ведутъ въ далекую и неизвѣстную страну. Теперь они вели въ опредѣленное мѣсто; на географической картѣ оно приняло золотой ореолъ, заставлявшій замирать сердце.

Мать сняла шляпу.

— Разбери-ка вещи, дѣвушка. А я пойду по телефону говорить.

Это значило, что начинается ежедневная человѣческая жизнь, съ мелочами, бѣготней, службой. Катя покорно улыбнулась, стала развязывать чемоданъ. Теперь за всей этой обыденщиной стояло великое солнце и теплымъ лучемъ, золотомъ наливало каждый ея шагъ. Она продѣлывала все, что полагается человѣку, вернувшемуся въ квартиру изъ отсутствія, и даже мало въ чемъ ошибалась, но была въ тѣхъ же снахъ, какъ это послѣднее время.

Такъ она и легла въ этотъ вечеръ, такъ и встала на утро, и ходила къ дантисткѣ, къ „Работнику“ по порученію Колгушина; тамъ бродили обвѣтренные помѣщики, а Катя неловко сунула испорченную часть жнеи. Около трехъ дня, въ великую жару, она зашла въ молочную. Молоко ей дали холодное. Она выпила залпомъ, и ей даже понравилось, что такъ освѣжаетъ.

Потомъ вскочила на трамвай и на задней площадкѣ, подъ боковымъ, горячимъ солнцемъ покатила по кольцу

Садовыхъ. Она ѣхала къ Ивану Лукичу Арефьеву, дядѣ Константина Сергѣича, и домовладѣльцу.

Иванъ Лукичъ жилъ на Плющихѣ, во флигелѣ при особнячкѣ; къ нему надо было проходить по мосткамъ черезъ дворъ, хотя и мощеный, но съ травкой между камнями. За флигелемъ былъ садъ.

Иванъ Лукичъ отворилъ ей самъ, не снимая предохранительной цѣпочки. Увидѣвъ барышню, пустилъ охотно.

Былъ онъ небольшого роста, довольно аккуратный старичокъ въ лостриновомъ пиджакѣ. Много лѣтъ избирался въ Городскую Думу умѣренными либералами и вотиновалъ кредиты на мостовыя. Это былъ его любимый пунктъ. Какъ горячій москвичъ и патріотъ, особенно страдалъ онъ за мостовыя. Разъ ему удалось произнести объ этомъ рѣчь, сорвавшую аплодисментъ. Затѣмъ, дважды онъ выступалъ въ почтенной газетѣ со статьями: „Еще къ вопросу о поливкѣ улицъ“ и „О сравнительныхъ качествахъ булыжной мостовой и гранитной брусчатки по даннымъ центрального бюро изслѣдованія шоссейнаго дѣла въ Германіи“. Тутъ онъ горой стоялъ за гранитъ.

Иванъ Лукичъ вѣжливо попросилъ Катю въ кабинетъ, гдѣ были книги, висѣлъ портретъ Михайловскаго и стоялъ маленькій акваріумъ съ рыбками. Тутъ онъ прочелъ письмо.

— Костины книги, барышня, у меня въ полномъ порядкѣ, и сію минуту я ихъ выдамъ вамъ.

Затѣмъ снялъ съ полки пакетъ, завязанный веревочкой, и подалъ Катѣ.

— А вы его сосѣдка будете?

Катя объяснила.

— Такъ-съ. Надо сказать, что Костю я знаю съ дѣтства. Отецъ его былъ ученѣйшій человекъ, Костя тоже образованный, но нѣсколько, какъ бы сказать... мечтательнаго направленія. Знаете, какъ вообще современные люди. Мы-съ, — сказалъ онъ тверже, — выросли на иной заправкѣ. Я и самъ, если угодно знать, положительнаго образа мыслей.

Иванъ Лукичъ былъ очень любезенъ съ Катей. Онъ

всучилъ ей даже чашку чаю съ печеньемъ, спрашивалъ, какіе теперь на курсахъ лучшіе профессора, и вышелъ проводить до воротъ. Но по дорогѣ вдругъ энергически абордировалъ человѣка, вышедшаго изъ какой-то калитки.

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричалъ онъ довольно высокимъ голосомъ, — я покорнѣйше прошу, разъ на всегда, не пользоваться проходнымъ дворомъ черезъ мои владѣнія. Покорнѣйше прошу!

Человѣкъ обратилъ на него мало вниманія и удалился. Иванъ Лукичъ былъ обиженъ.

— Вотъ у насъ все такъ! И что за некультурность, удивляешься просто.

И уже стоя въ воротахъ, прощаясь съ Катей, онъ все рассказывалъ, что къ сожалѣнію, Москвѣ далеко до столицъ запада. Не говоря о мостовыхъ, отношеніе высоты домовъ къ ширинѣ улицъ въ Москвѣ приближаетъ ее къ уѣздному городу. Катѣ было это неинтересно. Она ушла, а если бы постояла еще, Иванъ Лукичъ могъ бы ей рассказать, какъ иногда въ свободныя утра ѣздитъ смотрѣть на постройку новыхъ вокзаловъ, почтамта, осматриваетъ даже частные строящіеся дома — и все изъ чистаго, безцѣльнаго интереса: радуясь росту своего города.

Но трудно было бы втолковать влюбленной слушательницѣ высшихъ курсовъ, въ двадцать два года, что-либо о поливкѣ улицъ или устройствѣ скверовъ!

Катю занимало теперь то, — когда можно будетъ вернуться въ Щукино. Ее огорчала дантистка, никакъ не отпускаявшая раньше недѣли.

Дама, обрабатывавшая Катины зубы, была полнокровна, серьезна, въ духѣ интеллигентки стараго типа; она ни на юту не отступала отъ своихъ медицинскихъ идей. Угрожала разными словами, вродѣ п у т р е ф и к а ц і я пульпы, и подавляла Катину волю своей основательностью.

Такъ прошло дней семь. Дама полировала уже пломбы, и Катя считала, что послѣзавтра, съ книгами Константина Сергѣича, она будетъ въ Щукинѣ.

Солнце садилось. Красными квадратами пятнало оно стѣну дантистской комнаты. Было жарко, хотя и пріот-

крыто окно. Катя, сидя въ креслѣ, подѣ заботливыми руками г-жи Щаповой, вдругъ почувствовала большую усталость, какъ бы головокруженіе. Руки, ноги стали довольно тяжелы. Кончивъ послѣднія свои манипуляціи, г-жа Щапова заглянула Катѣ въ глаза, нѣсколько угасшіе, помутнѣвшіе, и приложила руку ей ко лбу.

— Голубчикъ, — сказала она мягкимъ и низкимъ голосомъ, — у васъ жарокъ. Смѣряйте себѣ температуру.

Уже спускаясь съ лѣстницы, Катя почувствовала, что въ ней что-то сидитъ. Оттого и туманъ въ головѣ, и зябкость, и тяжелое тѣло. Она плелась по душной улицѣ, гдѣ блѣднѣлъ уже газъ въ фонаряхъ. „Захварываю“, — подумала: — „все равно послѣзавтра уѣду“. Тутъ внезапно ей стало такъ скучно, тоскливо, что захотѣлось сѣсть на тротуарѣ. Она добрела все же до трамвая и въ лиловыхъ московскихъ сумеркахъ летѣла въ немъ; ей навстрѣчу неслись другіе вагоны, роняя зеленыя искры, красныя огнями фонарей. Она сидѣла у окошка, положивъ голову на руку, полувывиснувшись изъ вагона. Красныя и зеленыя нити, шумъ, быстрота, все это отлично входило въ ея мозгъ; казалось, такъ и должно быть. Суতোлка Сухаревой башни, Красныя ворота въ кровавомъ закатномъ отблескѣ, толпа на платформахъ, непрерывные звонки трамваевъ, разлетающихся отсюда вѣромъ — все такъ и надо. И лишь слѣзая, у себя, не хотѣлось. Все же она слѣзла и добрела въ номеръ.

Въ номерѣ было полутемно и пусто. Мать сегодня дежурила, и нельзя было ждать, чтобы она вернулась ночью. Въ окно видны были золотые огни Курской дороги; золотистыя пятна трепетали на стѣнахъ, и доносились свистки, пыхтѣніе, иногда грохотъ. Катя подошла къ окну—оно было отворено, опустилась на подоконникъ и вдругъ очень горько заплакала. Ей съ необычайной ясностью припомнился послѣдній разговоръ съ Константиномъ Сергѣвичемъ, въ день освященія церкви. „Не любить!“ застонала она. „Боже мой, Боже мой!“ И все плакала, смотрѣла на желѣзные пути, отливавшіе сіяющими отблесками.

Ей показалось, что никогда не попадетъ она по нимъ больше туда, куда зоветъ сердце.

Потомъ устала плакать, быстро сняла свою нехитрую аммуницію, недлинные чулки, бросила ихъ на спинку кровати, хотѣла-было распустить волосы, да очень болѣла голова. Такъ и легла.

Утромъ Катя уже не встала. Мать, вернувшись, очень обезпокоилась, и безпокойство ея усилилось, когда термометръ показалъ очень много. Она, все же, приняла это за инфлуэнцу. Лишь черезъ три дня докторъ, ея сослуживецъ по больницѣ, установилъ твердо, что это брюшной тифъ. Плохо отозвалось Катѣ холодное молоко, что пила она въ жару.

IX.

Форма тифа оказалась тяжелая. Десять дней Катя не приходила въ сознание; десять дней Мать, забросившая свою больницу, отбивала ее у смерти. Все-таки, отбила.

То, что раньше называлось Катя, обратилось въ маленькое, тихое и покорное существо, иногда стонущее, иногда бредящее. Такъ какъ ее обрили, то нелегко было даже ее узнать.

Мать устроила ее въ частной лѣчебницѣ, у своей подруги, которая хозяйничала тамъ съ двумя товарками. По лѣтнему времени никого почти не было, и Катя лежала одна въ комнатѣ, очень высоко, въ шестомъ этажѣ дома у Красныхъ воротъ. Въ комнатѣ ея было чисто, тихо и свѣтло, какъ бываетъ въ хорошихъ учрежденіяхъ. Видна была изъ окна Садовая, вся въ зелени; вдаль — Сухарева башня, и еще далѣе синѣли лѣса Сокольниковъ. Когда солнце садилось, то надъ Сухаревой вились стаи голубей; отблескивали золотисто-мѣднымъ проволоки телеграфа, висѣвшія легкими холстами. Знойно-пыленъ былъ воздухъ; мгла завѣшивала дали — то опаловымъ, то красновато-фіолетовымъ. Звенѣли трамваи. Тяжело грохотала ломовыми, ъобозами Москва.

Наступило, наконецъ, время, когда Катѣ стало

лучше. Паль жаръ, она стала спокойнѣе, прояснился взглядъ. Она могла уже разговаривать, даже немного читать; стоялъ сентябрь. Медленно, точно вновь рождаясь, начала она вспоминать, что съ ней было до болѣзни. Чѣмъ больше вспоминала, тѣмъ дѣлалась тише.

— Илья, позвала она разъ сестру. — Ну-ка, поди сюда.

Мать подошла. Катя внимательно вертѣла въ рукахъ бумажку отъ конфекты, складывала ее такъ и этакъ. Она очень серьезно, негромко, какъ бы опасаясь, что смутится, спросила:

— Что отъ Панурина не было мнѣ письма?

— Этотъ Пануринъ, — отвѣтила Мать, — и не знаетъ даже, гдѣ ты. Да брось ты про него думать. Была охота! Тебѣ выздоравливать надо.

Катѣ понравилось, что она сыграла дуру: правда, откуда могъ знать Константинъ Сергѣичъ, что она больна, въ лѣчебницѣ? А ей, все-же, казалось, что знаетъ! Она вспомнила и про книги и воспользовалась ими, чтобы самой написать. Сдѣлала она это очень внушительно: такъ что Мать не могла ни сказать ничего, ни протестовать.

На ея письмо не было отвѣта. Она написала другое — то же самое. Отправила третье — но уже Колгушину. Тутъ отвѣтъ пришелъ и очень скоро. На обратной сторонѣ конверта, посрединѣ, была круглая синяя печать-штемпель: „Экономія Щукино, П. П. Колгушина“. Строчкой ниже, по-французски: „P. P. Kalgouschin“. Ровнымъ конторскимъ почеркомъ Петръ Петровичъ выражалъ горячее соболѣзнованіе. О Константинѣ Сергѣичѣ сообщалъ съ точностью; мѣсяць назадъ онъ выѣхалъ за границу.

Ночью Катя много плакала. Проснулась и Мать, спавшая все еще въ этой комнатѣ. Она встала съ постели, какъ была — въ одной рубашкѣ, подошла къ Катѣ, привалилась къ ней своимъ мощнымъ тѣломъ, поцѣловала и заплакала. Плакала она обильно, какъ сама была обильная, горячими слезами.

— Катюшка! — бормотала она. — Катюшка!

Задыхаясь отъ рыданья, всхлипывая, Мать шептала:

— Развѣ ты можешь отъ меня скрыть? Я давно вижу.

Поздней осенью Катя оправилась настолько, что могла ходить, но съ палочкой — болѣли ноги. Это было одно изъ осложненій тифа, и называлось довольно хитро: вродѣ—хроническій полиневритъ.

На головѣ она носила чепчикъ, подѣ которымъ от-растали колечки новыхъ волосъ.

Ея внѣшняя жизнь такъ же шла, какъ и раньше, въ то далекое — казалось теперь — время, когда она не знала еще Константина Сергѣича. Такъ же Мать работала въ больницѣ, такъ же ходилъ къ нимъ Бобка, иногда бывалъ весель и любезень, иногда придирался, ревновалъ. Въ душѣ Мать была довольна, что таковъ онъ: по крайней мѣрѣ, мужчина, а не размазня. Она многое знала о Константинѣ Сергѣичѣ отъ Кати. Этотъ рѣшительно былъ не въ ея вкусѣ. „Только все одинъ разговоръ, и ничего существеннаго. Мучаютъ они дѣвушекъ, а какой толкъ?“

Катя попрежнему ходила на курсы. Она стала тише и молчаливѣе. Кто мало ее зналъ, быть можетъ, и мало замѣтилъ бы. Но когда она оставалась одна, ночью въ постели, или вечеромъ, вернувшись съ курсовъ — а Мать дежурила, — ее томила любовь и тоска любви. Она принялась писать что-то вродѣ дневника. Писала письма — довольно много! но не отправляла ихъ. Впрочемъ, разъ даже отправила — за-границу — и лучше бы не отправляла. Она получила отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ былъ ласковъ, но не оставлялъ сомнѣній.

Ей представилось, что все это: что она тоскуетъ, не спать ночами, пишетъ туманно-безумныя письма — все ни къ чему. Тогда она рѣшила, что забудетъ его, какъ онъ и писалъ. Но и это нелегко. Съ горькой настойчивостью думалось: ну хорошо, ну къ чему же было это все, это лѣто, ея безуміе, болѣзнь, и теперешняя болѣзнь души?

Въ то время, когда страдала, она не могла, разумѣется, отвѣтить. Неизвѣстно, отвѣтитъ ли и вообще когда-нибудь. Неизвѣстно, преддверіе ли это большихъ чувствъ и радостей, которыя придутъ въ ея жизнь, или преждевременный ожогъ. Надо надѣяться, что первое. Слѣдуетъ полагать, что съ годами, вкусивъ любовь, опредѣляющую всю жизнь,

сдѣлавшись опытной, умной и, вѣроятно, печальной, она съ улыбкой, и — кто знаетъ? — пожалуй, съ сочувствіемъ вспомнить первый свой жизненный шагъ.

Можно надѣяться на это и еще вотъ почему: весной слѣдующаго года съ Катей произошелъ пустой, но знаменательный случай. Въ мартовскія сумерки, розоватыя, съ легкимъ ледкомъ по лужамъ, Катя выходила съ курсовъ, у Дѣвичьяго поля. Въ этотъ солнечный день была она нервно возбуждена. Сѣвъ въ трамвай у площадки, гдѣ играютъ въ лаунъ-теннисъ, Катя съ необычайной ясностью вспомнила Константина Сергѣича: вѣроятно, была это даже мгновенная галлюцинація — ей представилось, какъ играли они лѣтомъ въ его имѣніи. На минуту у нея захватило дыханіе; но она себя поборола, отвернулась къ окну, и подъ гулъ убѣгавшаго трама съ меньшей убѣдительною почувствовала, что все это лежитъ въ быломъ — неповторимомъ. Она мокрыми отъ слезъ глазами глядѣла на Площиху, гдѣ была у Ивана Лукича. Плохо понимая, что вокругъ происходитъ, ясно сознавала, однако, что въ груди ея какъ будто отдѣляется и отплываетъ огромная льдина, такъ долго давившая сердце.

Недѣли черезъ двѣ она получила изъ-за границы, бандеролью, книгу, на русскомъ языкѣ, сочиненіе Константина Сергѣича: „О раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ въ связи съ мистикой“. При бандероли было письмо; онъ просилъ простить его и забыть.

Катя улыбнулась на книгу и поставила ее на полку. Письмо же не знала — спрятать или уничтожить? Но оно казалось ей ненужнымъ.

Притыкино
1914. г.

Рафаэль.

Миренъ сонъ и безмятежень даруй ми...

М о л и т в а.

I

Радуга вознеслась. Капли еще падали, расплавленнымъ серебромъ. Подъ рыже-золотистой тучей, набухавшей, клубившейся, было сине-стальное, и Сабинскія горы нѣжно, призрачно бѣлѣли на темномъ фонѣ. Смутныя тѣни бродили по Кампаньѣ; выхваченный солнцемъ, ярко свѣтлѣлъ кое-гдѣ акведукъ, руина замка. А вблизи все налилось закатнымъ, золотисто-зеленѣющимъ сіяніемъ. Въ немъ блестяла мокрая трава. Паръ вставалъ надъ болотцами.

Переждавъ дождь въ придорожной остеріи, Рафаэль медленно ѣхалъ верхомъ на тонконогомъ рыжемъ жеребцѣ съ мягко-лоснящейся шерстью. Сегодня, въ одиночествѣ, выѣзжалъ онъ на ардеатинскую дорогу; тамъ осматривалъ найденный саркофагъ и двѣ статуи; а теперь огородами, виноградниками пробирался къ городскимъ воротамъ. До захода солнца надѣялся еще поглядѣть часть авреліановой стѣны, гдѣ, какъ слышалъ, среди кладки попадались замурованные антики.

Уже близки были стѣны, съ грузными башнями воротъ. Таинственные камыши ручья Альмоне, изливавагося близъ стѣны, шелестѣли, погружаясь въ сонъ. Вода зачмокала подъ копытами варварійца — онъ закусилъ удила,

осадила задомъ и заиграла сухими, огненными ножками. Рафаэль натянул поводья; и когда конь снова мирно зашагалъ, вынулъ изъ подъ плаща свертокъ, запечатанный восковой печатью съ оттискомъ летящаго Меркурія. Эти стихи занесъ ему утромъ арапченокъ монны Лаурана, поэтессы, племянницы кардинала — всему Риму извѣстной странностями. Она переводила Пиндара, одѣвалась въ темные плащи — наполовину по мужски — бродила иногда по Кампаньѣ, вслухъ декламируя. Ее считали какъ-бы вѣщей.

Рафаэль развернулъ свертокъ.

Тебѣ свѣтлѣй горитъ звѣзда чертога,

Тебѣ дарованы любви вѣнцы.

Но помни смертный...

„Что сказалъ - бы объ этомъ Бембо!“ — подумалъ онъ, съ улыбкой. „Не даромъ онъ считаетъ Лаурану безумной, и... посредственной поэтессой, несмотря на всю ее любовь къ древности!“ Но дочитавъ, вздохнулъ, и осторожно спряталъ свертокъ. „Обликъ Сивиллы, грозящей предсказаніями. Но что предсказывать? Миѣ, идущему однимъ путемъ, всю жизнь — однимъ путемъ!“

И совсѣмъ ослабивъ поводья, лишь иногда придерживая коня, чтобы лучше разглядѣть камни, вѣхалъ онъ вдоль стѣны. Кое-гдѣ кусокъ мрамора попался въ ней — теплой, драгоценной заплатой: торсъ, стволъ колонны. Недалеко отъ воротъ С. Себастьяно, за кустомъ, выросшимъ въ трещинахъ, рассмотрѣлъ онъ нѣжное мраморное тѣло ребенка, охваченное каменнымъ объятіемъ. Онъ остановился, слѣзъ. Держа коня въ поводу, подошелъ, долго глядывался, погладилъ. Подъ рукой мраморъ казался тающимъ — свѣтлой божественной природы. Точно вѣчная жизнь, благоуханная и трепетная, въ немъ заключена. Но зачѣмъ онъ здѣсь? Видимо, это варварская починка стѣны Аврелиана, когда хватали первое, попавшееся подъ руку, чтобы заштопать кладку.

Долго не могъ Рафаэль оторваться. Но сова всполохнулась, и беззвучно вылетѣла изъ разсѣлины. Затру-

билъ военный рожокъ. Давно угасла радуга, и розовый закатъ протянулъ по небу свои шелка. Вершины горъ въ немъ алѣли. А вблизи уже сгущался сумракъ; кой-гдѣ туманъ засинѣлъ—надъ сырыми мѣстами. Пора было возвращаться. И старательно запомнивъ мѣсто, Рафаэль юношески вспрыгнулъ на сѣдло. Черезъ нѣсколько минутъ въѣзжалъ уже въ ворота С. Себастьяно. За нимъ былъ день, полный исканья, чувствъ, творенья. Нѣтъ, что бы ни писала Лаурана, ни одного мгновенія, ни вдоха, и ни взгляда глазъ ужъ не отдашь.

Копейщики, при въѣздѣ, окликнули его, и преградили дорогу. Но онъ не везъ ничего недозволеннаго. Да и капитанъ его узналъ, раскланялся.

— Поторапливайтесь, маэстро; уже темнѣетъ. Въ переулкахъ Рима одному не безопасно.

Рафаэль улыбнулся, и поблагодарилъ. О, сколько разъ ѣздилъ онъ, и ходилъ ночнымъ темнымъ Римомъ, наединѣ съ судьбой, любовью, нѣжностью. Никогда и никто его не тронулъ. Такъ и теперь довѣрчиво фхаль, среди пустынныхъ садовъ, въ направленіи къ древнимъ Порта Капена. Стрѣлами темнѣли кипарисы за невысокой стѣной, мелкой листвою шелестѣли вѣчно-зеленые дубы; кое-гдѣ золотистые лимоны свѣшивались — пахло влагой, лимонами, пригрѣтой за день, благоухающей сейчасъ землей. Недалеко отъ базилики Нереея и Ахиллея, справа отъ стѣны, обдѣланная въ античной маскѣ, бѣжала струйка воды. Ее принимала мраморная цистерна. Варваріецъ потянулся къ водѣ. Рафаэль отпустилъ поводья, далъ напиться. Было тихо. Налѣво, на небѣ съ красными космами облаковъ, вырѣзывалась страшная громада Термъ Каракаллы. Прямо, вдали высился Септизоніумъ. Гдѣ-то звонили мягко, одиноко. Высоко, надъ облаками, какъ далекіе вѣстники, протянули со слабымъ клекотомъ журавли. Вода слабо журчала.

— Ну, другъ, впередъ! — И, тронувъ коня, рысью поѣхалъ Рафаэль къ туманному Палатину. Онъ обогнулъ его, выѣхалъ къ церкви Санта Марія инъ Космединъ. Въ узенькихъ улочкахъ передъ Тибромъ зажигались огоньки.

Въ остеріяхъ жарили баранину — на вертелахъ. Дѣвичій смѣхъ слышался въ закоулкахъ. Башмачки стучали по камнямъ. Высунувшись изъ оконъ, яростно ругались черезъ улицу сосѣдки.

Рафаэль перебрался черезъ Тибръ, древнимъ мостомъ у острова, и конь медленно, пофыркивая пошелъ въ гору среди безчисленныхъ закоулковъ Трастевере. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ воткнутый въ желѣзную скобу факель то склонялъ красноватое пламя, заливаемый дымомъ, то горѣлъ ровно, золотисто, — Рафаэль слѣзъ, и постучалъ у двери. Сверху отворилось окно; женская голова выглянула, и свѣжій грудной голосъ крикнулъ: „А, это вы мессере! Я сейчасъ!“ И въ черномъ переулкѣ, подъ звѣздами, уже вышедшими въ небѣ, юная трастевринка черезъ минуту отворяла ворота, вводила лошадь, обвѣвала пришедшаго смуглотой косъ, нѣжностью, румянцемъ. По кривой, скрипучей лѣстницѣ вновь они поднялись. На одномъ изъ поворотовъ, въ темнотѣ наткнулись на старую бочку изъ подъ вина, засмѣялись, онъ толкнулъ ее, она присѣла на край бочки. Въ небольшое окошечко виденъ былъ темно-багровый угасающій закатъ, да лицо Рафаэля, блѣдное, томно-напряженное, съ блестящими глазами.

„Милый, сколько ждала тебя!“ И она его обняла, полузакрывъ глаза. Черезъ минуту вздохнула, шепнула: „Ну, идемъ, идемъ.“ Встала и повела еще выше, въ скромную комнатку съ окномъ на Тибръ, съ огромною кроватью и Мадонною надъ нею.

Сіяя черными своими древними глазами, она сказала, указывая на Мадонну:

— Ты великій художникъ. Если ты меня любишь, то напиши Мадонну для меня, а не только для кардиналовъ и князей.

Рафаэль отвѣтилъ, что и ее онъ напишетъ — въ обликѣ мадонны. Она зардѣлась и засмѣялась. „Я простая цвѣточница!“ Но ея профиль съ выточеннымъ лбомъ, тонкимъ носомъ, узломъ черныхъ косъ былъ достоенъ классической камені.

Начало зеленѣть за Тибромъ, и Венера, свѣтлая утрен-

няя слеза, засеребрилась надъ Сантъ-Анджело, когда внизъ по скрипучимъ ступенямъ спускался Рафаэль. Блѣдность, ласка были на его лицѣ. Конь дожидался. На дворѣ собака на него залаяла — Рафаэль свистнулъ, лай прекратился: никогда животныя не обижали его. Песъ подошелъ, и покорно, съ вѣжливостью лизнулъ руку, какъ покорно, холодѣющими устами начертала поцѣлуй трастевежинка.

По пустынному Риму, Яникуломъ, къ Борго Нуово, несъ неторопливый конь хозяина, въ разсвѣтъ. Римъ не безопасенъ ночью. Бываетъ, темные люди ждутъ у перекрестковъ. Дозоры ходятъ. Тибръ кофейно-мутенъ, льется, льется — печалю, радуя...

Покойный конь четко ступаетъ. Невозбранно возвращается Рафаэль.

II

Всѣ легли во время въ огромномъ, холодноватомъ дворцѣ на Борго Нуово. Блѣдно отблескивали венеціанскія зеркала съ рѣзными амурами; каріатиды сгибали шеи подъ тяжестью потолка; ткани умолкли, угасъ переливающійся хрусталь въ люстрахъ. Лишь золотистый паркетъ слабо иногда потрескивалъ.

Но наверху, въ небольшой комнатѣ, куда вела витая лѣсенка, горѣла еще скромная лампа; у стола, заваленнаго рисунками, картинами, надъ тетрадью въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ сидѣлъ Дезидеріо, землякъ и ученикъ Рафаэля. Онъ слегка горбился; изъ разстегнутаго, бѣлаго воротника выходила тонкая, полудѣвичья шея, и несла голову некрупную, темноволосую, съ нѣжными задумчивыми глазами. Но ужъ волненья, Римъ, работа — прогоняли съ лица простодушный румянецъ. Ученикъ былъ худѣе и блѣднѣе, чѣмъ-бы слѣдовало.

Нетвердымъ почеркомъ Дезидеріо писалъ: „Онъ не взялъ меня нынче на раскопки. Я не знаю почему. Впрочемъ, что ему я — робкій, ничѣмъ не замѣчательный? А хотѣлось бы съ нимъ быть всегда! Давно полночь минула, его нѣтъ. И такъ каждый вечеръ. Дни его горятъ. Ему

мало дней. Мало работъ, заказовъ, наблюдений, мало славы и восторга кардиналовъ, св. Отца. И ночей не щадить онъ. Рѣдко возвратится ранѣе разсвѣта—но всегда юный, и всегда очаровательный... Впрочемъ, иной разъ какъ-бы тѣнь, раздумье и мечтательность проходятъ въ немъ — онъ тогда удаляется отъ всѣхъ "...

Отложивъ перо на минуту, Деидеріо продолжалъ:

„Наши ученики, отъ Пинно, перваго, до меня, послѣдняго, боготворятъ его. Иначе и не можетъ быть. Необычайная прелесть въ немъ. Вчера Ансельмо сказалъ: если бы Учитель сошелъ въ Адъ, за Эвридикой, то достаточно было-бы его взгляда, чтобы свирѣпый Плутонъ отпустилъ возлюбленную. Да, взглядъ его чаруетъ. Женщины не могутъ устоять предъ нимъ. Незачѣмъ ему играть на лютнѣ, какъ Орфею, чтобы онѣ за нимъ слѣдовали. Поклоняясь красотѣ божественной, онъ слабъ и къ земной. И его влекутъ какъ дамы римскія, какъ безстыдныя куртизанки, такъ и цвѣточницы и простыя трастеверинки. О, Боже мой, если-бы я обладалъ гениемъ его... Неужели и я тратилъ-бы ночи на безумства? Впрочемъ умолкну: не мнѣ судить, или даже понимать Учителя. Онъ прекрасенъ. Все, что онъ дѣлаетъ, безупречно. И быть можетъ, сама жизнь его — каждый ея мигъ — есть хвала, высшій фиміамъ Творцу, надѣлвшему его великими дарами“.

Въ окнѣ обозначилось зеленѣющее небо — тонкій разсвѣтъ. Лаяли вдали собаки. Пѣтухи запѣли. Деидеріо потушилъ лампу, спряталъ тетрадь и собирался уже лечь на бѣдную свою, полумонашескую постель, какъ внизу, по мостовой, раздалось цоканье подковъ — знакомый, острый звукъ. Онъ вздрогнулъ. Въ легкомъ волненти спустился внизъ въ залу, полную еще опаловаго сумрака. Лишь въ подвѣскахъ люстръ, да въ плавномъ стеклѣ оконъ начинало блѣдно струиться и свѣтлѣть. Слышно было, какъ внизу хлопнула дверь, задвинули засовъ. По лѣстницѣ спокойные шаги — и черезъ минуту передъ нимъ Рафаэль.

— Ты еще не спишь?

— Я ожидаю васъ, учитель.

Рафаэль улыбнулся — томной, нѣсколько усталой и блѣдною улыбкой.

— Можно подумать, что ты за мной слѣдишь, или ревнуешь.

Дезидеріо смутился.

— Мнѣ не хотѣлось спать... Къ тому же... можетъ быть, вамъ понадобится что-нибудь... Всѣ уже легли.

Рафаэль посмотрѣлъ на него внимательнѣй. — Ты слишкомъ много учишься. Сталъ худѣть. Смотри, какъ бы я не отправилъ тебя назадъ, въ Фоссомброне.

— Этого не можетъ быть, Учитель, тихо, дрогнувъ, отвѣтилъ Дезидеріо. — Вы не сдѣлали-бы мнѣ дурного...

Рафаэль покачалъ головой.

— Вотъ какъ! Вотъ какъ!

Дезидеріо прошелъ за нимъ въ спальню, подалъ умыться, помогаль раздѣться. На прощанье Рафаэль поцѣловаль его въ лобъ, и провелъ рукой по нѣжной, теплобѣлющей шеѣ. — Иди спать, затворникъ, — ласково сказалъ онъ. — Если бы всѣ мои ученики были какъ ты, то мастерская моя обратилась бы въ монастырь.

Дезидеріо покраснѣлъ, слегка задохнулся. Затѣмъ поцѣловаль руку мастера и вышелъ. Вновь — не хотѣлось идти наверхъ, вновь онъ зналъ, что теперь ужъ не заснетъ. И взявъ стулъ, тихонько, чтобы не разбудить, поставилъ его у полураскрытой двери, сѣлъ. Временами заглядываль въ комнату, гдѣ Рафаэль, глубоко вздохнувъ, быстро заснулъ на низкомъ своемъ ложѣ, подъ парчево-золотистымъ одѣяломъ. Онъ лежалъ на спинѣ, соединивъ на груди руки, и большой, блѣдный лобъ его, въ черныхъ кудряхъ, ясно выдѣлялся на восточномъ коврѣ. Синеватыя тѣни легли подъ глазами. Онъ былъ такъ недвиженъ, тихъ въ зачинавшемся зеленовато-золотистомъ утрѣ, что Дезидеріо стало даже жутко — точно въ легкой ладѣ отчаливалъ Учитель къ островамъ блаженныхъ. Но это не была смерть, лишь сонъ, ея прообразъ, вводящій душу въ свои, ему лишь вѣдомыя владѣнія.

Такъ просидѣлъ юноша довольно долго, и когда ушелъ, солнце подымалось уже за Монте Кавалло. Рафа-

эль-же спалъ крѣпко. Онъ проснулся гораздо позже. Легкія облачкаплыли по небу; голубой апрѣльскій предполоудень одѣваль Римъ свѣтомъ и благоуханіемъ.

Темнозеленая вѣтвь съ золотистыми апельсинами, перевитая лентою, съ надписью шелкомъ soave—утренній привѣтъ поклонницы — лежала на ночномъ столикѣ художника. На серебрянномъ подносики — записка отъ Апостолическаго секретаря; св. Отець ровно въ полдень, послѣ выстрѣла изъ пушки желалъ его видѣть. „Мы, милостью Божьей Левъ X“, думалъ Рафаэль, одѣваясь: „во всемъ намѣренъ походить на бурно-пламеннаго нашего предшественника. Значить, опять будутъ торопить, подгонять“... Онъ отвернулъ занавѣсъ окна и выглянулъ: какъ всегда, скромный осликъ, навьюченнй поклажей, постукивалъ копытцами по мостовой; шагаль капудинъ, босой, съ веревкою у пояса; абруццанки въ деревянныхъ корсетахъ, короткихъ бархатныхъ юбкахъ направлялись къ Санъ Пьетро — изъ далекихъ своихъ горъ, со своимъ благоговѣніемъ, молитвой, ясной душой. Курица гдѣ-то кудахтала. Набѣгала тѣнь облачка, голубоватою волной, вновь свѣтлѣло, и веселѣй швырялъ камешкомъ въ голубя уличный мальчикъ. О, уйти-бы въ Кампанью, одному лежать на спинѣ, слушая жаворонковъ, дыша, слѣдя за тихимъ бѣгомъ облачковъ! Неохотно собрался Рафаэль къ св. Отцу: всѣ колѣнопреклоненія, длинныя и медовыя рѣчи кардиналовъ — даже самыхъ изящныхъ и обольстительныхъ — все это благообразный, медлительный сонъ, который, правда, нужно-же продѣлывать... а можетъ быть, не такъ ужъ и необходимо?

Но не пойти онъ не могъ. И какъ во многія утра, черезъ полчаса входилъ, со всѣми церемоніями, во внутренніе покои властелина церкви. Голубоватый, дымно-весенній свѣтъ наполнялъ комнату. Въ окно виденъ былъ уголь строящагося собора, кусокъ серебряннаго, въ блескѣ Тибра, и далекія пиніи холма Яникула.

У самага окна, за небольшимъ, малахитовымъ столикомъ, грузно облокотясь на него, сидѣлъ Папа. Держа въ рукѣ, выхоленной и пухлой, лупу, разсматривалъ онъ не-

большую книжку. Художникъ привычно поцѣловаль эту руку. Папа кивнулъ ему привѣтливо.

— А? — онъ слегка задыхался отъ толщины, и перевелъ на него водянистый взглядъ безцвѣтныхъ глазъ.

— Что ты на это скажешь? Грамматика древне-еврейскаго языка. Смѣшные люди не только умѣли писать своими завитушками удивительные псалмы, рассказывать о Ноѣ, Моисеѣ и прочихъ почтенныхъ старцахъ, но теперь даже издали правила своего языка... Подумать только! правила языка, на которомъ все читается справа налево... а, какъ это тебѣ нравится?

— Значить они достаточно трудолюбивы, ваше Святейшество.

Папа захохоталь, и кружевнымъ платочкомъ ослѣпительной бѣлизны отеръ влажный лобъ.

— Да, трудолюбіе, трудолюбіе, вещь почтенная. Ну, и слава Господу; никто въ нашихъ владѣніяхъ не грѣшитъ особенно противъ этой добродѣтели. Но вѣдь издано удивительно, а? — онъ опять постучаль лупой по пергаменту. — Да, дѣла просвѣщенія и благословенной красоты радуютъ, весьма радуютъ на склонѣ лѣтъ. Я люблю все это — и не стану скрывать: Тацитъ, изданный впервые въ мой понтификатъ, это, любезнѣйшій Рафаэль, много интереснѣй, чѣмъ нелѣпныя схизмы, распространяющіяся на свѣтѣ. И ты трудись, да, похвально. А что же разбойникъ подрядчикъ? Бембо говорилъ вчера, что опять онъ обманулъ тебя, и ужъ апрѣль, а травертинъ все не прибываетъ?

Папа вдругъ разсердился.

— Да вѣдь я... знаешь, что я съ нимъ за это сдѣлаю?

Рафаэль вздохнулъ, и покорно, тихо и спокойно сталъ рассказывать о затрудненіяхъ съ травертиномъ. Папа слушалъ внимательно. Иногда вставляль слово — оно должно было показать, что и онъ все знаетъ и понимаетъ не хуже строителя. Рафаэль почтительно дѣлалъ видъ, что это именно такъ. Папа замѣтно успокаивался.

— Какъ всегда, блаженный Санціо, ты умиротворяешь и погружаешь въ какое-то сладостное оцѣпенѣніе. Когда слушаешь тебя, то смолкаютъ тревоги, будто великій му-

зыкантъ играетъ на віолѣ. Итакъ, ты находишь, что задержка эта временная, и на ближайшихъ дняхъ все будетъ наведено. Dominus det tibi fortitudinem. Онъ перекрестилъ его. Надъ тобою звѣзда побѣды. Вѣрю твоимъ безоблачнымъ рѣчамъ. Ну живи, работай, не увлекайся чрезмерно прелестницами — ты еще будешь мнѣ нуженъ чрезвычайно. И не одному мнѣ, прибавилъ онъ, засмѣявшись: искусству, человечеству.

Папа иногда любилъ, сказавъ самую обычную вещь, вдругъ обрадоваться, и сдѣлать видъ, будто вышло превосходно и онъ самъ пораженъ тонкостью языка своего. Рафаэль это зналъ, почтительно поклонился.

— Вы оказываете мнѣ великую честь, Ваше Святѣйшество. Честь, мною незаслуженную.

Папа милостиво кивнулъ, и взялся за лупу.

Выходя, въ слѣдующей комнатѣ, Рафаэль чуть не столкнулся съ кардиналомъ Джуліо Медичи. Быстро, неслышными шагами пробирался тотъ къ Папѣ; замѣтивъ художника мгновенно измѣнилъ свое лицо — съ холодной озабоченности на привѣтъ, любезность. Длинный и тонкій его носъ, надъ полными губами, казалось, остро вынюхивалъ. Что-то влажное было въ его лицѣ, неприятно-лоснящееся и медоточивое. Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія, онъ схватилъ Рафаэля подъ руку, слегка отвелъ, чтобы не было слышно второму секретарю, слѣдовавшему за нимъ, и вполголоса произнесъ:

— Милѣйшій нашъ Агостино, изящнѣйшій амфитріонъ и поклонникъ возвышеннаго, привѣтствуетъ завтра закатъ солнца на своей виллѣ. Вамъ приглашеніе послано. И надѣюсь, Рафаэль, вы не откажетесь?

Джуліо блеснулъ на него большими, темными и тоже влажными глазами, торопливо пожалъ руку.

— Навѣрно, мы встрѣтимъ съ вами тамъ восходъ солнца, какъ во времена былыя съ прекрасной Имперіей... Онъ слегка хихикнулъ. — А теперь спѣшу, спѣшу, къ святому нашему вождю, отцу и столпу христіанской церкви.

Онъ любезно кивнулъ, и быстро надѣлъ на лицо свое — прежнее, холодно-значительное выраженіе дипломата.

Рафаэль-же, неторопясь, шелъ далѣе. Какъ и вчера, какъ завтра, посылало солнце голубовато-золотистые ковры свои на землю, одѣвая комнаты сіяніемъ свѣтлымъ, трепетнымъ. Въ этомъ былъ благодный привѣтъ благословеннымъ мѣстамъ. Рафаэль чувствовалъ на себѣ нѣгу свѣта — какъ бы ослабѣвалъ, растворяясь въ ней. Ему хотѣлось широко дышать, пить этотъ свѣтъ, какъ легкій, и обоже- ствленный нектаръ.

И незамѣтно, не спускаясь внизъ, къ постройкамъ и подрядчикамъ, оказался онъ въ комнатѣ della segnatura, гдѣ со стѣнъ взглянули на него видѣнія юности, фрески Парнаса, Диспута, Афинской школы. Въ какомъ снѣ пригрезились онѣ ему? Вотъ вновь — сонмы святыхъ, философовъ, поэтовъ, дивная въ легкости своей архитектура, небесный синклитъ, рошица Аполлона, и среди свѣтлаго хора отвлеченностей — отголоски знакомыхъ, нѣкогда милыхъ лицъ. Графъ Кастильоне, съ длинной бородой, Браманте, герцогъ Монтефельтро, и сама Имперія, имя которой все упомянулъ Джуліо — въ обликѣ Сафо перебираетъ струны лиры, какъ перебирала ихъ нѣкогда на віа Джуліа. Никого не было въ комнатѣ. Ласкалось солнце, да цвѣтныя золотисто-радужныя пылинки плавали безостановочно. „Этого уже не будетъ“, вдругъ подумалось ему, и безотчетная стрѣла пронзила сердце. Какъ эти вѣчноуплывающіе токи золотого свѣта, уплыла юность, Имперія, свѣтлыя вдохновенія, какъ уплыла уже вчерашняя трастевринка, какъ улетаетъ каждый вздохъ его, и мигъ. „Въ далекій путь“, пѣла со стѣны лира Сафо. „Въ далекій путь, гдѣ тѣни свѣтлы и прозрачны роши“.

Въ тотъ день стѣны возводимаго Собора не увидѣли своего строителя: приступъ мечтаній и таинственной тоски овладѣлъ имъ, и изъ Ватикана, неизвѣстно зачѣмъ, онъ побрелъ къ Санта Марія делла Паче. Тамъ глядѣлъ на Сивиллъ, выведенныхъ его-же кистью въ капеллѣ Киджи, на летящихъ ангеловъ со свитками, и въ глазахъ сивиллы Фригійской, задумчивой и дивной Имперіи, читалъ то-же, что слышалъ въ лирѣ Сафо. Мгла, сіяніе золота, лампадъ... „Почему ушла отъ насъ внезапно Имперія? Что за судьба

ея? думаль онъ, возвращаясь берегомъ Тибра. И понять этого нельзя было, какъ необъяснимо и рожденіе подобной красоты.

Въ одиночествѣ сидѣлъ онъ подѣ платаномъ, недалеко отъ водъ. Мутныя, кофейно-желтыя, катились онѣ мимо. Женщина полоскала бѣлье. Ребенокъ бѣгалъ. Сантъ-Анджело вздымался, со своими башнями, зубцами. Къ нему лѣпились домики съ лоджіями на косыхъ подпорахъ. Носились ласточки. Солнце склонялось. Безпредѣльно голубѣло небо; безбрежно вѣтерокъ набѣгалъ. Безконечно Тибръ шумѣлъ. Трудно было узнать, правда все это, или милый сонъ, дивный миражъ?

III

На другой день, съ утра, зашелъ Рафаэль къ себѣ въ мастерскую, гдѣ Пинно и Ансельмо трудились, заканчивая „Преображеніе,“ оглядѣлъ все, кое-что поправилъ, но не могъ долго задерживаться, направлялся въ Ватиканъ. Тутъ ходилъ по лѣсамъ, подмосткамъ, наблюдалъ за кладкой, покойно, твердо говорилъ съ подрядчикомъ — хитрымъ бородатымъ генуэзцемъ, постоянно переходившимъ на непонятный свой жаргонъ дженовезе: наконецъ сѣлъ опять на коня, и въ сопутствіи учениковъ, слугъ, отправился въ Кампо-Ваччино, на раскопки. А оттуда долженъ былъ заѣхать къ Биббленѣ посмотреть коллекцію монетъ, только что купленныхъ; потомъ распорядиться насчетъ мраморнаго младенца въ стѣнѣ Аврелиана, работать дома, отвѣтить заальпійскому художнику — вообще вести тотъ непрерывный, рабоче-творческій день, что и была—жизнь его. Нынче чувствовалъ онъ себя особенно бодримъ, остролегкимъ и молодымъ. Казалось мало ему свѣта, римскаго апрѣльского солнца, мало улыбокъ на лицахъ, цвѣтовъ у дѣвушекъ. И ласково, съ неотвратимой нѣжностью, взглянулъ онъ, у театра Марчелла, на двухъ быстроногихъ, тоненькихъ горожанокъ, сверкнувшихъ на него огромными глазами. Онѣ вспыхнули, и засмѣялись подѣ его взоромъ,—къ нему полетѣла красная роза. Онъ поймалъ, улыбнулся, кивнулъ и прикрѣпилъ ее къ себѣ на грудь. Варваріецъ-

же, испугавшись, рвануль и галопомъ вынесъ къ древнему мутному Тибру, видѣвшему Ромула, любви царей и императоровъ.

И лишь проѣзжая Кампо-ди-Фіори, вздохнулъ блаженный Рафаэль, даже закрыль-бы взоръ рукой: посрединѣ, довольно высоко на столбахъ, громоздилась неуклюжая клѣтка; три человѣка, въ колпакахъ, сидѣли въ ней— это были воры, обокравшіе церковь. Завтра повезутъ ихъ, черезъ Римъ, въ шутовскихъ митрахъ съ дьявольскими изображеніями, къ Латерану; тамъ четвергуютъ и сожгутъ. А пока нѣсколько аллебардщиковъ караулятъ ихъ, народъ толпится, слышенъ говоръ — въ двадцати-же шагахъ мирно торгуютъ на лоткахъ ленточками, амулетами, жарятъ на жаровняхъ рыбокъ, уличные писцы пишутъ письма... Нѣтъ, мимо, мимо! Ни издѣвательствъ, и ни кражъ, ни казней не желаетъ проѣзжающій художникъ — это мелко, горестно, ненужно. Со спокойнымъ, свѣтлымъ интересомъ погружится онъ у Биббіена въ міръ статеровъ, дариковъ, дидрахмъ. Можетъ быть, вспоминая „Парнасъ“, прочтутъ они отрывокъ божественнаго Платона, перль типографіи Мануція; послушаютъ сонетъ Кастиліоне, выпьютъ по бокалу сициліанскаго, отдадутъ честь куропаткамъ, и фазанамъ. Голубой день будетъ надъ ними безмятеженъ.

Но сегодняшняго вечера пропустить нельзя. И къ семи Рафаэль уже дома, — робкій Дезидеріо лишь немного видѣлъ его — Учитель вновь переодѣлся, онъ не можетъ запаздывать, огорчать друга своего, Агостино Киджи, встречающаго закатъ на при-Тибрской виллѣ.

Все-же къ закату Рафаэль не поспѣлъ. Солнце уже скрылось; гигантскій оранжевый вѣеръ сіялъ за Ватиканомъ, въ немъ четко чернѣли пиніи по холмамъ, и глубокимъ, насыщеннымъ блескомъ были полны улицы Рима, когда Рафаэль всходилъ по лѣстницѣ. Слуги въ богатыхъ ливреяхъ низко кланялись. Благоухали цвѣты въ корзинахъ. На верхней ступенькѣ послѣднія лобзанья солнца залили его пурпуромъ, кинули алыя пятна на простѣнокъ, потолокъ. Легко, въ нѣжно-шуршащемъ шелкѣ шелъ Рафаэль, онъ ощущалъ аромать роскоши, изящества, милыхъ

женщинъ, — и вступилъ въ залу, гдѣ въ синѣющемъ полумракѣ зажигались уже золотые канделябры. Ровное мелодичное журчаніе голосовъ — многіе уже собрались — несло оттуда.

И эту залу, и виллу зналъ Рафаэль — самъ онъ, и ученики его трудились тутъ, накладывая на стѣны, своими фресками свѣтлый покровъ радости. Летали голуби Венеры, нѣжная Психея восходила на Олимпъ — совершать бракъ съ Амуромъ; небожители въ облакахъ принимали ее, правили свадебный пиръ, цвѣты сыпались, разливались благоуханія, и бессмертная пляска увеселяла сердца бессмертныхъ. А могучая природа одаряла ихъ цвѣтами, и плодами, бабочками, птицами — все жило и шелестѣло въ дивныхъ фризахъ.

— Наконецъ-то Рафаэль, и вы. Наконецъ! — говорилъ хозяинъ, Агостино Киджи — высокій, тонконосый, съ гривой волосъ бородатый человѣкъ, беря его подъ руку. — Мы ужъ подумали, что вы обманете.

Рафаэль мягко поклонился.

— Этого, кажется, со мною еще не было.

Гости шумно и весело его привѣтствовали.

— Бериальдо собирался ужъ читать новыя сонеты, — ласково проговорила мона Порція, у которой художникъ почтительно поцѣловалъ руку. — Но поджидали васъ.

Рафаэль поклонился снова и сказалъ, что если-бы эти сонеты были прочтены дважды, врядъ-ли остался-бы ктонибудь недоволенъ.

— Но пойдете сюда, другъ мой, — продолжалъ Агостино, увлекая его къ лоджии: — пока не завладѣла вами какая-нибудь изъ Психей, сдѣлайте честь вину, для васъ сохраненному!

И Агостино, слегка раздувая тонкія ноздри, вывелъ его въ просторную лоджию, всю разубранную цвѣтами, съ видомъ на Тибръ и Римъ. Небольшіе столики были разставлены у баллюстрады. За ними сидѣли, пили, смѣялись. У одного, съ большимъ букетомъ чайныхъ розъ, они сѣли. Агостино налилъ изъ хрустальнаго, граненаго графина по бокалу вина.

— Все то-же вино, — Рафаэль улыбнулся: — что и боги пили на свадьбѣ Психеи. Только въ венеціанскомъ бокалѣ.

И держа его за тоненькую ножку, прежде чѣмъ выпить, вдохнулъ онъ нѣжный аромать.

— Да, любезнѣйшій Рафаэль, не будь я христіаниномъ и банкиромъ его Святѣйшества, я хотѣлъ-бы, чтобы послѣ смерти жизнь моя шла въ томъ-же олимпійскомъ мірѣ, что вы такъ чудно воскресили на стѣнахъ нашихъ.

Рафаэль протянулъ опорожненный бокалъ.

— Еще вина, дорогой Агостино.

— Охотно, да, ваше здоровье! За ваше чародѣйное искусство.

Они чокнулись.

— Да, продолжаю, я желалъ-бы жить вѣчно въ воздухѣ Олимпа. Смерть... ахъ, не хотѣлъ-бы я ее, и ни сейчасъ, и ни когда-либо.

Онъ слегка вытянулъ впередъ и сжалъ руки. Глаза его блеснули — почти дико, страстно. — Если говорить серьезно... *это*, понятно, будетъ... рано или поздно, Но — дальше, дальше! Вы еще въ цвѣтѣ лѣтъ, Рафаэль, а у меня уже сѣдины. Правда, судьбы своей никто не знаетъ... Ахъ, я хочу еще жить, хочу, художникъ! — почти вскрикнулъ онъ. — О, какія во мнѣ силы! Я хочу бороться, повелѣвать, ласкать... творить, я хочу, чтобы вокругъ меня были люди какъ вы, я хочу напитать всю жизнь красотой, и быть вѣчно въ огнѣ, въ огнѣ...

Онъ оперся локтями на колѣна, сжалъ голову. — Вы поймете меня. Вы поймете — вѣдь не только-же торгашъ я, и не только рудники, конторы, банки меня занимаютъ... Хотя, — прибавилъ онъ, и глаза его заблестѣли вновь: — и *это*... о, и это увлекаетъ, и богатство, и могущество.

Рафаэль вздохнулъ.

— Я люблю жизнь не меньше вашего. И какъ разъ сегодня кажется она мнѣ особенно прелестной. Но... за все послѣднее время, съ какой-то новой, необыкновенной ясностью я чувствую, насколько все мгновенно, какъ призрачно,

Агостино... Я не удивился бы ничему такому, что ранѣе казалось страннымъ... и далекимъ.

Агостино улыбнулся.

— Вы цвѣтете! И вы знаете, что ничто горькое васъ не задѣнетъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Рафаэль покойно и какъ-бы задумчиво: — мы вѣдь ничего не знаемъ — я лишь повторяю ваши слова. А скажите, будетъ у васъ нынче Лаурана?

— Будетъ... полоумная женщина. Почему вы спрашиваете?

— Она прислала мнѣ стихи. Я хотѣлъ-бы поговорить съ нею.

Въ это время въ залу, уже ярко сѣвшую въ сумеркахъ, плавными и неслышными своими шагами вошелъ кардиналь Джулио. Длинный его носъ, какъ всегда, что-то вынюхивалъ. Смѣсь сладости и мрака была на лицѣ. Агостино поднялся.

— Простите, Рафаэль. Надо встрѣтить эту лису.

Рафаэль остался. Онъ медленно отпивалъ душистое вино, и смотрѣлъ за баллюстраду, гдѣ кипарисы, лавры, апельсиновые деревья сходили къ Тибру аллеюками и въ безпорядкѣ, фонтанъ журчалъ, и среди олеандровыхъ боскетовъ стояли каменные скамейки; въ нишѣ направо бѣлѣла статуя.

Закатъ угасъ. За Тибромъ простирался Римъ — уже тонущая въ весеннихъ дымныхъ сумеркахъ громада садовъ, дворцовъ, развалинъ, храмовъ. Налѣво Сантъ-Анджело вздымался — зубчатыми башнями; прямо виднѣлся куполь Санта-Марія-Ротонда, а направо, надъ Форумомъ и Велабромъ синѣлъ уже туманъ, прорѣзываемый черными кипарисами. Въ городѣ огоньки зажигались, но на горизонтѣ, призрачно выдѣляясь на фіолетово-сиреневомъ небѣ, переходившемъ въ нѣжно-оранжевое, розовѣли Сабинскія горы: волнистой, прерывистой линіей отъ Монте Соракто, до Монте Дженнаро. Смутный гулъ доносился изъ города — но уже смягченный, утишенный — вечеръ наступалъ. Звѣзда блѣдно замерцала надъ Авентиномъ.

Рафаэль долго, внимательно любовался — видомъ давно знакомымъ и всегда новымъ — потомъ перевелъ взоръ назадъ, къ освѣщенной залѣ. Видно было, какъ Агостино любезно и почтительно бесѣдовалъ съ кардиналомъ, какъ привѣтливо кивала вновь прибывающимъ мона Порція, какъ слуги пробѣгали съ подносами, прохаживались гости. Можно было подумать, что по одну сторону дремлетъ вѣчность Рима, пустыня Кампаньи, горь, а по другую свѣтлый и легкой, вѣется непрерывный карнавалъ.

На минуту все стихло въ залѣ. Раздались звуки лютни, и небольшой, но мелодическій голосъ запѣлъ:

О, сколь прекрасна жизнь скоропроходящая,
Радугой счастья насъ увеселяющая,
Свѣтло-улетающая къ волнамъ Летейскимъ!

Лютня аккомпанировала мягко и нѣжно. Нѣжно-серебряное было и въ пѣніи, и въ полузаглушенныхъ, но прозрачныхъ звукахъ инструмента. Когда пѣвица кончила, раздались аплодисменты. Агостино вновь вышелъ въ лоджію, подошелъ къ столику Рафаэля, налилъ себѣ вина. Лицо его было взволновано, нѣсколько поблѣднѣло.

— Рафаэль, помните вы божественную Имперію? Какъ она пѣла!

Рафаэль медленно и утвердительно кивнулъ.

— Помните, что тогда мы были съ вами соперниками? Рафаэль вновь склонилъ голову.

— Что почти уже восемь лѣтъ, какъ оставила она насъ?

— Я все помню. Она ушла въ день Успенія Богородицы 15 августа 1512 года. Была гроза, страшный ливень. Всѣ оплакивали ея смерть.

— И не находите-ли вы, что смерть эта, въ расцвѣтѣ красоты, молодости, не была вполнѣ обычной?

— Она ушла такъ-же внезапно, и почти сверхестественно, какъ и явилась въ жизнь, будучи совершенной красотой.

Агостино опять тяжело подперъ руками голову.

— Я думаю такъ-же.

И выпивъ бокаль, бросилъ его внизъ. Со слабымъ звономъ распался дивный венеціанскій хрусталь.

— Бездна забвенія! — Но вы, художникъ, свѣтлой своею кистью увѣковѣчили Имперію.

Онъ всталъ и взялъ его подъ руку.

— Идемъ однако. Дамы удивляются, почему нѣтъ съ ними всегдашняго, какъ сказала нынче Біанка, благоуханнаго Рафаэля.

— Мона Біанка, — отвѣтилъ Рафаэль, — синими своими глазами сама напоминаетъ фіалку изъ окрестностей Пармы.

И допивъ вино, покорно направился онъ за хозяиномъ, и покорно усѣлся съ мадонною Біанкой, синеокою Психеей, въ полукружїи дамъ и кавалеровъ, собиравшихся въ большой гостиной слушать Бембо. Исполняя выпавшій ему фантъ, длиннобородый, лысый Бембо кратко, ясно и изящно произнесъ небольшую рѣчь, въ прославленіе Психеи, вѣчно прекрасной, женственной души міра, дарующей ласку и очарованіе. По его словамъ, потому безсмертныя приняли ее въ свой сонмъ, что въ иномъ отношеніи она выше даже самой Афродиты — ибо Афродита полдень, свѣтъ и свершеніе, Психея-же лишь легкое дуновеніе, внутренній, какъ-бы эфирный духъ любви.

Рѣчь имѣла успѣхъ. Всѣ зааплодировали.

— Чудно, чудно, — говорили дамы. — Да, не даромъ мессеръ Бембо первый нашъ поэтъ, и первый латинистъ Апостолической куриі!

Рафаэль поцѣловалъ ручку моны Біанки.

— Синія очи Психеи говорятъ объ эфирѣ небесномъ, который изливаетъ она на бѣдныхъ смертныхъ.

Біанка улыбнулась и погрозила пальцемъ.

Въ это время шумная и легкая ватага масокъ ворвалась изъ боковыхъ дверей — завѣяли голубые, черные шелковые плащи, расшитые золотыми звѣздами; таинственно засіяли глаза изъ подъ бархатныхъ полумасочекъ. Зазвучали скрипки. Вихремъ понеслись призраки по залѣ плавно и мѣрно колыхаясь, въ странномъ танцѣ своемъ,

вокругъ высокой женщины съ голубкомъ въ рукѣ, въ центрѣ.

— Ну, а знаете-ли вы, знатокъ всего, Рафаэль, — спросила Біанка, слегка хлопнувъ его по рукѣ вѣромъ: — что это значитъ?

Рафаэль вновь поцѣловалъ ей руку, около локтя, — молочно-блѣдную, съ тонкими голубыми прожилками:

— Я знаю лишь одно — что синѣющій эфиръ исходитъ не только изъ очей Психеи, но и изъ божественныхъ ея рукъ.

— Поэтъ, поэтъ, — она смѣялась. — Такъ знайте, что это хоры звѣздъ, планетъ и кометъ, поклоняющихся Венерѣ, сестрѣ своей.

Когда, черезъ нѣсколько времени, Рафаэль всталъ, чтобы налить себѣ вина, одна комета пролетѣла рядомъ съ нимъ, слегка задѣвъ его плащомъ. Въ миндалевидную прорѣзь маски глядѣли слегка косящіе туманные, какъ-бы безумные глаза.

— Но помни, смертный... — прошепталъ знакомый голосъ. — Но помни, смертный...

Онъ подхватилъ ее подъ руку и повелъ къ баллюстрадѣ, къ столику, гдѣ стояло еще его вино.

— Что-бы ни пророчила ты мнѣ, Лаурана, — онъ налилъ: — принимаю! Пью!

Комета схватила его за плечи, нагнулась — длинно заглянула въ глаза.

— Ты не можешь быть инымъ, Рафаэль! Ты — Рафаэль!

Тѣмъ-же золотистымъ виномъ чокнулись они, но теперь, выпивъ, онъ бросилъ бокаль. И съ такимъ же мелодичнымъ, слабымъ стономъ тотъ разбился.

Лаурана-же, вся въ черномъ, съ рассыпающимся хвостомъ своимъ, унеслась въ залу, гдѣ танецъ продолжался.

Голубая ночь стояла надъ садами, когда Рафаэль подъ руку съ синеокой Біанкой спускался къ Тибру, среди кипарисовъ, лавровъ, апельсиновыхъ деревьевъ. На каменной скамьѣ, недалеко отъ античнаго саркофага, надъ которымъ склонялось лимонное деревцо, они сѣли. Вдали свѣтились окна виллы; слышалась музыка; пары неслись въ танцахъ.

Баль продолжался. И уже слуги, въ одной изъ боковыхъ гостинныхъ, готовили алтарь Венеры, гдѣ богинѣ предстояло жертвоприношеніе — молокомъ, голубками, мадригалами. Бембо и Бераальдо — сонетами, Лаурана — софическими строфами.

Цѣлуя руки смѣявшейся Біанкѣ, Рафаэль говорилъ: — Видите-ли вы это лимонное деревцо? Древній миевъствуетъ, что въ него обратила Афродита мертваго Адониса. Оплакивая его гибель, она вдругъ вскрикнула: „Я хочу, чтобы, какъ нѣкогда, лавръ говорилъ о любви Дафны, такъ дерево обезсмертило-бы нашу любовь“. И она изливаетъ амброзію на волосы Адониса, омываетъ тѣло его водою Италіи, шепчетъ невѣдомыя слова, и покрываетъ страстными поцѣлуями. И тогда волосы его твердѣютъ, вытягиваются корнями, тѣло — гладкимъ стволомъ; юношескій пушокъ обращается въ листья, бѣлизна становится цвѣтами, руки простираются вѣтвями. И влюбленный по прежнему, онъ осыпаетъ любовницу свою бѣлыми лепестками.

Мона Біанка слегка заплодировала.

— Bravo! bravo! Откуда такія познанія въ миеологіи?

— Но я, вѣдь, на своемъ вѣку, писалъ не однѣхъ Мадоннъ, и не однѣмъ Мадоннамъ поклонялся.

— Вотъ я всегда и говорила, что Рафаэль все знаетъ. — тихо и съ улыбкой отвѣчала Біанка. — Все ему близко!

Рафаэль-же цѣловалъ ее нѣжно и длительно, находя важные предлоги и для рукъ и для молочной шеи съ нитью тускло-золотѣющаго жемчуга, и для губъ, и для синихъ знаменитыхъ глазъ мадонны Біанки.

IV

„Сегодня воскресенье“, писалъ три дня спустя Дезидеріо въ своей тетрадь: „и утромъ я слушалъ мессу въ Санта Марія Делла Паче. Пусть смѣются надо мной другіе ученики, называя меня дѣвственницей изъ Фоссомброне и святой Дезидеріей; все равно, даже въ этомъ Римѣ, шумномъ и блестящемъ городѣ (свѣтлые виноградники, поля

и синѣющія горы нашей страны всетаки лучше) — даже и здѣсь я не могу забыть наставленій матушки, говорившей, отправляя меня сюда: помни, Дезидерію, всегда помни о Господѣ нашемъ Иисусѣ; не ложись спать не прочитайъ молитвы, соблюдай посты и ходи въ церковь. И св. Дѣва дастъ тебѣ силы устоять въ омутѣ, называемомъ Римомъ и сподобитъ овладѣть искусствомъ.

Да, матушка, я такъ и живу. Здѣсь считаютъ это отсталымъ. Здѣсь царятъ роскошь и мірская суета, истинно вѣрующихъ-же мало. Но ко всему этому блеску, великолѣпію, не лежитъ моя душа. Какимъ былъ въ Фоссомброне, таковъ я и здѣсь. Я живу скромно и незамѣтно, молось, не пропускаю мессы; сердце мое легко; я издали гляжу на жизнь, катящуюся пестрымъ, блестящимъ карнаваломъ; лишь иногда грусть одѣваетъ меня своимъ покровомъ. Что-же до искусства, то я успѣваю мало — не безъ печали сознаюсь въ этомъ. И хотя Учитель, какъ справедливо называютъ его, *божественный* Рафаэль и снисходителенъ ко мнѣ, все-же я чувствую, что силы мои слабы, кисть невѣрна, рисунокъ блѣденъ и невыразителенъ. Я не могу сравняться даже со средними учениками, въ родѣ Ансельмо. Но сама жизнь около Учителя... О, всегда буду я благодарить Небо, давшее мнѣ ближе узнать этого человѣка! Отстоявъ мессу, я заходилъ въ капеллу Киджи, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ Учитель написалъ четырехъ Сивиллъ. Глядя на одну изъ нихъ, Фригійскую — опершись рукой и тѣломъ на полукружіе свода, она задумчиво читаетъ скрижаль, несомую ангеломъ — я вспомнилъ учителя. Ранѣе я слыхалъ, будто въ Сивиллѣ этой онъ изобразилъ свою возлюбленную, нѣкую красавицу и куртизанку Имперію, умершую восемь лѣтъ назадъ. Но уже таково обаяніе его кисти: грѣшницу эту онъ возвелъ къ высшей глубинѣ и задумчивости — и не знаю почему, мнѣ мгновенно представилось, что на этой скрижали она читаетъ судьбу самого учителя, и уже знаетъ ее. Это меня взволновало. И возвращаясь домой, я все время думалъ о немъ. Вотъ что, между прочимъ, занимаетъ меня: живя здѣсь довольно долго, зная всѣ творенія художника, видя его самого еже-

дневно, я не могу съ увѣренностью сказать, истинный онъ христіанинъ, или нѣтъ? О, конечно, въ Господа Иисуса онъ вѣритъ, и св. Дѣву прославлялъ неоднократно; но нельзя не видѣть, что и красотѣ земной, чувственной преданъ онъ чрезвычайно. Не говоря о живыхъ женщинахъ, онъ, какъ будто, влюбляется и въ мраморныхъ богинь, вѣчно занятъ древностями, восторгается монетами, греческими торсами; цѣлыя утра проводитъ на раскопкахъ на Кампо Ваччино, откуда, по моему, и вывезъ эту лихорадку, правда, не сильную, которая держитъ его въ постели уже второй день.

Мнѣ трудно объять все это, свести къ одному. Для христіанина онъ слишкомъ язычникъ, для язычника-же — слишкомъ полонъ того свѣта, какой дается христіанину...

Онъ задумался и отложилъ перо. Потомъ захлопнулъ тетрадь, спряталъ ее, вышелъ изъ комнаты. Было три часа дня. Дезидеріо спустился внизъ въ спальню Рафаэля.

Слабымъ движеніемъ руки ставилъ Рафаэль серебряный колокольчикъ, съ ручкой въ видѣ Амура, на столикъ у изголовья. Желтыя шелковыя занавѣси на окнахъ были спущены; въ комнатѣ стоялъ золотистый полумракъ. Пахло розами — большой красно-бѣлый букетъ лежалъ на комодѣ, — духами. Воздухъ нѣсколько спертый. Увидѣвъ вошедшаго, Рафаэль улыбнулся.

— Ты всегда гдѣ-то здѣсь, Дизи. Мнѣ кажется, стоитъ подумать о тебѣ, и ты явишься.

— Я, вѣдь, и на самомъ дѣлѣ недалеко... А сейчасъ только что спустился.

Рафаэль ласково глядѣлъ на него темными, безсвѣтными глазами. Лобъ его былъ влаженъ, пряди черныхъ волосъ разметывались по подушкѣ. Воротъ рубашки разстегнуть — точеная, длинная шея, какъ у „Давида“ Микель Анджело, выходила изъ нея.

— Милый, подыми занавѣсь, отвори окно. Здѣсь немного душно.

Въ комнатѣ сразу стало свѣтлѣе. Вѣтерокъ набѣжалъ, слабой волной, зашелестилъ листьями розъ.

— Какъ вы себя чувствуете, Учитель?

Рафаэль вздохнулъ.

— Теперь легче. Лучше дышать. Голова болитъ, и какіе-то все кошмары... Или это я засыпаю, во снѣ вижу? Подойди, дай руку.

Дезидеріо сѣлъ рядомъ съ постелью. Рафаэль взялъ его за руку, и погладилъ.

— Ну, это теперь не сонъ, а правда. Рука моего славнаго Дизи, юнаго скромника изъ Фоссомброне. Ансельмо мнѣ недавно сказалъ, что ты въ монахи собираешься. Правда?

— Если вы, Учитель, не прогоните меня, я останусь при васъ.

— Зачѣмъ-же я тебя стану гнать? Нѣтъ... это ты... напрасно говоришь. Ну, а если-бы меня не стало... Напримѣръ, я-бы умеръ?

Дезидеріо быстро поднялъ голову.

— Не надо говорить такъ, Учитель.

— Почему не надо? Развѣ не могу я умереть?

— Это было-бы слишкомъ ужасно и несправедливо.

— Все равно... ну, скажи, что бы ты... сдѣлалъ?

Дезидеріо помолчалъ.

— Мнѣ трудно даже думать, Учитель.

Нѣсколько времени Рафаэль лежалъ съ закрытыми глазами; потомъ слабо повелъ ими, пріоткрылъ.

— Если, правда, станешь монахомъ... это пойдетъ къ тебѣ... помолись. И за меня помолись, Дизи, не забывай меня.

Дезидеріо встрепенулся.

— Учитель, вы такъ странно говорите... Вы меня пугаете. Вамъ хуже?

— Вотъ, хорошо, что ты окно открылъ. Что это, музыка играетъ? Гдѣ-то вдалекѣ...

— Нѣтъ, музыки не слышно...

— Ну, можетъ быть. А быть можетъ ты не слышишь. Но — хорошо! Какъ удивительно пахнетъ этотъ вѣтеръ. Помнишь, Дизи, Монте-Катрія, у насъ, на родинѣ? Въ апрѣлѣ горный вѣтерокъ пахнетъ тамъ... фіалками.

Онъ опять повернулъ голову, закрылъ глаза, но руку Дезидеріо продолжалъ держать. Дыханіе стало ровнѣй,

онъ какъ-бы вдругъ задремалъ. Слабый сонъ, похожій на забытѣе, овладѣлъ имъ. Деидеріо сидѣлъ недвижимо, не выпуская руки. Тонкій, нѣжный профиль Учителя рисовался передъ нимъ; и ему вспомнилось, что совершенно такъ-же, блѣднымъ и ушедшимъ лежалъ онъ въ то утро, на разсвѣтѣ, когда Деидеріо его караулилъ. Но теперь было тяжелѣй. Смутныя, неожиданныя слова Учителя взволновали его. Рафаэль вздохнулъ, перевернулся на другую сторону, и вынулъ руку изъ руки ученика. Тотъ всталъ, тихонько подошелъ къ окну. Небо стало облачиѣе, подулъ вѣтеръ — Деидеріо рѣшилъ закрыть окно. Высунувшись на улицу, на мгновеніе замедлился: окруженный толпою слугъ, тѣлохранителей, дворянъ, на богато разубранномъ мулѣ ѣхадъ кардиналъ Джуліо. Онъ плавно покачивался на сѣдлѣ, слегка вытягивая впередъ голову съ длиннымъ тонкимъ носомъ. По временамъ направо и налево раздавалъ благословенія, — знаменіемъ креста. Двое красивыхъ юношей вели его мула подъ уздцы. Впереди особые люди расталкивали народъ, глазѣвшій съ величайшимъ любопытствомъ. У дверей дворца Рафаэля мулъ остановился; одинъ изъ дворянъ подаль бархатную скамеечку, на которую кардиналъ и сошелъ. Любопытные тѣснѣе нахлынули — каждому хотѣлось взглянуть поближе. Аллебардчики опять ихъ отогнали. Двери распахнулись. Привратникъ кланялся низко. Джуліо обернулся, въ послѣдній разъ благословилъ толпившихся, и сталъ подыматься по лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ уже въ комнатѣ Рафаэля у самой постели, поводилъ длиннымъ своимъ носомъ, и однообразно-сладостно журчалъ. Деидеріо робко жался въ уголку.

— Вамъ нуженъ покой, любезнѣйшій Рафаэль, огонь творчества и непрестанныхъ работъ утомляетъ васъ, и за теперешнюю вашу болѣзнь всѣ мы, обременявшіе васъ заказами, несемъ отвѣтственность.

— Я счастливъ трудиться, Ваше Преосвященство, тихо сказалъ Рафаэль, и полузакрылъ глаза. А эта лихорадка, надѣюсь, не долго задержитъ меня... здѣсь.

Джуліо рассыпался въ соболѣзнованія и увѣренія,

что болѣзнь эта пустая. Но передалъ, что самъ св. Отецъ справлялся о его здоровьѣ, что вообще всѣ въ Ватиканѣ любятъ и заботятся о немъ, въ восторгѣ отъ его работъ и пр. Рафаэль слушалъ молча, глядя вверхъ, иногда закрывая слабѣющіе глаза. — Кардиналъ сталъ рассказывать о домашнихъ придворныхъ дѣлахъ — какъ Кастильоне убѣждаетъ св. Отца вернуть Урбино прежнему герцогу, какъ запутывается внѣшняя политика св. Престола „дерзкими мальчишками Карломъ и Францискомъ“, да еще бессмысленныя нападки на курію этого Мартинуса Лютеруса, полоумнаго нѣмецкаго монаха, котораго, конечно, во время надо было сдѣлать архіепископомъ съ хорошими доходами, и тогда онъ не выдумалъ-бы всей этой пустой исторіи съ индульгенціями. Индульгенціи! Странное дѣло! Конечно, если сидѣть въ варварской Германіи на грубомъ хлѣбѣ, то можно обходиться грошами — но тогда не угодно-ли ужъ учреждать какой-нибудь новый орденъ Sancta povertade, въ родѣ этого... болѣзненнаго и полу-еретическаго Франциска Ассизскаго. Удивляться-же, что Апостолическая Курія прибѣгаетъ къ разнымъ источникамъ доходовъ — просто неумно, это дѣтское незнаніе жизни.

— Италія! Имперія! слабо произнесъ вдругъ Рафаэль. Джуліо на мгновеніе остановился.

— Что хотите вы сказать этимъ, другъ мой?

Рафаэль не отвѣтилъ. Въ головѣ его путалось, и плавныя слова Джуліо звучали, какъ далекій дождь, шумъ котораго слышенъ, но невнятенъ. „Пускай дождь проходитъ, не хочу дождя“... медленно плыло въ головѣ. Онъ вздохнулъ.

— Въ Урбино мало бываетъ дождей. Правда, Дизи? Кардиналъ взглянулъ на него пристальнѣй, и подумалъ, что болѣзнь серьезна. Онъ всталъ, и заявивъ, что не желаетъ болѣе утомлять, благословилъ. Затѣмъ поднялся къ выходу. Его глаза приняли обычное, холодно-водянистое выраженіе; и ничего благословляющаго въ нихъ не было.

— Дизи, — произнесъ Рафаэль вполголоса, когда тотъ ушелъ, — онъ мнѣ надоѣлъ.

Черезъ минуту прибавиль:

— Всѣ они ничего не понимаютъ. Ничего. Въ главномъ, Дизи.

Въ этотъ день знатныхъ посѣтителей больше не было. А незнатнымъ говорили, что художникъ слабъ и разговоры ему вредны. Такъ распорядился медикъ Папы, Джакомо да Брешия, лѣчившій его. Видимо, былъ онъ правъ: Рафаэль очень ослабѣлъ. Вечеромъ, однако, уснулъ хорошо. Въ полночь вдругъ хлынулъ теплый, весенній ливень. Ровный, мягко-глуховатый шумъ сначала удивиль его, онъ проснулся: „что это“? И когда ему объяснили, опять замолкъ. Быть можетъ самый гулъ успокаивалъ. Онъ опять заснулъ. И хотя дышалъ тяжело, все-же сонъ подкрѣпилъ его и ободриль. Утромъ Джакомо нашель, что жаръ меньше и сердце лучше. Правда, весь день чувствовалъ онъ себя легче. Говориль, хотя и тихо; пробовалъ даже читать. Ему пріятно было, что отовсюду спрашивали о его здоровьѣ, присылали букеты цвѣтовъ. Отъ Бембо получилъ онъ античную вазу — подвиги Энея изображались на ней. Кардиналъ Биббіена подариль маленькаго бѣлаго попугая, который говорилъ: „Ми-лый Ра-фа-эль! Ми-лый Ра-фа-эль!“ Художника онъ повеселилъ.

Передъ вечеромъ высокій, львиноволосый Агостино Киджи навѣстиль его. Рафаэль улыбнулся, какъ будто радъ былъ его видѣть. Агостино потрянулъ своей гривой.

— Ну? Лучше? То-то вотъ и есть, дорогой нашъ Рафаэль. Значить, вы напрасно испугали меня.

— Мнѣ пріятно, что моя судьба васъ заботить.

Онъ глядѣлъ огромными, очень покойными своими глазами въ окно, гдѣ вечерній, зеркально золотистый свѣтъ втекалъ легкими струями. Небо было прозрачно, нѣжно. Оно наполнилось предзакатнымъ очарованіемъ дня погожаго, весенняго, омытаго вечернимъ дождемъ. Медленно и слабо звонили въ церкви.

— Вся жизнь, — сказалъ Рафаэль: — какъ вонъ то облачко, золотая ладья, скользящая въ закатъ. Приходить, уходить.

— Ахъ вы, художники, поэты, всегда иначе принимаете невзгоды, нежели мы — Агостино засмѣялся. — Въ васъ нѣтъ борьбы. Если-бы я былъ боленъ, я торопиль-бы своего врача, и мнѣ досадно было-бы за промедленіе, отрывающее меня отъ дѣлъ.

Рафаэль приподнялся, оперся на локоть. Взглядъ его оживился.

— Да, я знаю это чувство, знаю... И послушайте — Агостино, я-ли не бралъ, не глоталъ весь этотъ свѣтъ и великолѣпіе... О, развѣ не отпилъ я изъ золотой чаши жизни?

Агостино въ это время взялъ въ руку свертокъ, развернулъ его и посмотрѣлъ. Потомъ улыбнулся.

— Стихи. Разумѣется отъ поклонницы.

— Это сонетъ Лаураны. Онъ давно ужъ лежитъ здѣсь.

— Вотъ видите, какъ о Васѣ сказано:

„Ты въ нѣжности пріемлешь образъ Бога,
Ты въ радости взойдешь въ его дворцы...“

Прочитавъ еще двѣ строки, Агостино остановился.

— Отчего-же вы не продолжаете?

— Ну, тамъ какія-то сумбурныя прорицанія, совсѣмъ во вкусъ этой вашей Лаураны.

— „Но помни, смертный...“ — произнесъ Рафаэль. — Все равно, дорогой Агостино, я вѣдь знаю сонетъ...

Онъ замолчалъ.

Агостино попытался измѣнить разговоръ, отвлечь его, но Рафаэль остался задумчивымъ. Вскорѣ онъ вновь усталъ, ослабѣлъ, и слегка даже застоналъ. Ему трудно было дышать.

Когда ушелъ посѣтитель, онъ позвалъ къ себѣ Дезидерію.

— Дизи, завтра я хочу исповѣдываться и причаститься.

Дезидерію сначала молча на него посмотрѣлъ, потомъ наклонилъ голову, поцѣловалъ ему руку, вышелъ. У себя въ комнатѣ сѣлъ къ столу и подперъ руками голову. „Учитель умираетъ!“ пронеслось въ его душѣ. Онъ зарыдалъ.

Въ среду Рафаэль исповѣдывался. Былъ онъ уже очень слабъ, дышалъ неровно, съ хрипомъ, но еще могъ заняться дѣлами земли: раздалъ имущество свое ученикамъ, завѣщавъ деньги на перекрытіе дарохранительницы въ Санта Маріа Ротонда, гдѣ и желалъ быть погребеннымъ. А затѣмъ медленно, но неотвратимо сталъ погружаться въ полусонъ, преддверіе сна вѣчнаго. Какъ и жилъ, умиралъ онъ покойно. Грудь его какъ бы устала дышать; глаза — устали смотрѣть, и съ замирающимъ дыханіемъ все прежнее, что знали въ имени *Рафаэль*, переходило въ край воспоминаній.

Послѣдній вздохъ его, еле слышимый, слабо-таинственный, раздался въ пятницу на Страстной недѣлѣ, какъ въ пятницу-же на Страстной тридцать семь лѣтъ назадъ пришелъ онъ въ міръ. Въ этотъ день произошло несчастье съ лоджіями въ Ватиканѣ. Тѣло-же Рафаэля было перенесено въ залу, гдѣ въ головахъ его поставили „Преображеніе“. Всѣ, приходившіе проститься, видѣли его твореніе, послѣднюю работу мастерской Рафаэля.

Днемъ дождь шумѣлъ, а къ вечеру все успокоилось, небо прояснѣло. Закатъ нѣжно-алый, и шелковѣющій, вливался въ залу и окроплялъ блѣдный и высокій лобъ съ темными кудрями, огромные глаза, уже умолкшіе, губы, столько лобзавшія; руки торжественно сложенные на груди — столько творившія, и ласкавшія столько! Спаситель возносился надъ нимъ на горѣ Оаворъ. Ученики, не въ силахъ вынести свѣта Оаворскаго закрывали лица руками. А внизу одержимый мальчикъ корчился въ рукахъ мужчины, и женщина на колѣняхъ — вновь отзвукъ Имперіи — указывала на него пальцемъ.

Друзья, поэты, дипломаты, кардиналы, самъ св. Отецъ — всѣ перебивали у него. Среди нихъ робко терялся юноша Дезидеріо. Онъ молчалъ, плакалъ тайно, у себя въ комнатѣ, да по ночамъ спускался, и подолгу, при свѣтѣ погребальныхъ свѣчъ, — всматривался въ Учителя. А ночи непрерывно текли, смѣняясь днями, и опять но-

чами, и вотъ ужъ бѣдный прахъ Рафаэля съ царственной пышностью похороненъ, какъ и желалъ усопшій, въ Санта Маріа Ротонда. Любящія плачутъ, тоскуютъ женщины, равнодушные равнодушны. Ученики дѣлятъ ризы, а дни летятъ все далѣе и дальше, и такія-же чудесно-голубыя утра надъ Римомъ, такъ-же воздухъ сіяетъ и золотѣетъ предъ закатомъ, такъ-же улыбаются трастевринки, такъ-же уплываетъ все въ синѣющей туманъ былого; и въ храмахъ, галлереяхъ, Ватиканскихъ станцахъ — ясныя и мелодичныя, ритмомъ и гармоніей овѣяныя — процвѣтаютъ образы Рафаэля. Но дворецъ его на Борго Нуово пустъ. Многіе ученики ужъ разошлись. Собирается на родину и Дезидеріо, хоть и тяжело ему оставить въ Римѣ могилу Учителя. Но ужъ онъ уговорился съ купцами, возвращающимися черезъ Умбрию въ Урбино, и они его подвезутъ.

Наканунъ отъѣзда, сидя одинъ въ полупустой комнатѣ, передъ вечеромъ, Дезидеріо писалъ: „Мы завтра ѣдемъ. Маркъ Антоніо Бистиччи показалъ мнѣ мула, на котораго я сяду. Я разсматривалъ сѣдло, уздечку, гладилъ по спинѣ покорное животное, которому надлежитъ нести меня на родину, и разныя мысли шевелились въ головѣ моей. Я не думалъ, что *такъ* буду возвращаться! О, какихъ надеждъ былъ я полонъ, отправляясь сюда! Мнѣ казалось, что близость Учителя, его совѣты, указанія, откроютъ мнѣ двери великаго искусства, къ которому стремилась моя душа. Вышло иначе. Талантъ не раскрывается во мнѣ или, можетъ быть, и вовсе его не было? Во всякомъ случаѣ будущее мое очень, очень скромно: врядъ ли оно выйдетъ за предѣлы родного Фоссомброне, гдѣ съ усердіемъ и полнымъ прилежаніемъ стану я примѣнять то, чему, все-же, научился у незабвеннаго Учителя.

Его нѣтъ уже! Слезы застилаютъ мнѣ глаза, и горло сжимается, когда вспомню, что никогда уже, *никогда* не увидать мнѣ его стройнаго, совсѣмъ юношескаго еще облика, этихъ темныхъ кудрей, въ которыхъ странно было-бы видѣть сѣдину. Да, онъ ушелъ молодымъ, какъ молодостью была проникнута его жизнь, его искусство. Отчего покинулъ онъ насъ такъ рано? Одни говорятъ, что причи-

ной тому переутомленіе; другіе, что онъ злоупотреблялъ любовью; что самъ Римъ, древній, ветхій Римъ, который онъ беспокоилъ раскопками, отомстилъ ему, пославъ смертельную лихорадку. За эти дни горя, за эти ночи, проведенныя у его гроба, я много передумалъ. Миѣ кажется, причина иная. Сравнивая его съ другими людьми — здѣсь въ Римѣ, я довольно насмотрѣлся — я всегда думалъ, что Учитель — особенное существо. Весь онъ будто-бы созданъ изъ болѣе нѣжной и тонкой ткани, нежели мы. Онъ — изящнѣе, легче, хрупче всѣхъ насъ. Въ этомъ грубомъ, — все-таки — мірѣ онъ прошелъ свѣтлой кометой, и надолго загоститься тутъ не могъ.

Я видѣлъ, какъ онъ причащался, я былъ съ нимъ до самой его кончины. И я счастливъ, что умеръ онъ христіаниномъ; теперь нѣтъ для меня сомнѣнія, что его свѣтлая душа будетъ принята въ сонмъ безсмертныхъ. Онъ искренно раскаялся въ своихъ грѣхахъ, но и грѣхи его — не изъ числа страшныхъ, смертныхъ.

Однако, начинаетъ смеркаться. Вотъ новый мѣсяць, блѣдный, тонкій появляется на лиловѣющемъ небѣ.

Пора! Прощай, Учитель! Прощай Римъ!

Онъ отложилъ перо, и сидѣлъ задумавшись. Потомъ прибавилъ: „Незадолго передъ смертью Учитель сказалъ миѣ, что если я пойду въ монахи — то, чтобы за него молиться. Я молюсь и такъ. А въ монастырь... можетъ быть, и пойду“.

Притыкино.

1919 г.

Улица св. Николая.

I

Образъ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой суеты, любви, надеждъ, успѣховъ и меланхолій, веселья и стремленья—это ты, Арбатъ. По тебѣ снѣгомъ первымъ летятъ санки, и сквозь бѣлый флеръ манны сыплющейся огневисто золотѣютъ всѣ витрины, окна разныя Эйнемовъ, Реттере, Филипповыхъ, и возсѣдаетъ Прага, сладостный магнитъ. Въ цвѣтахъ, и въ музыкѣ, бокалахъ и сіяньи жемчуговъ, подъ звонъ ножей, тарелокъ веселится шумная Москва, ни о чемъ не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумилліонная, полубогемская, сытая и вѣтромъ подбитая, и талантливая и распущенная. Гремятъ и вьюги надъ Арбатомъ, стуча по крышамъ, колотясь въ двери облаками снѣга. Но сквозь мглу и вой метели невозбранно проплываетъ сѣденькій извозчикъ въ санкахъ вытертыхъ на лошаденкѣ Дмитровской, Звенигородской, какъ корабль нехитрый, но и вѣрный. Къ Рождеству елки на Арбатской площади—зеленымъ лѣсомъ. Пріѣзжаютъ дамы въ соболяхъ; везутъ чиновники, тащитъ рабочій елочку на праздникъ дѣтямъ. И отбушевавши новый годъ, въ звонѣль шампанскаго, въ гамѣли водочки съ селедкой, входятъ въ ледяной январь, бѣгутъ, — кто на службу, кто торговать, по банкамъ и конторамъ. Кто—и по трактирамъ. Ночью же остро, хрупко-колюче горитъ Оріонъ семизвѣздіемъ тайно-прельщающимъ.

Не навсегда! Не навсегда. Тамъ февраль, тамъ и мартъ съ теплымъ вѣтромъ, съ буйнымъ дыханьемъ; весна, грязь и лужи, блескъ, солнце, первый разрывъ лазури надъ Арбатомъ, ведущимъ къ югу, къ Брянску, Киеву, Одессѣ. И поэтъ золотовласый, чуть прихрамывая, припадая на одну ногу, въ черной шляпѣ художнической, бѣжитъ по тротуару, привѣтствуя весну, и милыхъ женщинъ. А поэтъ бирюзоглазый, улетающій, и вѣчно проносящійся и въ жизни, и въ пространствахъ, точно облако бѣлѣющее, также пробѣгаетъ по другому тротуару, и привѣтствуетъ лазурь, и ждетъ пришествія, и изнываетъ отъ томленій по закатамъ огненно-златистымъ надъ Арбатомъ—тамъ, въ концѣ, гдѣ онъ спускается къ Москвѣ-рѣкѣ, въ ней утопая. Смутны, и волнующи, и общающи закаты эти! Чище и хрустальнѣе, и дивно-облегченнѣй тѣ міры, что тамъ рисуются, въ фантазмахъ златоогненныхъ.

А когда апрѣль настанетъ, то растаютъ почки въ многочисленныхъ садахъ вокругъ Арбата, и зеленое благословеніе выльется — душистымъ, милымъ опереніемъ. Въ старыхъ тополяхъ грачи вьютъ гнѣзда. Голубымъ окомъ глянетъ весна, заблеститъ въ крыльяхъ пролетокъ, въ лакированныхъ штиблетахъ и въ зеркальныхъ окнахъ, и въ глазахъ веселыхъ и воздушныхъ. Мягко треплетъ вѣтеркомъ—локоны дѣвушекъ, бороды мужчинъ; смѣется, и перебѣгаетъ по Арбату въ блескѣ лужъ, въ крикахъ мальчишекъ, предлагающихъ фіалки.

Лѣто насыщаетъ Арбатъ зноемъ и оцѣпенѣніемъ. Маркизы магазиновъ никнутъ подъ огнемъ небеснымъ. Налетаетъ пыль — тучкою азіатской. И къ вечеру Арбатъ замученъ. Млѣютъ служащіе въ магазинахъ; барышни обрадовались блузочкамъ своимъ легчайшимъ. Но нѣтъ поэтовъ — ни златоволосаго, бѣгущаго Арбатомъ слѣва, ни бирюзоглазаго — Арбатомъ справа. Улетѣли, какъ и ихъ друзья, какъ и тѣ жители, что занимаютъ цѣлыя квартиры въ домахъ съ лифтами — кто на море, кто въ деревню, кто на дачу. Врачи и адвокаты сладкогласные умчались за границу. „Ахъ, Карлсбадъ! Нѣтъ, Киссингенъ! Ну развѣ можно же сравнить!“ И многихъ обитателей Ар-

бата поразносятъ лух'ы и международные вагоны по угламъ богатой, сытой и самодовольно-крѣпкой бабушки Европы. Сапожники же, мѣдники и парикмахеры, кондуктора трамваевъ, булочники, мясники и бакалейщики сидятъ все лѣто, душевное-ль, дождливое-ль, все на своихъ насѣстахъ, не подозрѣвая о Карлсбадахъ и объ ожирѣнιάхъ сердца. Священники звонятъ въ церквахъ Арбата—Никола Плотникъ, Никола на Пескахъ и Никола Явленный — спокойные и важные, звономъ малиновымъ, въ ризахъ парчевыхъ, вѣковѣчныхъ. вѣнчавшіе и хоронившіе тузовъ, и знать, и бѣдноту. Привыкшіе къ молебнамъ, требамъ, къ истовому пѣнію и жизни истовой, замедленной въ бездвижности, и съ ожирѣньемъ сердца.

Гудятъ колокола, поютъ хоры, гремитъ трамвай, звенитъ румынъ въ лѣтнемъ залѣ Праги пышноволобой. Солнце восходитъ, солнце заходитъ, звѣзды вонзаются и надъ Арбатомъ таинственный свой путь ведутъ. И жизнь идетъ, и все какъ будто чинно, все такъ крѣпко, и серьезно, и зажиточно, благонамѣренно. Строятъ дома — сотни квартиръ съ газомъ и электричествомъ; новые магазины — роскошь новая; новыя мостовыя, новый, не русскій шикъ города. Льютъ свѣжій асфальтъ и бѣлятъ стѣны, и возятся, и пьютъ, и накопляютъ, ходятъ въ церковь и вѣнчаются, и любятъ, и умираютъ между трехъ обличій одного святи-теля — Николы Плотника, Николы на Пескахъ и Николая Чудотворца. Зима, весна и лѣто, осень, хладъ и жаръ, и млѣнье, и закаты — все себѣ равно, или кажется та-кимъ.

II

Первыя грозы, полумладенческія бури! Пылаютъ барскія усадьбы, останавливаются дороги, и рабочіе выходятъ съ фабрикъ — демонстраціи идутъ Арбатомъ. „Господа“ банкеты собираютъ, и изящно бреютъ русское самодержавіе, между икрой и балыкомъ, между Эрмитажемъ или Прагою. Ахъ, конституція, парламентъ, Дума,

новая Россія! А гѣ, кто помоложе и попроще, кому до Эрмитажей далеко, торопятся, имъ некогда, все совершить бы завтра, всю-бы жизнь вверхъ дномъ перевернуть. И митинги гудятъ, толпы чернѣютъ, и кричатъ газеты объ одномъ: впередъ, впередъ!

А тамъ дружинники ужъ засновали по Арбату — и въ папахъ, и въ фуражкахъ; дворники, мальчишки помогаютъ, выворачиваютъ столбы фонарные — для баррикадъ. Веселый рыцарь, Донъ-Жуанъ и декадентъ, онъ-же издатель, и спиритъ, и мистикъ — собственноручно водружаетъ красный флагъ на баррикадѣ у Никольскаго; флагъ — юбка жена. Большевики, эсеры, анархисты и художники, и гимназисты, и студенты пробуютъ себя: вмѣсто „Моравіи“, гдѣ пропивали по рублю на пиво и закуски, цѣлятся изъ маузеровъ изъ-за поваленныхъ трамваевъ и калитокъ, снятыхъ съ петель, опутанныхъ проволокой телефонною. Съдой и старенькій извозчикъ, годы плетшійся Арбатомъ, обликомъ похожій на св. Николая, затрудненъ теперь: отъ баррикады — лишь до баррикады. А тамъ нужно санки перетаскивать. Да и подъ пулю угодишь, какъ разъ. Но, все-таки, онъ ѣздитъ, ровный и покойный, какъ патронъ его, святой изъ Мурликіи. Поэтъ златоволосый не сражается, но на словахъ громить, анаѳематствуетъ жандармовъ, губернатора, властей — заочно и въ лицо. Поэтъ бирюзоглазый ждетъ пришествія иной культуры, вспоенной громами бурь, кипѣніемъ и массой. Но массѣ — еще рано. Еще сильно былое, крѣпокъ штыкъ, тверда шеренга. И въ декабрьскій день, морозный, заревоиъ пылаетъ Прѣсня подъ шрапнелями семеновцевъ. Бѣгутъ папахи. Спрятались и маузеры, и карабины. Москва затихла. Молодежь потюрьмамъ, кое-кто погибъ. Сѣрб, туманно, пасмурно и на Арбатѣ. Будто-бы окончился спектакль, гдѣ нашумѣли, наскандалили ребята, а въ концѣ прогнали ихъ. И вотъ — распутываютъ проволоку загражденій, чинятъ фонари, ѣздятъ патрули, и гвардейцы-офицеры, побѣдители на нынче, пьянствуютъ по Метрополямъ, Прагамъ, Эрмитажамъ. Лавочки открылись на Арбатѣ, магазины, снова свѣтъ, и суতোлка, веселье, блескъ — однимъ забава — трудъ, за-

бота для другихъ. А сѣденькій извозчикъ снова невозбранно проплываетъ по Арбату, снимаетъ шапку у Николы Плотника, и крестится, и крестится на углу Серебрянаго, гдѣ Николай Явленный. Священники-же рады, что все кончилось: опять привычное, все то-же, вѣковое, и непотрясаемое.

Положимъ, что есть Дума, что тамъ говорятъ и критикуютъ, и постановляютъ. Но вѣдь это такъ, все только такъ, для формы. Пржнее — все то же. И городской, и мирное служенье, и богатство требъ, и пышность похоронъ. И ликъ св. Николая въ трехъ церквахъ все тотъ-же — строгій и покойный ликъ.

И снова — строятся дома, фабрики возрастаютъ, везутъ зерно на вывозъ и приходятъ въ порты русскіе изъ дальнихъ странствій корабли съ товарами: какъ будто крѣпнеть, богатѣеть Русь. Какъ будто процвѣтаетъ и Арбатъ. Не нынче—завтра весь онъ будетъ вымощенъ гранитомъ, какъ въ Европѣ; и кафе его сіяютъ, и огромный домъ воздвигся на углу Калошина, съ бронзовымъ рыцаремъ въ нишѣ. Рыцарь задумчивъ, задумчивъ рыцарь. И стало уже тѣсно въ Прагѣ — думаютъ надстроить новое святилище — выводятъ стѣны. И какъ будто весело, благополучно. Бѣгаютъ художники, писатели и декаденты, процвѣтаютъ и шумятъ по клубамъ, по эстрадамъ, маскарадамъ. Сколько лирики! И темной, свѣтлой, тонкой, оснащенной и скользящей, нѣжной и летящей! Поэтъ золотовласый улетѣлъ въ Парижъ изгнанникомъ — за рѣзкости о тронѣ. Но другіе миѣотворствуютъ и богоборствуютъ, и препираются, и лекціи читаютъ, а иные, какъ поэтъ бирюзоглазый, все чего-то ждуть. Идетъ-ли? Не идетъ-ли? Начинаютъ уставать, и хриплые рога услышалъ уже кто-то. Ахъ, да такъ-ли все благополучно? Нѣтъ-ли тлѣна легкаго, но остраго, подъ танцемъ жизни?

И повсюду, на Тверской и въ Камергерскомъ, на Воздвиженкѣ и на Арбатѣ — смутный соблазнительный, и наглый, разлагающій, дурманящій и за собой влекущій — надъ великой пустотой поднявшійся:

— Танго.

И пляшутъ его пары на Тверской, и на Воздвиженкѣ,

и на Арбатѣ. Сумракъ! Сладко утомленіе. Танго, танго! И ничего не надо. Ни страстей, ни дѣйствій и ни силы любви, ни долга и восторга творчества, безумія, свободы — сладкій плѣнь полу-разврата, полу-красоты.

III

Содрогнулась Русь, одѣлась въ сѣрую шинель, и смертно лобъ перекрестивши, руки сжавши, тяжело въ ряды стала, тяжело маршируетъ сапогомъ тяжелымъ. Разъ-два, разъ-два! А черно въ сердцѣ и мила Москва, и горько — уходитъ. Идетъ Арбатомъ сѣрый, крѣпкій строй; и на Угодника, что на углу Серебрянаго, взглянетъ ненарокомъ, перекрестится — и далѣе шагаетъ. Разъ-два, разъ-два. Вотъ и Спасопесковскій, съ краснымъ домомъ угловымъ, Никольскій, гдѣ Никола Плотникъ, съ позолоченной главой, за нимъ Смоленскій, на углу толпа, и машутъ, слезы заблестятъ; а тамъ — дорожка ниже, ниже, на Москву-рѣку къ вокзалу. Ужъ дожидаются вагоны, паровозы, быстрые еще, и аккуратные; тамъ снова — бабій вой, крикъ и рыданье; и влекутъ тебя, во мглѣ слѣпой, на жертву. Велика твоя повинность родинѣ.

Родина же притихла. И насупилась. И затрезвѣла даже. Пьеть — изъ-подъ полы, и удивляетъ старую Европу воздержаніемъ. Надолго-ли? Ну, тамъ посмотримъ. А пока — поблекли Праги, Метрополи, Эрмитажи, и все блекнутъ, задыхаясь въ худосочиі. Голубки все рѣже мчатся по Тверской, Арбату. И все больше лазаретовъ — знакъ кроваваго креста надъ ними, знакъ печали-милости — и чаще попадаютъ ихъ вывѣски въ укромныхъ переулкахъ вокругъ Арбата. Старыя хоромы, гнѣзда дворянскія, видѣвшія Герценовъ и Хомяковыхъ, наполняются людьми въ халатахъ, съ лицами сѣро-блѣднѣющими, и въ повязкахъ, и на костыляхъ. Сѣрый супъ, смутность, дрема, блѣдная тѣнь жизни блѣдной! Хочется-ль чего? Нѣтъ. Жалко-ли чего? Нѣтъ, тоже нѣтъ — и все какъ было и какъ будетъ — тихій затонъ въ бурѣ страшной.

Буря-же бурлитъ. Свирѣпы пушки, пули безсчетны и безсчетна смерть, въ полѣ рѣющая — и въ лѣсахъ, горахъ, ущельяхъ и окопахъ. Волны мрака накопились, облака и тучи, и гремитъ, гремитъ безсмысленный Драконъ, и пожираетъ, и другихъ зоветъ; калѣкъ, усталыхъ и полуживыхъ, на родину, посмѣваясь, направляетъ. И идутъ полки внизъ по Арбату, на Дорогомилово, а возвращаются въ вагонахъ санитарныхъ, по трамвайной линіи, изъ-за рѣки.

Сердобольныя-жъ хлопчутъ дамы, посѣщаютъ, навѣщаютъ, развлекаютъ, музицируютъ и умиляются на „мощь героя сѣраго“. Сѣрый-же герой еще покоренъ. Все еще вытягивается и козыряетъ, и безмолвно умираетъ на поляхъ далекихъ, неизвѣстно за кого и за что. Но еще крестится, на углу Серебрянаго, на древній образъ Николая Чудотворца, глядитъ еще почтительно на двѣ иконы, что подъ тротуаромъ — святитель Николай, спасающій матроса, и освобождающій плѣннаго въ темницѣ. Слушаетъ еще и всеощныя, и обѣдни на поляхъ Галиціи, и въ Польшѣ, и подъ Ригой.

Но клонится къ закату, внутренно склоняется, сгнивая, старое. И безподдержно, вдругъ, безповоротно расползается самъ тронъ, и нѣту больше генераловъ, губернаторовъ и полицмейстеровъ, и гимна, и суроваго орла монархіи.

Все было, сонъ былой — и новый сонъ ужъ начинается, пока лишь многословно-легкомысленно-пустопорожній. Молчали долго — и заговорили! Хочется сказать и здѣсь и тамъ, у памятника Скобелеву и подъ Пушкинымъ, и на Арбатской площади, и гдѣ угодно. Все сѣрыя шинели, сѣрые герои, и одинъ лепечетъ за другимъ, все тѣмъ-же еще полученораздѣльнымъ звукомъ, все о томъ-же, о войнѣ, свободѣ, революціи. О томъ-же говорятъ, и такъ-же длинно, но изящнѣе, и грамотнѣй, и безконечные политики съ Арбата, адвокаты, инженеры и военные, нынѣ странною правящіе. О рускіе интеллигенты, о слова, слова, прекраснодушіе, пріятность, барственность, народолюбіе! Сурова жизнь, и не пріятна, и не прекраснодушна. Но про-

фессора, экономисты из сосѣднихъ переулковъ, получившіе портфели министерскіе, гласные свободной Думы, изъ домовладѣльцевъ и врачей, еще надѣются на что-то, думаютъ управиться съ героями въ шинеляхъ сѣрыхъ, воевать до одолѣнія врага, и все тому подобное. Лишь болѣе прозорливые, изъ богатыхъ, денежки пересчитавъ, провѣривъ — утекаютъ, кто въ Японію, а кто на западъ.

И во время, и во время! Вѣдь надоѣло словопрение, шатаніе, незнаніе. И надоѣло жить въ окопахъ, видѣть смерть и ждать ее, и надоѣло зрѣлище богатыхъ рядомъ съ бѣдными, и такъ отлично — прекратить все это, отобрать, что можно, подѣлать, съ кѣмъ нужно, и, на бѣлый свѣтъ провозгласивши братство всѣхъ трудящихся, изъ ничего стать всѣмъ. И валъ растеть, буря идетъ. Подѣлена земля и допылала тѣ усадьбы, что не тронуты двѣнадцатъ лѣтъ назадъ. Разведенъ скотъ, диваны вытащены, зеркала побиты и повырублены кое-гдѣ сады. Библиотеки отпылала, сколько надо — въ пламени-ль пожаровъ, въ мирныхъ-ли цыгаркахъ. И ты идешь домой, сѣрый герой, трудно вѣдь на войнѣ сидѣть, когда въ Рязанской, Тульской и Тамбовской, дома, добро дѣлятъ. Ну-ка, господинъ буржуй, иди, кому угодно, подъ шрапнели, въ мерзлые окопы, въ вонь, ко вшамъ, на смерть? И облѣпились ужъ вагоны воинами безъ щитовъ, пустѣетъ дикое, и горестное поле бранное. Но врядъ-ли надоѣло драться. Драться — да не тамъ, не такъ.

И ты увидѣлъ, наконецъ, Арбатъ, опять войну — не дѣтскую, какъ прежде, не задорно-шуточную, нѣтъ, настоящую войну, братоубійственную, съ трескомъ пулеметовъ, съ завываніемъ гранатъ. Туго пришлось тебѣ, твоимъ спокойнымъ переулкамъ, выросшимъ на барствениности, на библиотекахъ и культурахъ, на спокойной сытости, изящной жизни. Недѣлю ты прислушивался, какъ громили бомбами — нынѣ не Прѣсную ужъ, а самый Кремль. И за дверьми, за ставнями шепталъ: „не можетъ быть, нѣтъ, невозможно!“

Но пока шепталъ, ужъ новое пришло на твои камни, въ сѣренькіе дни ноябрьскіе, облѣпило стѣны сотнями

плакатовъ и декретовъ, выпустило новыя слова, слуху несвычныя, захватило банки, биржи, магазины и твои, спокойный, либеральный и благополучный думець, сейфы и брилліанты.

Ты-же протиралъ глаза, о обыватель, гражданинъ и пассажиръ международныхъ лух'овъ, посѣтителъ водъ, Карлсбадовъ, Киссингеновъ; ты, страдавшій ожирѣньемъ сердца, ощутилъ, что все заколебалось въ смутномъ и, казалось, дьявольски-бѣсовскомъ танцѣ. Проносились новыя автомобили, грузовые, полные людей вооруженныхъ, тѣхъ-же сѣрыхъ все героевъ; заработала машина смерти; заработала машина голода. И прежніе подвальники, и мѣдники, и вся мастеровщина, туго жизнью пригнетенная, из щелей повыползла, изъ темныхъ норъ своихъ, и вверхъ задвигалась. „Попировали, и довольно! Нынче нашъ чередъ!“

Выходи бѣднота, тѣма, голь и нищенство, подымай голосъ, нынче твой день.

IV

Въ январѣ толпы героевъ сѣрыхъ, возвращающихся съ брани. Ночью, отлипая смутными гурьбами отъ площадокъ, крышь вагоновъ, буферовъ тѣхъ поѣздовъ, что добирались кое-какъ до Брянскаго, хмурые и молчаливые, съ котомками черезъ плечо, валяютъ они валомъ не-слабнущимъ, въ темнотѣ Арбата, къ площади. „Эй, товарищъ, какъ къ Рязанскому?“ Все Русь и Русь. Рязань, Тамбовъ, Саратовъ, всѣ спѣшать домой, подальше отъ окоповъ, смерти хладной, голода. Грязь, вши и мракъ. Грязь, хладъ въ Москвѣ, стонъ, вой и мерзость и въ вагонахъ тѣхъ, куда спѣшать, стремясь на родину — въ ту же мразь безпросвѣтную. Арбатскій житель, съ ними повстрѣчавшись, пожимается, карманы попридерживая — впрочемъ, пусто въ нихъ, какъ и въ желудкѣ — но сермягамъ и не до его кармановъ. Можетъ быть покоенъ. А послѣднее пальтишко стащутъ съ него въ переулкѣ, вѣжливо прикладывая дуло револьвера къ уху. Ну, что-жъ, давать, такъ

отдавать! Все равно нѣту ничего. Ни дровъ, ни хлѣба, ни угля — скитайся, голь, святая бѣдность! И скитаются, и мерзнутъ, темной ночью, въ сумракѣ пустынныхъ вѣтровъ.

Но и утро занимается надъ городомъ. Пробрели всѣ сѣрые герои, при zakonчили убійства, грабежи и казни — солнце продирается въ туманахъ инея, въ огнезлатистыхъ пеленахъ, столбахъ жемчужно-радужныхъ. Парь отъ всего валить, что дышитъ. Какъ много серебра, какъ дешево оно. И на усахъ, и на обмызганныхъ воротникахъ пальтишекъ людей жизни новой. Люди новой, братской жизни, парами и въ одиночку, вереницами, какъ мизерабли долинъ адскихъ, бѣгутъ на службу, въ реквизированные особняки, гдѣ среди тьмы бумагъ, въ стукотнѣ машинокъ, среди брито-лысыхъ лицъ начальства въ курткахъ кожаныхъ и френчахъ будутъ создавать величїе и благоденствїе страны. Впередъ, впередъ! Къ свѣтлому будущему! Братство народовъ, равенство, счастье всесвѣтное. А пока что, всѣ ворчатъ. И всѣ какъ будто ненавидятъ ближняго. Тѣсно ужъ на тротуарахъ, идутъ улицей. Толкаются, бранятся. Барышня везетъ на саночкахъ поклажу. Малый со старухой, задыхаясь, тащитъ на веревкѣ толстое бревно, откуда-то слимоненное. А магазины, запертые сплошь, уныло мерзнутъ замороженными стеклами. И лишь „Закрытые распредѣлители“ привлекаютъ очереди мизераблей дрогнувшихъ — за полфунтомъ хлѣба... Да обнаженные витрины двухъ или трехъ совѣтскихъ лавокъ выставляютъ свою пустоту. Но не задумывайся, не заглядывайся на ничто: какъ разъ въ морозной мглѣ ты угодишь подъ сфрохлюпающей грузный грузовикъ съ торчащими на немъ солдатами, верхомъ на кипахъ, на тюкахъ матерїи, иль на штанахъ, сотнями сложенныхъ. А можетъ задавить автомобиль еще иной — легкой, изящный. Въ немъ, конечно, комиссаръ — отъ военно-бритыхъ, генїальныхъ полководцевъ и стратеговъ, черезъ товарищей изъ слесарей, до спецовъ, совнархозовъ — эти буржуазнѣй и покойнѣй. Но у всѣхъ летящихъ общее въ лицѣ: какъ важно! какъ велико! И сіянье славы и самодовольства освѣщаетъ весь Арбатъ. Проѣзжаютъ и на лошадяхъ. Солдатъ на коз-

лахъ, или личность темная, неясная. Въ саняхъ, за полостью — или второстепенный спецъ, или товарищ матерой, но тоже второсортный, въ ушастой шапкѣ, вывороченной мѣхомъ курткѣ. Это начальство ѣдетъ засѣдать, рѣшать, вязать. Съ утра весь день будутъ носиться по Арбату рѣзвые автомобили, снѣговую пыль взрывая и гудя. Чтобъ не было для нихъ ухабовъ, обыватель, илотъ робкій, разгребаеъ и вывозитъ снѣгъ. Барышни стучать лопатами; гимназисты тащатъ санки. И солидные буржуи, отдуваясь, чистятъ тротуаръ. Профессора везутъ свои пайки въ салазкахъ; женщины бредутъ съ мѣшками за плечами — путешественницы за картофелемъ, морковью. Въ переулкахъ близъ Смоленскаго торгуютъ молокомъ, дровами, яйцами. Мальчишки выкликаютъ: „Папирсы разсыпныя, Реже, Ява, Ира!“ И краснощекіе красноармейцы, молодые люди въ галифѣ, брито-сытые, съ красной пентаграммой на фуражкахъ, отбираютъ себѣ Иру. Полусумасшедшая старуха, въ рванной кофтѣ и матерчатыхъ полусапожкахъ, широко разставивъ ноги, бредетъ, съ палкой, и бессмысленно бормочетъ: „Помогите! Помогите!“ — и протягиваетъ руку. Старый человѣкъ, спокойный, важный, полузамерзающій, въ очахъ, сидитъ на выступѣ окна и продаетъ конверты — близъ Никольскаго. А у Николы Чудотворца, подъ иконою его, что смотреть на Арбатъ, въ черныхъ наушникахъ и пальто старо-военномъ, съ золотыми пуговицами, пристроился полковникъ, съ сѣденькими, тупо-заслезившимися глазками, побѣлѣвшимъ носомъ, и неукоснительно твердитъ: „Подайте полковому командиру!“ Рыцарь задумчивый, задумчивый рыцарь съ высотъ дома въ Калошиномъ, внизъ глядитъ, на кипѣніе, бѣдный и горькій бѣгъ жизни на улицѣ, и цѣпенѣетъ, въ сѣдой изморози на высотѣ своей. А внизу фуры ѣдутъ, грузовики съ мебелью. Столы, кровати, умывальники; зеркала нѣжно и небесно отблескиваютъ, покачиваясь на толчкахъ. Люди въ ушастыхъ шапкахъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, въ курткахъ кожаныхъ вѣвзжаютъ и вывзжаютъ, изъ однихъ домовъ увозятъ, а въ другіе ввозятъ, вселяютъ, выселяютъ, все перерывая, вороша жизнь старую. Туго старой жизни;

притаилась въ тихихъ переулкахъ, думаетъ, гадаетъ, выселяется и тащитъ на Смоленскій кружева, браслеты, чашки, шали, юбки, мундштуки, подсвѣчники и кольца, и спускаетъ мужичкамъ, красноармейцамъ, спекулянтамъ, чтобъ купить проклятой пшенки, радости совѣтской. И все ждетъ, и все надѣется. „Ну, теперь ужъ близко!“ „Слышали, — вѣдь заговоръ. Нѣтъ-съ, когда и среди нихъ пошли раздоры, это агонія!“ Но отъ разговоровъ не слабѣй морозы, не дешевле дрова краденыя — и дороже пшенка.

И теперь узналъ поэтъ златоволосый, что есть печка дымная, что есть работа въ одной комнатѣ съ женой и дочкой, что есть пудъ картошки мерзлой, на себѣ тащимой съ Курскаго вокзала. Но все такъ-же, не теряя жизненности, силы и веселья, пробѣгаетъ онъ по правой сторонѣ Арбата, ловя взоры дѣвушекъ. По лѣвой-же — все также пролетаетъ и поэтъ бирюзоглазый, сильно посѣдѣлый, въ пальто рваномъ и шапченкѣ тертой — онъ спѣшитъ на лекцію, на семинарій, въ пролеткультъ и пролетдрамъ, политотдѣль и наробразъ, и въ словахъ новыхъ будетъ поучать людей новѣйшихъ старымъ откровеніямъ писаній.

Такъ идетъ, скрипитъ, стонетъ и ухаеетъ, гудитъ автомобилями, лущится сѣмечками, отравляется денатуратомъ, выселяется и арестуется, жирѣетъ и околѣваетъ съ голоду жизнь въ улицѣ-долинѣ, въ улицѣ, ведущей отъ Николы Плотника къ Николѣ на Пескахъ, и далѣе къ Николаю Явленному. Средь горечи ея, стонувъ отчаянія, средь крови, крика, низости, среди порывовъ, дѣятельности, силы ничтожества, среди всѣхъ образовъ и человѣка, и животного — всегда, въ субботній день передъ вечеромъ, въ воскресный — утромъ, гудятъ спокойные и важные колокола Троицкѣ Николѣ, вливаясь въ сорокъ сороковъ церковей Москвы. На зовъ ихъ собирается различный людъ. И старый, и молодой, и бѣдный, и богатый. Изъ холодающихъ угловъ идутъ старухи, чья судьба недолга: изъ уплотненныхъ, нѣкогда покоевъ важныхъ — фрейлины, аристократки. Лавочники лысые и мелкіе служащіе, и дѣвушки какія-то изъ скромныхъ — можетъ быть, изъ тѣхъ, что

надрывались днемъ, таща бревно, работая на кухнѣ, добывающая пшенку. Интеллигентъ русскій, давняя Голгоѳа родины, человѣкъ невидный и несильный, перекрестилъ лобъ. И матери и сестры, и невѣсты, что оплакиваютъ ближнихъ, пожранныхъ свирѣпой жизнью. Наконецъ, даже и ты, солдатъ красноармеецъ, воинъ новой жизни. Всѣ сюда собрались, всѣ равны здѣсь, равенствомъ страданія, задумчивости, равенствомъ любви къ великому и запредѣльному, общаго стоянія предъ Богомъ.

Служать старые священники. Есть, впрочемъ, также молодые, но иные ужъ, чѣмъ раньше; все иное. Все проще, побѣднѣй, и будто строже. Будто многое отмылось, вѣсковое, цѣпившее. И будто-бы Никола самъ, помощникъ страждущимъ, ближе сошелъ въ страшную жизнь.

Колокола звонятъ. Свѣчи теплятся. Ризы сияютъ на иконахъ, хоръ поетъ. Любовь, спокойный, свѣтлый миръ зоветъ. „Придите ко Мнѣ вси плачущіи, и Азъ упокою Вы“. И снова, и снова, какъ Рахиль древняя, какъ Матерь Господа, омываетъ мать слезами постарѣвшее свое лицо, мать надъ сыновнимъ трупомъ, надъ женихомъ невѣста, и сестра надъ братомъ. И сердца усталыя, души, въ огнѣ мятущіяся, души, грѣхомъ палимыя, изнемогающія подъ грузомъ убиенныхъ — всѣ идутъ сюда, быть можетъ, и палачъ и жертва, и придутъ, доколѣ живо сердце человѣческое.

Хоръ поетъ призывно: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“. Дѣвушки въ платочкахъ бѣленькихъ, какъ сестры милосердія, прислуживаютъ при служеніи.

V

Образъ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой суетою, любви, надеждъ, успѣховъ и меланхолій, веселья и стремленья — это ты, Арбатъ. Ты и шумѣлъ, и веселился, богатѣлъ и беззаботничалъ — ты поплатился. По тебѣ прошли метели страшныя, размели тебя и замерт-

вили, выѣли всѣ тротуары твои, омрачили, холоду нагнали по домамъ, тифомъ, голодомъ, казнями пронеслись по жителямъ твоимъ, и многихъ разметали вдаль. Многіе поумирали. А кто выжилъ, кто остался, тѣ узнали, жизнь, грозный и свирѣпый ликъ твой. Изъ дѣтей стали мужами. Окрѣпли, закалились, посѣдѣли. Некогда ужъ больше веселиться, и мечтать, меланхоличничать. Борисъ, отстаивай свой домъ, семью, дѣтей. Вези паекъ, тащи салазки, разгребай сугробы и коли дрова, но не сдавайся, русскій, гражданинъ Арбата. Много нагрѣшилъ ты, заплатилъ недешево. Но такова жизнь. И не стоитъ на мѣстѣ. Налетѣла буря, пронеслась, карая, взмѣшивая, встряхивая — стала тихнуть. Утомилась воевать и ненавидѣть; началъ силу забирать обычный день — атомная пружина человѣчества. Снова сталъ ты измѣняться, самъ Арбатъ. И съ удивленіемъ взираетъ рыцарь въ латахъ, рыцарь задумчивый съ высотъ Калошина, что человѣкъ опять закопошился за витринами магазиновъ, и за дверками лавченокъ, мастерскихъ; что возится и чинить плотникъ, и стекольщикъ замѣняетъ пулями пробитый бѣмъ на новый, и старательно расписываетъ живописецъ вывѣску надъ булочною. Вновь толпа наряднѣй. Вновь стремятся женщины къ одеждамъ, а мужчины къ деньгамъ. Вновь по вечерамъ кафе сіяютъ, и изъ книжныхъ магазиновъ книги смотрятъ, и извозчики снуютъ. Блеститъ Арбатъ, какъ полагается, по вечерамъ. И тотъ же Оріонъ, семизвѣздіемъ тайнопрельщающимъ, ведетъ свой путь загадочный въ пустыняхъ неба, надъ печально-бурной суролокой людей.

А ты живешь, въ жизни новѣйшей, вновь безпощадной, среди богатыхъ и бѣдныхъ, даровитыхъ и бездарныхъ, неудачниковъ, счастливыхъ. Не забывай уроковъ. Будь спокоенъ, скромнъ, сдержанъ. Призывай любовь и кротость, столь безмѣрно изгнанныя, столь поруганныя. Слушай звонъ колоколовъ Арбата. Въ горестяхъ, скорбяхъ суровыхъ, пей вино благи, опьянѣнія духовнаго, и да будетъ для тебя оно острѣй и слаще ѣдкихъ слезъ. Слезы-же пріими. Плачь съ плачущими. Замерзай съ замерзшими и голодай съ голодными. Но не гаси себя, и не сдавайся плѣну

мелкой жизни, мелкаго стяжательства ты, русскій, гражданинъ Арбата.

И Никола Милостивый, тихій и простой святитель, покровитель страждущихъ, другъ бѣдныхъ и заступникъ беззаступныхъ, распростершій надъ твоею улицею три креста своихъ, три алтаря своихъ, благословитъ путь твой и въ метель жизненную проведетъ. Такъ, расцвѣтетъ мой домъ, но не заглохнетъ.

А старенькій, сѣдой извозчикъ, именемъ Никола, проѣзжавшій нѣкогда въ санкахъ рваныхъ по Арбату на кляченкѣ Дмитровской, тотъ немудрящій старичокъ, что ѣздилъ при царѣ и черезъ баррикады, не боясь пуль, и лишь замолкъ на время — онъ ужъ ѣдетъ снова отъ Дорогомилова къ Большому Аѳанасьевскому.

Москва

1921 г.

Странное путешествіе.

I.

Въ сыромъ мартовскомъ днѣ дымно синѣли лѣса за Окой. Сзади остались сады, купола города. Дорога шла шоколадною лентою, иногда лошадь шлепалась въ ней и по лужамъ, иногда попадались съ боковъ небольшія озера — сверхъ льда. Вотъ будетъ тутъ половодье! Владекъ монастырь глянулъ прощально, предъ боромъ, далѣе мостъ желѣзнодорожный, черезъ который сейчасъ поѣзда не идутъ: топить нечѣмъ. Въ лѣсу сразу стало сумрачнѣе, суровѣй. Проѣхали лѣсопилку, дорога чуть въ гору, развѣзженная, розвальни ползутъ глубокой колеей, и крепнѣтъ. Бурый меринокъ Панкрата Ильича, патлатый и шершавый, бодро мѣситъ снѣгъ. Огромная кобыла Христофорова и Вани выступаетъ важно, поколыхивая сѣрымъ задомъ.

— Ну, что, Ваня, какъ дѣла?

Ваня повернулъ юное лицо въ ушастой шапкѣ. Каріе, спокойные и умные глаза, слегка исподлобья, обратились на Христофорова.

— Ничего, Алексѣй Петровичъ. Доѣдемъ.

Христофоровъ полузакрывъ вѣки и плотнѣе запахнулся въ шубу. Мягкій, слегка влажный отъ дыханія енотъ такъ сонно и привычно пахнулъ! „Ничего, доѣдемъ“ — онъ сквозь полудремоту улыбнулся. „Крѣпкій мальчикъ, коренастый, зря не скажетъ“.

Христофоровъ сидѣлъ въ розвальняхъ на мѣшкахъ

съ сѣномъ, Ваня ниже, бокомъ на облучкѣ, а въ ногахъ подъ дерюжкой крупа, сало, окорокъ: въ Москву на обмѣнъ. Ваня кончилъ реальное, жилъ у отца въ небольшомъ, тепломъ домикѣ надъ Окой, съ садомъ, яблонями и сливами. Невысокій, слегка сутулый, съ вишнями въ глазахъ, нѣжнымъ румянцемъ — леонардовскій юноша изъ подмосковныхъ мѣщанъ. Христофорова занесло сюда года два назадъ послѣ долгихъ, обычныхъ въ жизни его скитаній. Въ городкѣ онъ давалъ уроки, помогалъ на площадкѣ, разъ прочелъ лекцію о литературѣ. За ученіе Вани получалъ и мукой, и пшеномъ, иногда сахаромъ. Все такой-же былъ Христофоровъ, какъ въ дальніе, мирные годы; только борода сѣдѣе, усы ниже свисаютъ, да рѣже ширятся, словно бы магнетически — голубые, нѣкогда нѣжные къ нѣжнымъ московскимъ дѣвицамъ глаза.

Лѣсомъ ѣхали долго. Казалось, конца ему нѣтъ, и все кренять розвальни, бокъ устаетъ, дебрь кругомъ, подсѣдъ еловый, сумракъ... Наконецъ, за лощиною, поднялись круто въ горку — вырвались на шоссе. Гудитъ проволока, тянется полотно желѣзнодорожное, перелѣски, поля, сырой мартовскій вѣтеръ, но къ закату чуть прояснило. Вдали, надъ лѣсами, откуда пріѣхали, и надъ городкомъ, ставшимъ вдругъ страшно далекимъ, забрежжило мѣдное облако. Отъ него легъ на дорогу смутный и безпокойный отсвѣтъ.

Панкратъ Ильичъ соскочилъ со своихъ розвальней. Крѣпкимъ, нѣсколько развалистымъ шагомъ подошелъ къ Ванѣ и Христофорову.

— Отсидѣлъ ногу. Прямо чужая, анаѰема...

Онъ зажегъ спичку за вѣтромъ, спряталъ огонекъ въ лодкѣ ладоней, и держа цыгарку въ зубахъ, наклонился головою впередъ. Освѣтились свѣтлые усы, курчавая борода, глаза небольшіе, сѣро-выпуклые, загорѣлыя щеки. Втянулъ въ себя съ наслажденіемъ. Пыхнулъ — красно зардѣлась на вѣтру крученка.

— Опоздали, безо всякихъ... Ишь мокреть какую развело? Какъ-же мы домой-то доберемся? А?

Онъ сплонулъ.

— На шоссе горбъ обсохъ, слышь, по землѣ чиря-

баеть, меринъ весь въ дыму. Эхъ ты, ѣдятъ тебя мухи съ комарами.

Панкратъ Ильичъ шелъ рядомъ, ѣдко курилъ, сладко ругался, было видно, что ругаться ему нужно: такъ, избытокъ силъ. И отъ всего его тулупа, валенокъ на кожаныхъ подошвахъ, вкусной на вѣтру цыгарки, брани, становилось веселѣе. Онъ стегалъ иногда сѣрую кобылу — не по злости, а тоже для поощренія. Вечеръ-же надвигался. Все смутнѣй, сумрачнѣй, одиноче въ таломъ полѣ. Но когда совсѣмъ стемнѣло, дрогнули огоньки въ деревнѣ. Панкратъ Ильичъ сѣлъ въ свои розвальни, тронулъ рысью, черезъ четверть часа ѣхали уже длинною слободою, черезъ которую шло шоссе, спрашивали бабъ на крылечкахъ:

— Эй, тетка, пустишь, что-ли, ночевать?

II

Съ одного крыльца, изъ темноты, отвѣтили:

— Заворачивайте.

Сумрачно отдѣлилась женская фигура, зашлепала къ воротамъ. Они заскрипѣли. Панкратъ Ильичъ съ Ваней тронули лошадей во дворъ. Христофоровъ слѣзъ, путаясь въ старенькомъ своемъ енофѣ, и слегка придерживая полы шубы, вошелъ въ сѣни.

— Въ Москву, что-ли? — спросилъ женскій голосъ, и рука отворила дверь изъ сѣней въ самую избу.

— Въ Москву.

Изда была опрятнѣе и больше тульскихъ и калужскихъ, въ общемъ то-же, все обычное, знакомое. Лучины, впрочемъ, Христофоровъ не видалъ давно. Теперь она горѣла чисто, жарко, въ желѣзномъ кольцѣ, и тараканъ суетливо бѣжалъ подъ нею. Но какая-то пустыннось, словно нежилое вдругъ почувствовалось. Христофоровъ вспомнилъ, что такое-же ощущеніе было и на улицѣ: будто полусонная деревня, и полупустая. Баба оказалась сѣрая, немолодая и худая. Дѣвочка выглядывала съ печки. Что-то одинокое и скорбное невидимо разлито въ воздухѣ.

— Въ Москву, значитъ, на лошадахъ... вздохнула баба.

— Дѣла-а! Хлѣбушка не разживемся у васъ? Хоть по крошкѣ, съ Рождества окончатникъ жремъ.

Она взяла со стола кусокъ зеленоватой мастики — Христофоровъ хорошо зналъ этотъ знаменитый фруктъ — горсточка муки, заваренная на сушеномъ конскомъ щавелѣ.

Отворилась дверь, Ваня вошелъ.

— Хозяйка, покажи-ка намъ, гдѣ лошадей поставить. Да получше-бы ворота запереть, а то вѣдь знаешь, времена какія...

Ваня смотрѣлъ спокойно, исподлобья, леонардовскими своими глазами, и не снялъ ушастой шапки.

— Ваня, я могу помочь вамъ,—сказаль Христофоровъ.

— Отпречь лошадей, напимѣрь...

Ваня на него взглянулъ, чуть улыбнулся.

— Нѣтъ ужъ, Алексѣй Петровичъ, васъ не надо. Сами справимся.

И съ такою дѣловитостью, на своихъ коротковатыхъ ногахъ вышелъ съ бабою, что Христофорову только осталось сѣсть на лавку да глядѣть на таракана, на лучину, все попрежнему потрескивавшую, на кудлатую головку дѣвочки. „Ему восемнадцать лѣтъ, мнѣ за сорокъ, и я его учитель, но онъ смотритъ на меня, какъ на ребенка“ — голубые глаза Христофорова расширились, и гипнотически уставились на проходившаго мягко по лавкѣ кота. Котъ вытянулъ хвостъ, изогнулся, поблескивая электрической шерсткой, тоже воззрися на Христофорова круглыми зеленоватыми зрачками. А потомъ ушелъ, пофыркивая, чѣмъ-то недовольный.

Панкратъ Ильичъ и Ваня скоро возвратились. И начался ужинъ въ чужомъ домѣ, на изгрызанномъ столѣ, въ душноватомъ сумракѣ полупустой избы.

Бабѣ съ дѣвочкой дали по ломтику сала и хлѣба. Онѣ жевали бессмысленно-сладостно. Панкратъ Ильичъ ѣлъ много и серьезно, разогрѣлся, раза два икнулъ. Потомъ раскинулъ свой тулупъ, угрюмо улегся на лавкѣ.

— Какъ ворочаться будемъ... какъ доѣдемъ... — онъ зѣвнулъ — Царица Небесная... Тетка, что слыхать подь Москвой... отбираютъ шибко?

Баба запѣла съ печки.

— Ужъ какъ отбирають, милые мои, ужъ надысь бабочки говорили, прямо обчищаютъ...

— Экая стерва... Значить, настоящая стерва.

Онъ шумно выпустилъ изъ груди воздухъ. Лучина давно догорѣла, и огрызокъ ея съ шипѣниемъ упалъ въ тазъ съ водою. Темнота избы — послѣднее, что получила человѣческаго — слова Панкрата Ильича, не очень утѣшительныя. А потомъ и онъ замолкъ. Лишь бурно закипѣла его грудь.

Христофоровъ лежалъ на спинѣ, на своей вытертой шубѣ. То-ли было душно, новое-ли мѣсто, только не спалось. Изъ окошка, рядомъ, легъ свѣтъ луны, золотистой пеленой охвативъ нѣжныя ворсинки мѣха. Онѣ заиграли въ немъ радужными оттѣнками. Все тотъ-же котъ, безшумно, тайнымъ татемъ, прошелъ у стѣны по лавкѣ, и войдя въ полосу луны, вдругъ остановился, выщербилъ свою спину, повернулъ къ окну свою морду и бессмысленно, но и безвольно заглядѣлся. Его мягкая шерстка затеплилась сухимъ блескомъ... Христофоровъ лежалъ неподвижно, почти не дышалъ — не хотѣлось сгонять мгновеннаго очарованья. Пусть-бы всегда вотъ такъ котъ стоялъ, играла луна и мѣхъ зыблился, и въ этомъ обольщеніи, какъ въ позлащенной раковинѣ все бы вотъ смотрѣть, и жить...

Лунное полотно переползало далѣе. Котъ ушелъ, открылся новый міръ. Полотно накрыло голову Вани на угловой лавкѣ, и взоръ Христофорова, какъ взоръ кота, безвольно, съ нѣжностью уставился на нѣжный юношескій очеркъ, на румянецъ, на закрытые, такъ знакомо-каріе глаза.

Христофоровъ поднялся, всталъ, медленно шаркая валенками вышелъ въ стѣни. А потомъ отворилъ дверь на крылечко, сѣлъ. Онъ былъ взволнованъ и растроганъ. Сейчасъ, позднею, безнадежной ночью, надъ умершею древней дышалъ свѣжимъ и пустыннымъ воздухомъ. Пѣтухи сонно и печально прокричали.

Залитая луннымъ свѣтомъ улица тянулась вдаль, кое-

гдѣ бѣлѣли въ ней пятна нерастаявшаго снѣга и чернѣли тѣни избѣ.

— Всѣ очарованія прошлаго ушли, но они были, были...

И если-бъ Христофоровъ захотѣлъ, изъ тайнаго былого, силою луннаго воображенія, онъ легко, послушно вызвалъ-бы видѣнія своихъ развѣянныхъ любвей, всю смутно расточавшуюся нѣжность, всѣ легкія, незавершенныя, и навсегда ушедшія свои волненья.

Но освѣжившись ночнымъ воздухомъ, онъ возвратился. Проходя мимо Вани, поправилъ его руку, чуть пригладилъ растрепавшіеся волосы и укрылъ плечо тулупомъ. Ваня бормоталъ сквозь сонъ. Христофоровъ снова легъ.

III

Выѣхали на другой день очень рано — Панкратъ Ильичъ хотѣлъ захватить морозца. Было совсѣмъ пасмурно, когда Ваня отворилъ ворота и двое развальней, одни за другими, выѣхали на середину слободы. Христофоровъ забрался съ ногами и кутался въ шубу. Ваня и Панкратъ Ильичъ шагали рядомъ. Холодный туманъ надо всѣмъ висѣлъ. Холодное его безмолвіе еще сильнѣй открылось за деревней, когда пошли поля, тонуція въ молочной гущѣ, а передъ глазами только горбъ шоссе, кое-гдѣ съ обтаявшей землей, мерзлымъ навозомъ, кое-гдѣ съ тонкимъ, пузырящимся ледкомъ. По немъ скользить, прочеркивая снѣжную полоску, подкова лошади.

Ѣхали долго, все подъемъ, прямой и ровный. Ни пѣтуха, и ни собаки, ни навстрѣчу никого. Стало свѣтлѣе. Неожиданно сбоку выступилъ корпусъ фабрики. Отворены ворота, ни души. Окна повывиты. Безмолвная труба и на одномъ углу обнажены стропила.

Панкратъ указалъ кнутовищемъ.

— Пролетаріатъ празднуетъ. Каждый день воскресенье. Видите какъ крышу объѣдаютъ? Это все у нихъ на продажу, кровельное-то желѣзо. Все сообразятъ... Тутъ цѣльная деревня этимъ живетъ.

Онъ подошелъ вплотную къ Христофорову. Глаза его вдругъ свирѣло загорѣлись. — Я-бъ этихъ сукиныхъ дѣтей, доведись мнѣ...

Панкратъ Ильичъ былъ хуторянинъ, верста за десять отъ городка Вани и Христофорова. Землю у него общество отобрало, но онъ жилъ, все-таки, своимъ домкомъ и жилъ неплохо, по сравненію съ другими. Спекулировалъ чѣмъ могъ, иногда, какъ теперь, ѣздилъ въ Москву, и сейчасъ подъ сѣномъ своихъ розвальней кое-что везъ. Только бы провезти! И весь его тулупъ, курчавая борода, небольшіе глазки, крѣпкіе валенки на кожаныхъ подошвахъ—выражали одно: ну, идти, дѣлать, взялся, такъ ужъ сдѣлать — и сдержанное волненіе было въ немъ.

— Алексѣй Петровичъ! — вдругъ воскликнулъ Ваня, остановивъ сѣрую кобылу. — Поглядите-ка, что!

И онъ вылѣзъ изъ розвальней, подбѣжалъ къ краю дороги. Христофоровъ съ усиліемъ разогнулъ затекшія ноги, перевалился черезъ облучекъ, и поддерживая полы шубы, подошелъ тоже. Въ слегка разошедшемся туманѣ, на начавшемъ отсырѣвать шоссе ржаво расползалась красноватая лужица. Кой-гдѣ были въ ней сгустки, прожилки. По сторонамъ нѣсколько брызгъ.

— Нехорошо, — сказалъ Ваня. Рѣсницы карихъ его глазъ слегка вздрогнули. И поослабъ румянецъ на щекахъ. Панкратъ Ильичъ потрогалъ кнутовищемъ темно-бурую печенку.

— Я-бъ живой не дался!

А потомъ обернулся къ Христофорову и запустилъ руку въ карманъ.

— У меня для такихъ есть гостинецъ — и вынулъ небольшой револьверъ. — Безъ этого теперь нельзя.

Сумрачно запахнувъ тулупъ, догналъ свои розвальни, рухнулъ въ нихъ, хлестанулъ мерина и погналъ его рысью. Ваня попрежнему сидѣлъ на облучкѣ, серьезный и спокойный, въ своей ушастой шапкѣ. Послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— А это хорошо, что у него оружіе...

— А вы какъ, Ваня, скажете, вамъ жутко?

— Ну, ничего, мало-ли, со всякимъ можетъ быть. Нѣтъ, чего-жъ бояться... Разумѣется, запаздывать не надо.

„Вотъ онъ всегда уравновѣшенъ и покоенъ“, Христофоровъ слегка про себя улыбнулся, и какъ нерѣдко съ нимъ бывало, точно бы отдался увѣренности, серьезности сидѣвшаго рядомъ юноши. Да, это другой народъ, другое племя! „Нынче Ваня у меня учится, завтра можетъ быть инструкторомъ физической культуры, послѣзавтра красноармейцемъ и купцомъ“. Христофорова это не огорчало, скорѣе радовало. Было приятно, что молодой и увѣренный въ себѣ юноша, такъ непохожій на комсомольца — всетаки ученикъ его, и другъ, почтительный и внимательный. Ваня всегда осторожно, и твердо подчеркивалъ именно уваженіе къ Христофорову умственное. Было это и въ томъ, какъ онъ слушалъ его — уроки-ли, лекціи-ль? — какъ говорилъ о немъ. Но всегда Христофорову чувствовалось, что до конца передъ нимъ Ваня не выскажется. И это ему тоже нравилось.

Между тѣмъ, становилось теплѣй, и свѣтлѣе. Давно разошелся туманъ. Солнце, правда, не выглянуло, но легкій, сизо-сиреневый свѣтъ все-же легъ по полямъ, еще снѣжнымъ, въ проталинахъ, по блѣднымъ, чуть тронутымъ весною рощамъ, засинѣвшимъ лѣсамъ. Ъхали той частью подмосковіи, гдѣ много небольшихъ березовыхъ лѣсовъ и перелѣсковъ, хорошо воздѣланныхъ полей, уютныхъ деревень, сельскихъ церквей.

Христофоровъ снялъ шубу, и въ одномъ пальто шагаль рядомъ съ розвальнями.

Родина засвѣтилась ему давно невиданной теплотою, прелестью. „Боже мой, есть еще весна, будутъ ручейки, первые лютики въ лѣсу, хорканье вальдшнепа на зарѣ“... Онъ вздохнулъ.

А дорога вновь уже шла подъ гору, къ селу. Проѣхали мимо большого парка, въ глубинѣ котораго розовѣлъ господскій домъ — къ нему вела аллея елочекъ. На другой сторонѣ дороги, на отлетѣ, церковь въ рощицѣ. Въ селѣ Панкратъ Ильичъ выбралъ чайную съ синей вывѣской, и подѣхалъ къ комягѣ, гдѣ нѣсколько лошадей, съ распу-

щенными хомутами, въ розвальняхъ и пошевняхъ, жевали сѣно.

Вылѣзая, Христофоровъ сказалъ Ванѣ:

— Нынче воскресенье, не зайти-ль намъ въ церковь?

Ваня улыбнулся карими своими глазами.

— Идите, Алексѣй Петровичъ, я шубу лучше постерегу, да кобылѣ корму задамъ.

Солнце совсѣмъ привѣтливо выглянуло изъ-за облаковъ. Явно зачернѣли откосы въ селѣ, ручей побѣжалъ, текущая голубизна задрожала надъ дальней осиновою рощей. Грачи очень развоевались. Христофоровъ шелъ, дышалъ весной, и снова грустно-умиленное наплывало въ его душу. Онъ попалъ въ церковь къ Достойной. Медленно перезванивали на колокольнѣ. Бабы и старики, нѣсколько ребятъ. Дурачекъ, неизмѣнный при деревенской службѣ, бурно крестилъ грудь и подрагивая, весь подергиваясь, билъ поклоны.

Служилъ священникъ очень старый, совершенно лысый, какъ апостолъ Павелъ, тѣмъ спокойнымъ многолѣтне-выношеннымъ голосомъ, въ которомъ личное точно теряется.

И лишь временами странное какъ бы всхлипыванье туманило его слова, и глаза увлажнялись. Христофоровъ сразу вошелъ въ то облегченное, и свѣтло-благоговѣйное настроеніе, какое давала ему церковь. Чинные возгласы, мѣрные ризы, медленный ходъ кадила и скромно-торжественный отзывъ хора вели ровной волною. Иногда набѣгала слеза, и тогда золотой свѣтъ свѣчей дробился, роился сияющимъ ореоломъ. Да, вотъ, всѣ, по лицу Руси такъ-же стоятъ сейчасъ передъ Господомъ, и такъ-же поетъ хоръ, и просіявшій голубой столбъ такъ-же возносится отъ солнечнаго пятна на амвонѣ въ высоту купола, гдѣ летитъ таинственно-сладчайшій Голубь.

Вѣроятно, чужому лицу Христофорова, съ расширенными синими глазами, внизъ свисающими длинными усами, курчавою бородкою, лицо невидящее и отчасти дѣтское показалось-бы нѣсколько полоумнымъ. Но таковъ ужъ былъ онъ, не другой. Принять его, или надъ нимъ смѣяться, дѣло взгляда.

Когда-же онъ вернулся въ чайную, гдѣ Ваня и Панкратъ Ильичъ сидѣли на завалинкѣ, на солнцѣ, и молча курили, Панкратъ Ильичъ сказалъ, бросая въ лужу свой окурокъ:

— Ну, во время вчера заночевали... Прямо во время.

— А что такое?— спросилъ Христофоровъ.

— А вотъ, что впереди насъ ѣхалъ мужикъ курловскій, да запоздалъ, хотѣлъ до выселокъ добраться...

— Ну?

— На дорогѣ лужу позабыли?

— Этого мужика,—спокойно сообщилъ Ваня:—нынче привезли сюда убитаго.

IV

Такъ какъ дорога портилась, двигались медленно. Вѣсти доходили все плохія — подѣ Москвой сплошь заставы, провезти ничего нельзя. Надо „потрафлять“ проселками, лѣсами, на глухія деревушки, можетъ и удастся. И рѣшили ночевать въ Дудкинскихъ Дворикахъ, въ верстѣ отъ шоссе, откуда и начать завтра утромъ объѣздъ.

Въ Дворики добрались засвѣтло. Остановились у портного, пріятеля Панкрата Ильича. Худой, въ очкахъ, жилеткѣ и въ калошахъ на босу ногу, похожій на полуобшипаннаго пѣтуха, онъ вышелъ на крылечко своей хаты, приложилъ руку къ глазамъ, закрываясь отъ низкихъ лучей солнца.

— А-а, Панкратъ Ильичъ, здравствуй, заплѣлъ тонкимъ, носовымъ голосомъ: — куда миляга? Не въ Москву-ль? Али въ большевички записываться собрался?

— Насчетъ большевичковъ, Антонъ Прокофьичъ, я ужъ подожду, покуда ты прошеніе подашь, да въ предсѣдатели выйдешь, а ужъ мы, значитъ, за тобой, въ затылокъ... Это-же мои попутчики, люди хорошіе.

Отпрягли лошадей, задали корму, въ душевной, но довольно чистой и гостепріимной избѣ Антона Прокофьича забурлил самоваръ на изрѣзанномъ ножами столикѣ. Христофоровъ угощалъ крутыми яйцами, медленно двига-

лась баба хозяйка, и въ маленькихъ окошечкахъ краснѣлъ закатъ.

Спать было еще рано, въ избѣ душно. Закусивъ, Христофоровъ предложилъ Ванѣ пройтись.

Золотисто-огненное облачко стояло надъ осинникомъ, густо забравшимъ скатъ къ рѣчкѣ. Ваня съ Христофоровымъ прошли мимо амбарчика, взяли съ дороги вправо, по обсохшему откосу, и спустились къ той лощинкѣ, надъ которой Дворики стояли. Пахло сыростью, непередаваемой лѣсною прелестью. Тропинка привела ихъ къ завалившейся ветлѣ. Сзади слегка курились Дворики, виднѣлись клѣти, погреба, овины. Милый вечеръ, тихий вечеръ наступилъ и замлѣлъ.

— Ваня,—сказалъ Христофоровъ,—вамъ должно быть показалось страннымъ, что я повелъ васъ гулять.

— Отчего-же, Алексѣй Петровичъ. — Въ избѣ воздухъ тяжелый.

— Ну, конечно. Но не одно это. Мнѣ, во-первыхъ, вообще пріятно, когда вы со мною...

Ваня улыбнулся.

— И второе — что вамъ слушать разговоры, грубыхъ слова, брань, когда вотъ есть природа, красота, весна. Давеча вы не захотѣли идти со мною въ церковь, и напрасно. Ну, теперь тоже, въ своемъ родѣ, храмъ, имъ полюбоваться тоже не мѣшаетъ.

— Что-же вы находите во мнѣ такого интереснаго?—спросилъ Ваня. — Вы вотъ мнѣ даете книги, и меня учите, рассказываете о другихъ странахъ, другой жизни, водите съ собой на прогулки, а вѣдь я простой мѣщанскій малый, мой отецъ торговецъ... Что такого вы во мнѣ замѣтили?

Христофоровъ сѣлъ на пенекъ. Кругомъ была мелкая поросль: осинникъ, березнякъ, ниже, къ рѣчкѣ, былъ еще снѣгъ въ ивнякѣ и ольхахъ. Ваня прислонился къ кучѣ хвороста. Изъ подъ него выскользнула узенькая ласка, точно змѣйка, и исчезла. Пахло терпко-горько и очаровательно — свѣже срубленнымъ деревомъ. Христофоровъ вдругъ вытянулъ шею.

— Тс-сс...

Верхи осинъ за рѣчкой, подымавшихся по взгорью, дымно розовѣли. А внизу уже ложился сумракъ. Въ тихомъ воздухѣ съ легкимъ дыханіемъ близкаго снѣга, но съ пронзительной горечью весны, раздалось дальнее таинственное хорканье.

И вотъ, за тонкой сѣтью осинъ, летя надъ рѣчкою и низиною, появился и самъ тайный обитатель этихъ мѣстъ. Длинноносый вальдшнепъ тянулъ на зарѣ, насвистываль, нахоркивалъ вѣчный призывъ любви, вѣрное указаніе весны. Налетѣвъ близко, вдругъ увидѣлъ людей, трепыхнулся, сдѣлалъ поворотъ, и на крѣпкихъ, на упругихъ крыльяхъ, разрѣзая длиннымъ носомъ зарумянившійся воздухъ, полетѣлъ дальше.

Христофоровъ засмѣялся.

— Насъ увидѣлъ! Что за зоркій глазъ! Я прервалъ васъ, Ваня потому, что очень люблю это, весенній вечеръ, тягу...

Онъ досталъ изъ старенькаго портсигара на закурку табаку, сталъ свертывать его въ бумажкѣ между пальцевъ.

— Съ тягою связано мое дѣтство, домъ, усадьба, мать, отецъ — все то, что ушло невозвратно. Вотъ я и взволновался. Что-же до васъ... ну, молодость нерѣдко вызываетъ въ насъ участіе, сочувствіе... А потомъ... вы знаете, вѣдь я совсѣмъ одинъ. Родители мои давно ужъ умерли, сестра погибла въ революцію, женатъ я не былъ. Такъ что я бобыль. И надо думать, во мнѣ есть какое-то семейственное тяготѣніе — вы, напимѣръ, кажетесь мнѣ вродѣ-бы племянникомъ. И вотъ въ Москву, Богъ дастъ, дождемъ, мнѣ-бы хотѣлось повидать кое кого изъ прежнихъ... Вѣдь мы, знаете, становимся теперь ужъ рѣдкостью...

— Да, вы не совсѣмъ такой... обыкновенный, глухо сказалъ Ваня.

Христофоровъ подперъ рукой голову.

— Необыкновеннаго во мнѣ ничего нѣтъ, просто я человѣкъ, но, правда, мало подходящий къ нашимъ временамъ. — Онъ улыбнулся.

— Для чего такой я нуженъ?

— Однако-же вы учите меня?

— И очень радъ, и очень радъ... — Христофоровъ вдругъ взялъ его за руку, какъ бы взволнованно.

— Вы слушайте меня. Все, что я вамъ говорю, слушайте. Дурному не научу, а кромѣ меня некого вамъ слушать. И время трудное, и ваша жизнь длинна.

Закатъ смутно краснѣлъ сквозь чашу, и вода журчала. Иногда что-то похрустывало въ лѣсу. Христофоровъ поднялъ голову къ небу. Оно стояло высоко, блѣдно-зеленое, пламенѣя къ западу, и холодно-лиловое къ востоку. Легкимъ узоромъ едва проступали звѣзды.

— Вотъ она, — сказала Христофоровъ, указавъ на блѣднозолотистую, нѣжную Вега.

— Это Вега, Ваня, альфа Лиры, о которой я говорилъ вамъ, какъ объ одной изъ самыхъ близкихъ къ намъ.

— Да, помню.

— Это Вега, — повторилъ Христофоровъ. — Голубая звѣзда Вега, звѣзда любви, моя звѣзда.

— Какъ-же такъ ваша?

— Вы не видите сейчасъ параллелограмма Лиры, возглавляемого ею. Небо недостаточно еще стемнѣло. А почему это моя звѣзда, особый разговоръ.

Христофоровъ разговора не продолжалъ. Да было-бы и поздно. Ужъ вполнѣ темнѣло.

Въ Дворикахъ по ночному лаяла собака. Пора.

У Антона Прокофѣича на столѣ стояла маленькая лампочка, едва освѣщавшая комнату. Самъ онъ раздѣвался за перегородкой, и по временамъ высовывалъ худую голову въ очкахъ и съ тощею козлиною бородкой.

— Кто смѣлъ, — крикнулъ онъ, когда Ваня и Христофоровъ входили: — тотъ двоихъ съѣлъ.

Панкратъ Ильичъ, съ которымъ, видимо, шелъ у него оживленный разговоръ, стелилъ на полу тулупъ.

— То-то вотъ и съѣлъ... они, черти, всѣ нажратые. Кто сыгъ, тотъ и съѣлъ. А наше мужичье, что? Замѣсто хлѣба оконятникъ. Ткнешь его, онъ и икнетъ.

— Ага, сопутнички, пора, пора, — заговорилъ вновь Антонъ Прокофѣичъ. — Ну, что-жъ, все жительство наше

обозрѣвали, всѣ Палестины? Какъ нашли здѣшнюю мѣстность?

— Да мы такъ — Ваня отвѣтилъ уклончиво — просто прошлись.

Панкратъ Ильичъ ослабился.

— Алексѣй Петровичъ, всѣ-ли звѣзды перечли? А то вдругъ-бы чего не позабыть? Тамъ у васъ хозяйство большое!

— Всѣхъ не перечесть, Панкратъ Ильичъ, а закатъ ясный, чистый, и пожалуй, завтра опять денекъ выдастся погожий...

— Значитъ, и совсѣмъ по землѣ поѣдемъ.

Изъ-за перегородки опять высунулась остроугольная тѣнь.

— Про звѣзды, значитъ, и ска-жи на милость...

— Алексѣй Петровичъ у насъ самый во всемъ городѣ ученый человѣкъ, — отвѣтилъ Панкратъ Ильичъ тономъ серьезнымъ и благожелательнымъ. — Оно, конечно, это теперь мало кому нужно, да вѣдь не вѣкъ-же такъ будетъ...

Христофоровъ съ Ваней улеглись на полу, рядомъ. Огонекъ задули. Нѣкоторое время всѣ лежали молча. Тикалъ только маятникъ дешевенькихъ часовъ съ гвоздями вмѣсто гири.

Вдругъ Панкратъ Ильичъ приподнялся и сѣлъ.

— Нѣтъ, я этой стервы не вынесу. Это какъ хочешь, Антонъ Прокофьевичъ.

За перегородкой скрипнуло.

— Да вѣдь я что-жъ, мнѣ цѣловаться съ ними, что-ли?

— Посуди самъ: у меня тридцать десятинъ земли. Что я, укралъ ее? Нѣтъ. Отъ отца получилъ? Тоже нѣтъ. Я ее, землю-то, своей мозолью нажилъ. Я какъ сукинъ сынъ работалъ, и въ Москвѣ, и въ Ростовѣ служилъ, недоѣдалъ, недосыпалъ, все копилъ. Бывало, дастъ хозяинъ къ празднику пятерку — прямо въ сберегательную. И женился, завелъ домъ, землю, свиней, птичникъ, всякую коровку. Овесъ сѣялъ шведскій и шатиловскій — самъ за сѣменами ѣздилъ. Сѣялка, вѣялка, плуги какіе — прямо заглядѣнье.

— Въ полномъ оборотѣ хозяйство... — откликнулись изъ-за перегородки.

— А земля что у меня давала? Почитай сто пудовъ съ десятины. Я овесъ разводилъ, хоть на выставку выставляй. Свиньями съ латышомъ могъ помѣяться, съ Башинскимъ...

Панкратъ Ильичъ помолчалъ, только въ темнотѣ слышалось его сопѣнье.

— Свиней всѣхъ перерѣзали, птицу исполкомъ сожралъ, землю раскроили, чтобы каждому бродягѣ хватило. А что толку? Эта же земля теперь тридцати пудовъ не даетъ. А ты бейся. Да того гляди изъ собственной избы выставятъ. Нѣтъ, чего тутъ... Заряжу двустволку, да какъ ахну раза, вотъ тогда узнаютъ.

Панкратъ Ильичъ нѣсколько разъ вздохнулъ, бурно, съ клокотаньемъ, перевернулся, почесался, и довольно скоро захрапѣлъ.

Христофорову-же не спалось. Всѣ эти разговоры онъ слыхалъ не разъ — не такъ ужъ интересно, даже нѣкоторое уныніе они нагоняли. Просто хотѣлось отдохнуть, тишины, свѣта... онъ и самъ точно не сказалъ бы чего, только не этой избы, и не храпа, и не розвальней, не крупъ, не мериновъ...

Ваня дышалъ ровно, но Христофоровъ чувствовалъ, что онъ не спитъ. Вдругъ Ваня сълъ. Христофоровъ слегка пошевелился.

— Вотъ, не могу заснуть, — прошепталъ онъ. — Вы меня растревожили, что-ли...

— Чѣмъ-же я васъ растревожилъ? — Тоже шепотомъ спросилъ Христофоровъ.

— Не знаю, — глухо отвѣтилъ Ваня. — Самъ не знаю. Христофоровъ тоже сълъ, взялъ Ваню за руку.

— Вы точно недовольны мною?

Ваня вздохнулъ.

— За что мнѣ недовольнымъ быть? Да и я... — Ваня не докончилъ какъ бы замаявшись: я, Алексѣй Петровичъ, не могу быть не довольнымъ вами, если-бъ и захотѣлъ.

Онъ помолчалъ.

— Почему вы это говорили... голубая звѣзда, звѣзда любви... Я ничего не понимаю.

— Ахъ, вотъ что...

Если-бы не было темно въ избѣ, Ваня увидѣлъ бы, какъ расширились, и вперились въ блѣдный квадратъ окна глаза Христофорова.

— Это, Ваня, тоже отголосокъ прежняго.

— Ну, ладно, прежняго... А что-же?

Христофоровъ пожалъ его руку.

— Вы хотите отъ меня какой-то исповѣди... въ душевной избѣ, по дорогѣ въ Москву, завтра будемъ прятать вещи...

Ваня сълъ поудобнѣе, и шепнулъ не безъ упрямства:

— Хочу...

— Ну что-же, если хотите... — Христофоровъ помолчалъ. — Голубая звѣзда есть звѣзда покровительница всей моей жизни. Я случайно это открылъ. То-есть, для меня самого это ясно, а для другихъ... Въ чистотѣ, нѣжности этой звѣзды слилось все прекраснѣйшее, женственное, что разлито въ мірѣ. Для меня Вега есть обликъ небесной Дѣвы, неутоленной любви, благодатной силы, мучившей и дававшей счастье..

— Значить вы счастливы не были.

— Иногда, быть можетъ, былъ... Но...

Голосъ Христофорова слегка пресѣкся. Ваня вздохнулъ.

— Это намъ трудно понять, Алексѣй Петровичъ.

И вдругъ приложилъ горячій лобъ къ рукѣ Христофорова.

— Я два года назадъ полюбилъ одну дѣвушку. У насъ жила, бѣженка. Полька. Какъ я ее любилъ! Мы цѣлый годъ съ ней прожили. А потомъ она уѣхала... Такъ, все таки, уѣхала.

Христофоровъ почувствовалъ на рукѣ своей горячую влагу. Голова Вани слегка вздрагивала.

— Ужъ какъ просилъ не уѣзжать... уѣхала.

Христофоровъ медленно, ласково гладилъ другою рукою волосы Вани. Въ четырехугольникѣ окна была видна голубоватая звѣзда.

Къ большому удовольствію Панкрата Ильича, утро принесло морозъ. Поднялись совсѣмъ затемно. Антонъ Прокофьевичъ вздулъ огонь, при фонарѣ запрягали, при полныхъ звѣздахъ, по скрипучему, синему снѣгу двинулись невѣдомо куда — по крайней мѣрѣ, такъ казалось Христофорову. Что-то таинственное, почти воровское было въ этомъ выѣздѣ. То-ли разбойники, то-ли контрабандисты. — Христофоровъ и улыбался про себя, ощущая подъ ногой куль съ крупюю, но и какое-то волненіе въ немъ подымалось. Вечеромъ должна уже быть Москва. На фабрику, вблизи Рогожской, собирались ночевать у сторожа, дяди Панкрата Ильича.

А пока что, ѣхали проселкомъ среди молоденькихъ березокъ, ихъ смѣняли голыя поляны, сплошь въ снѣгу, мелкій ельникъ, лишь укывшій-бы лисицу. Здѣсь еще зима. По зимнему багрово выкатилось солнце, сизый воздухъ все еще казался колкимъ. И по сторонамъ дороги чаще попадались синія цѣпочки — заячьи слѣды.

Ваня былъ хмуръ и неразговорчивъ. Силѣлъ спиною къ Христофорову, похлопывая рукавицами, иногда рѣзко дергалъ возжу. Ну да, какъ будто говорилъ его видъ: вчера разстроился и разболтался, ничего не значитъ, нынче все по прежнему... И когда Христофоровъ спросилъ, хорошо-ли онъ спалъ и какъ себя чувствуетъ, Ваня бѣгло поднялъ темно-вишневые свои глаза и угрюмо отвѣтилъ:

— Отлично.

Такъ ѣхали довольно долго. Солнце уже совсѣмъ высоко поднялось, слегка пригрѣло, и кое гдѣ выступили по дорогѣ пятна. За розвальнями оставался то зеркальный, то атласно-шоколадный слѣдъ. Послѣ безконечныхъ поворотовъ, спусковъ и подъемовъ оказались вдругъ у звѣзда въ небольшую деревушку. Она стояла на пригоркѣ. Открывались виды на далекую долину рѣки Пахромы. Странное чувство появилось у Христофорова: точно Москва близко, и совсѣмъ знакомое, родное въ пейзажѣ, но и никогда онъ не былъ здѣсь, такъ глухо, такъ заброшено въ лѣ-

сахъ, проселкахъ, будто страна сказочная, или страна сна: и то, да и не то, и близко, а не попадешь. Это ощущение въ свѣтлый, солнечный день, вдругъ прошло по сердцу неожиданною грустью.

Подъѣхали къ избѣ съ краю, рѣшили отдохнуть. Лошадей оставили у крыльца.

Въ избѣ было свѣтло, довольно чисто, и довольнолюдно. Шныряла молодая, ловкая бабенка въ клѣтчатой кофтѣ съ высокими грудями, старуха возилась у горѣвшей печи, толкались дѣти, и не совсѣмъ понятные мужчины, не то родственники, не то пріѣзжіе, допивали чай, шумно разговаривали, потомъ одинъ, молодой, всталъ, взялъ въ углу какой-то кулъ, въ сопровожденіи бабенки потащилъ въ сѣни. Пріѣзжихъ встрѣтили очень привѣтливо. Христофорову даже показалось, что слишкомъ. Старуха кланялась. Молодая сейчасъ-же предложила чаю, и яичекъ, появился бѣлый хлѣбъ. Было впечатлѣніе, что это постоянное дворъ.

Чаю выпили охотно. За окномъ блестялъ снѣгъ въ полѣ. Панкратъ Ильичъ былъ разговорчивъ, веселъ, обтирая свѣтлые усы, поглядывалъ на молодуху. Такъ посидѣли съ полчаса. Вдругъ, недопивъ чашки, будто сообразивъ что-то, Панкратъ Ильичъ быстро вышелъ въ сѣни. Молодуха слѣдомъ. Потомъ раздалась голоса, все громче, дверь шумно вновь отворилась, и Панкратъ Ильичъ, поблѣднѣвъ, блестя глазами, крикнулъ:

— Овесъ мой украли!

Всѣ сразу замолчали, потомъ поднялись, и началась бессмысленная суматоха. Выбѣжали изъ избы, вдругъ потерявшей все свое гостепріимство. Улица была пустынна. Лошади стояли, снѣгъ блѣстѣлъ, куля овса какъ не бывало. Бросились по избамъ спрашивать. Одни совѣтовали догонять направо, въ поле — видимо, кто-то проѣхалъ и зацѣпилъ. Другіе — по проселку мимо коноплей.

Панкратъ Ильичъ бросился было наперерѣзъ воображаемому врагу, коноплянникомъ мимо ригъ, но добѣжавъ до большой дороги, сразу оглядѣвшись вдаль во всѣ стороны, будто сообразилъ, и назадъ шелъ уже мрачно, не торопясь.

— Своихъ рукъ дѣло,—вполголоса сказала Христофорову, злобно блестя глазами. — Да, ищи тутъ! Вонъ — онъ указалъ бровями на молодого малаго, больше другихъ суетившагося: — этотъ и сперъ, пока мы чай распивали. Тутъ-же гдѣ нибудь и спрятали, въ скирдникѣ, на сѣновалѣ. Эхъ ты, сукинаго сына!

Онъ яростно плюнулъ.

Хозяева предлагали обыскать избу и клѣти. Панкратъ Ильичъ молча, безнадежно полѣзъ на чердакъ, шарилъ на дворѣ. Собрался народъ. Шептались. Хозяева принимали невинно-оскорбленный видъ. Явился комиссаръ деревни и потребовалъ документы.

— Сами нивѣсть кто, а туды-же, ищутъ! — говорили въ толпѣ. — Они сами, можетъ, какіе бѣглые!

Документы оказались въ порядкѣ, но Панкратъ Ильичъ сразу что-то сообразилъ, мигнулъ Христофорову и Ванѣ, и черезъ минуту всѣ были уже въ розвальняхъ.

— Ихъ бы самихъ обыскать, сами незнамо что везуть... — раздались голоса, но Панкратъ Ильичъ хлестнулъ своего мерина, а сѣрая кобыла крупной рысью стала догонять его. У крыльца-же толпился народъ, долеталъ смѣхъ и бранныя слова. Когда отъѣхали подальше, Панкратъ Ильичъ пустилъ коня шагомъ, слѣзъ и подошелъ къ розвальнямъ сопутчиковъ.

— Ну, и сыграли дурака! Это-же деревня самая разбойничья, они всѣ тутъ за одно, мнѣ еще наши говорили: въ Куликахъ не останавливаться... Ахъ, сукинаго сына! Да вѣдь это-жъ какъ разъ Кулики и есть. Ну, одурѣлъ, прямо одурѣлъ!

Панкратъ Ильичъ шелъ рядомъ, вертѣлъ цыгарку, ругался и все разглагольствовалъ, какъ бы онъ обошелся съ воромъ, если-бы его поймалъ. И такъ бы онъ его, и этакъ... Но все это были лишь мечтанья. Въ многорѣчьи-же его, возбужденьи, блескъ глазъ было подлинное, непогасшее негодование. Христофоровъ слушалъ молча. Не то, чтобы ему было жаль овса. Но вся исторія съ избой, явно представлявшейся сейчасъ притономъ, смутной тѣнію легла ему на душу. Да, солнце подымается все выше,

пригрѣваетъ, голубыя дали надъ долиной Пахромы струятся по весеннему и кой гдѣ выступаютъ лужи на лугахъ. Но хорошо-бы просто подъѣзжать, къ Москвѣ обычной, не встрѣчая по дорогѣ пятенъ крови. Ну какой контрабандистъ онъ, Алексѣй Петровичъ Христофоровъ? А вѣдь выходитъ такъ.

Ваня молчалъ упорно, мрачно. Христофоровъ вглядывался вдаль, ему казалось, что вотъ-вотъ и заблеститъ на горизонтѣ куполь Христа Спасителя. Панкратъ Ильичъ горячился и сердился. Въ каждой деревушкѣ приходилось спрашивать о дорогѣ, чтобъ не попасть на заградительный отрядъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣй и безнадежнѣе казалось выбраться изъ сѣти, что раскинута вокругъ столицы.

Подъ вечеръ погода измѣнилась. Задулъ вѣтеръ, небо въ тучахъ, мрачный, лиловатый отблескъ легъ на поля, когда подъѣхали къ Николо-Угрѣшскому монастырю. Какъ раньше попадались замершія фабрики, такъ мертвенъ былъ и монастырь, хотя для виду тамъ и помѣщалась дѣтская колонія. Поднялись въ гору, мимо его мощныхъ стѣнъ, вѣтеръ ревелъ въ деревьяхъ, дорога почернѣла. Шли пѣшкомъ. Кормили вновь въ убогой, безответной хатѣ съ землянымъ поломъ, голодной дѣвочкой, качавшей люльку, и голодной бабой. Скорбь нищеты какъ то особенно ударила въ этой пустынной, надъ оврагомъ, хижинѣ съ чернымъ потолкомъ, кислымъ и затхлымъ запахомъ и воемъ вѣтра въ крышѣ. Сквозь оконце надъ темнѣвшимъ горизонтомъ вдругъ легла кровавая полоса заката и еще новымъ сумракомъ отозвалась въ душѣ. „Ну, дальше, дальше, все равно, скорѣй-бы ужъ“...

И съ чувствомъ облегченія и возбужденія усѣлся Христофоровъ въ розвальни, навсегда бросая непривѣтныя мѣста. Панкратъ Ильичъ туго стянулъ поясомъ тулупъ, напялил шапку, видъ имѣлъ серьезный. Проходя мимо розвальней Христофорова, сказалъ кратко:

— Мѣшкать нечего. Ванятка, погоняй кобылу. Ночевать будемъ у старика. Больше и негдѣ.

Самъ сердито стегнулъ мерина, погналъ его внизъ

подъ горку, по лужамъ и ухамамъ распустившейся дороги. Вѣтеръ сталъ бить прямо въ лицо. Заря уже угасала, небо становилось все темнѣй, а вѣтеръ, сырой, порывистый, не унимался, гремѣлъ гдѣ-то желѣзнымъ листомъ, свистѣлъ на мосту, рябилъ лужи и ломалъ льды на рѣкахъ. Самый развесенный вѣтеръ. Христофоровъ чувствовалъ, что теперь надо просто дремать, и терпѣть, надвигается сумракъ и ничего не увидишь, ничего интереснаго нѣтъ, а ночлегъ ужъ въ Москвѣ... Онъ тамъ не былъ давно, кой о комъ зналъ, кой кого уже нѣтъ. Что-жъ, съ Москвой много связано, но теперь идетъ иное, вотъ частица его даже здѣсь, на облучкѣ розвальней. И вмѣсто того, чтобы дремать, онъ вдругъ спросилъ, изъ глубины своей шубы, негромко, привѣтливо:

— Что-же Ваня нашъ невесель, что головушку повѣсилъ?

Ваня обернулъ свое пріятное лицо, слегка обвѣтренное, еще гуще загорѣвшее отъ дней дороги, улыбнулся.

— Я не повѣсилъ, Алексѣй Петровичъ. Слава Богу, ѣдемъ, поскорѣй-бы только ужъ... Темноты заставать не хочется. Здѣсь, подъ Москвой, мѣста непокойныя.

„А самъ какой покойный“, про себя подумалъ Христофоровъ. „Вотъ вамъ и Россія. Ужъ чего страшнѣе время...“

— Ваня, неужели вы вчера совсѣмъ не поняли... о голубой звѣздѣ?

Ваня удивленно на него взглянулъ.

— Я такъ не говорилъ. Для васъ я даже очень понимаю. Я хотѣлъ сказать, что это не для насъ. Я вѣдь простой, Алексѣй Петровичъ, мѣщанскій сынъ. Люблю, такъ ужъ люблю, не люблю — кончено.

— Ну, тоже не совсѣмъ простой...

Помолчали.

— Вы очень рано взрослый, очень скрытный, очень самъ съ усамъ...

— А что вчера наболталъ? — хмуро сказалъ Ваня.

— Почему вамъ это непріятно?—спросилъ Христофоровъ, тише, съ нѣкоторой глухотою въ голосъ. — Ну, вы

сказали о своей любви. Но я вашъ другъ, вѣдь я-же не болтунъ, что вы довѣрили, то и не выйдетъ...

Ваня вздохнулъ.

— Конечно. Все-таки, нѣтъ. Ослабѣвать не надо. А вчера я ослабѣлъ.

Стало совсѣмъ темно. Кобыла шла покорно, слѣдомъ за Панкратомъ Ильичемъ. Ваня не правилъ. Оба думали о чемъ то и молчали.

На одномъ спускѣ Панкратъ Ильичъ приостановилъ мерина, вылѣзъ и подошелъ къ спутникамъ. Въ темнотѣ, направо, чуть свѣтился огонекъ.

— Ну, вотъ, Ванятка, видишь этотъ домъ? Скоро подъѣдемъ. Это такъ тутъ... Постоялый дворъ. Только не остановимся. Жулье разное. Мѣстечко паршивое, послѣднее подъ Москвой. Дорога внизъ спускается, и въ родѣ-бы ложочкомъ, а тамъ мостъ. И такъ что у насъ слышно, въ этомъ-то трактирѣ собираются, присматриваютъ, чѣмъ-бы поживиться. Ну, вы и поглядывайте...

— Есть, — глухо отвѣтилъ Ваня. — Знаю.

Панкратъ Ильичъ молча тронулъ предохранитель браунинга. Пошелъ къ своимъ розвальнямъ.

Сквозь мглу, черноту вѣтра огонекъ сталъ ярче. Скоро выдвинулся и самый домъ — одиноко стоялъ при дорогѣ, двухэтажный, будто трактиръ. У фонаря лошадь въ пошевняхъ. Въ нижнемъ этажѣ чайная, сквозь тусклое оконце видно нѣсколько человѣкъ.

— Они самые и есть, — шепнулъ Ваня.

За домомъ, по откосу, начинался лѣсъ, и спускался вдоль дороги ниже. Вѣтеръ гудѣлъ въ немъ. И вокругъ была глубокая пустыня.

— Ваня, почему вы сказали: знаю?

— А я и правда зналъ, Алексѣй Петровичъ, мнѣ еще въ городѣ говорили. Я вамъ не сказалъ... не хотѣлъ тревожить, — прибавилъ онъ сдержанно.

Панкратъ Ильичъ пустил меринка полной рысью, Ваня тоже хлестнулъ кобылу. Въ темнотѣ розвальни быстро покатали внизъ, иной разъ шли въ раскатъ, стукались раз-

водами о край дороги, кренились, а потомъ чиркали полозьями по землѣ и все летѣли.

— Не безпокойтесь,—шепнулъ Ваня:—въ случаѣ чего, я буду васъ оборонять.

Христофоровъ слегка пожалъ его руку.

— И у васъ револьверъ?

Ваня слегка приникъ къ нему, толчки саней какъ будто-бы тѣснѣй сливали ихъ, голосомъ сдавленнымъ и почти страстнымъ онъ опять шепнулъ.

— Нѣтъ. Финскій ножъ. Ежели на васъ — зарѣжу...

Христофоровъ поднялъ воротникъ шубы, лѣвой рукой крѣпче держался за разводъ. Справа онъ чувствовалъ напряженное, ставшее нервнымъ и электрическимъ тѣло Вани. Вѣтеръ свисталъ, сбруя моталась, черезсѣдельникъ танцовалъ, хомутъ наѣзжалъ кобылѣ на уши, но увлекаемая меринкомъ, она взволнованно, сама не зная какъ, неслась внизъ все быстрѣе. Ваня дернулъ возжами, она тяжело заскакала. „Да, не выдастъ“, пронеслось въ головѣ Христофорова. „Да, Ваня молодецъ“...

Вдругъ раздалось ясное цоканье подковъ мерина. Кобыла чуть не налетѣла въ темнотѣ на розвальни, тоже перешла на шагъ. Переѣзжали мостикъ. Онъ обтаялъ. Сыро проползали по его настилу. А внизу оврагъ, и лѣсъ, и тьма, и глухо гудятъ сосны.

„Классическое мѣсто нападений“, подумалъ Христофоровъ, съ неприятнымъ стѣсненіемъ въ груди. „Ну что-жь тутъ дѣлать... Кажется, еще подъемъ, но небольшой“... Панкратъ Ильичъ опять сталъ нахлестывать, и лошади, запаренныя, задыхаясь, тяжелой рысью выкатили на взвозокъ. Выемка и оврагъ остались сзади. Развернулось поле, тьма ровная, но вдаль, на горизонтѣ зеленѣли огни, и на небѣ заструилось зарево. Москва! Вотъ она, наконецъ. Сумрачно и зловѣще мигали, переливались свѣтлыя точки. Сколько разъ подѣзжалъ раньше, по желѣзной дорогѣ, и всегда зарево это сіяло, но ярче, пышнѣе. Въ немъ тогда было мягкое, и родимое. „Мать-Москва...“ Голубая звѣзда. Какъ ужасно далеко! А сейчасъ злобный дьявольскій глазъ...

Не свѣтъ. Не легкость, и не радость. Безплотно, злодѣйски полыхаетъ колдовской фейерверкъ.

Христофоровъ вздохнулъ, поднялъ воротникъ снова, глубже вдвинулъ голову въ плечи и расположился дремать. Теперь уже все ясно. Начинаются слободки, гдѣ живутъ огородники, опасности нѣтъ, все позади, подь мостомъ, въ оврагѣ. А черезъ часъ новый ночлегъ, новый чужой пріютъ— ну, развѣ мало ихъ онъ видѣлъ?

И Христофоровъ зѣвнулъ, закрылъ глаза, отдался мѣрному покачиванью розвальней.

Его разбудилъ рѣзкій толчекъ. Сѣрая кобыла вдругъ остановилась, онъ чуть не упалъ впередъ.

— Панкратъ Ильичъ! — крикнулъ Ваня.

Христофоровъ видѣлъ, какъ какая-то фигура сбоку бросилась на Ваню, чьи-то руки слѣва стали шарить и тащить изъ подь ногъ Христофорова. Онъ поднялся въ саняхъ, не снимая шубы, и сдавленнымъ голосомъ пробормоталъ:

— Что вы тутъ... зачѣмъ это...

Его ударили по уху. Онъ покачулся и упалъ на борющихся. Вновь тѣ-же руки ловко выбрасывали изъ розвальней вещи. Вдругъ изъ клубка Вани раздался вопль и фигура метнулась изъ саней на дорогу. Ваня за нимъ, и какою-то силой, ему самому непонятной, выскочилъ вслѣдъ и Христофоровъ.

— Васька, — завопилъ голосъ изъ-за Вани, — у нихъ орудіе, зарѣзалъ... голубчики... Пали, чортъ, Васька, пали...

Христофоровъ обернулся, нескладно развелъ и поднялъ руки въ тяжелыхъ рукавахъ шубы, какъ бы заслоняя борющихся, и прямо въ лицо ему дыхнулъ жаръ выстрѣла. На этотъ разъ что-то горячее и острое толкнуло въ грудь, и такъ-же, размахнувъ руками, онъ упалъ въ грязь на спину. Надъ нимъ раздались новые выстрѣлы, стонъ, борьба, матерная брань Панкрата Ильича, вновь выстрѣлъ, топотъ убѣгавшихъ ногъ.

VI

Акимъ, старичекъ въ валенкахъ, дядя Панкрата Ильича жилъ сторожемъ на заброшенной фабрикѣ подь Москвой.

Онъ зналъ, что будетъ ночевать племянникъ. И когда вечеромъ, въ десятомъ часу, раздался стукъ въ ворота, спокойно надѣлъ рваную ватную шапченку, взялъ фонарь и пошелъ отворять. Но совсѣмъ взволновался, увидавъ тяжело раненаго.

— Милицію, сейчасъ-же, — мрачно сказала Панкратъ Ильичъ. — Помретъ, хлопотъ не оберешься.

И видъ его, и тонъ были такъ крѣпки, что не приходилось разговаривать. Едва введя ихъ, заперевъ ворота, Акимъ отправился на ближайшій постъ.

Черезъ часъ все было кончено. Христофоровъ лежалъ въ большой комнатѣ бывшей квартиры директора, гдѣ жилъ теперь Акимъ, дышалъ тяжело, задыхался, но объяснилъ отчетливо, какъ все случилось. Милиціонеры были все знакомые. Ихъ угостили спиртомъ, они не очень то настаивали, зачѣмъ Ваня и Панкратъ Ильичъ ѣхали въ Москву. Потомъ ушли. Началась долгая ночь.

Въ сосѣдней комнатѣ Акимъ стелилъ себѣ и приѣзжимъ. Панкратъ Ильичъ пилъ безконечно чай и волновался, безъ конца рассказывалъ.

— Меня, значить, сукины дѣти, впередъ выпустили — услышитъ выстрѣлы, самъ удереть. А Ваняткину кобылу сейчасъ это подъ уздцы, и на ихъ съ двухъ боковъ. Я какъ услышалъ, у меня подъ сердце и подкатило, ахъ, думаю, какая сволочь, грабители проклятые, а у самого орудіе готово. Остановилъ мерина, выскочилъ изъ саней, бѣгу, самъ объ одномъ только и думаю: Господи Боже ты мой, дай мнѣ только не промахнуться, прямо весь бѣгу, весь дрожу... Для острастки раза два въ воздухъ садануль, подбѣгаю, а они волчкомъ катаются, и вотъ Ванятка сурьезный оказался, такъ что успѣлъ финскій ножъ выхватить, и тому въ пахъ довольно хорошо двинуль.

— Все бы одно другой застрѣлилъ, — мрачно прервалъ Ваня. — Меня Алексѣй Петровичъ собой загородилъ. Вотъ и хрипять теперь...

Ваня вдругъ всталъ, подошелъ къ окну, уставился въ темноту ночи.

— Это бесспорно и без сомнѣнія, чтобы застрѣлилъ...

Потому я еще порядочно далеко былъ.

Акимъ почтительно охалъ. А Панкратъ Ильичъ, весь разгорѣвшийся отъ чая и волненія, рассказывалъ, какъ выстрѣлилъ, наконецъ, и онъ, и подбилъ „стервецу“ руку.

— Ну, тотъ дерака. Который лошадь держалъ, еще ранѣ залился, а на послѣдняго ужъ мы съ Ваняткой принасъли. Очень просился, отпустите, молъ, голубчики... Нѣтъ, шалишь, поздно.

— За что такое нашъ середь дороги лежитъ, кровью плюетъ? У меня обойма еще свѣжая была. Я на его верхомъ сѣлъ, а Ванятка ноги придерживаетъ. Я его сначала браунингомъ по мордѣ училъ, такъ что даже все орудіе загвоздалъ кровью, а потомъ усталъ. Что такой за работникъ я, думаю? Заложилъ обойму да какъ ахнулъ ему околъ уха...

— Это, конечно, нельзя простить, — съ почтеніемъ подумалъ Акимъ. — Разумѣется дѣло, какъ слѣдуетъ поучили, теперь иначе нельзя. Взять бы нашу фабрику. Почитай всѣ ремни срѣзали. Истинный Господь. Такъ кусками и рѣжутъ, вамъ-же, въ деревню, на муку вымѣниваютъ...

Ваня вошелъ къ Христофорову. Свѣча на комодѣ была заставлена ширмочкой, оранжевый сумракъ стоялъ въ комнатѣ. Когда-то здѣсь жили съ достаткомъ, прочно. Стоялъ шкафъ и комодъ, висѣли портреты, на окнахъ портьеры. Теперь чужой человѣкъ, съ полузакрытыми голубыми глазами, длинными слипшимися усами и свѣтлой бородкой лежалъ на спинѣ, тяжело дышалъ, иногда кашлялъ и плевалъ кровью. Ваня сѣлъ у его ногъ, въ мягкое кресло. „Доктора раньше утра не будетъ...“ Онъ закрылъ глаза. „Ну, да что... доктора...“

Акимъ съ Панкратомъ Ильичемъ укладывались спать. Тихо было за тяжелыми гардинами, на пустынномъ дворѣ пустой фабрики. Ванѣ казалось, что вообще никого нѣтъ больше — онъ, да Алексѣй Петровичъ. Въ покорности положилъ онъ свою голову на постель, у ногъ Христофорова. Такъ было лучше. „Ну, вотъ, говорилъ видъ его: я передъ тобою. Одинъ я здѣсь, и не уйду“.

Христофоровъ зашевелился. Ваня подаль ему стаканъ теплаго чая. Тотъ отхлебнулъ.

— Гдѣ это я?

Ваня объяснилъ.

Христофоровъ взялъ Ванину руку.

— Хорошо, что ты со мною. Лучше. Веселѣе.

— Алексѣй Петровичъ, — сдавленно сказалъ Ваня, — зачѣмъ вы... зачѣмъ вы тогда... вмѣшались?

— Не помню. Такъ, значитъ, надо было. А ты... живъ? Совсѣмъ? Ну, слава Богу.

Онъ продолжалъ держать его руку въ своей. Ваня замѣтилъ — въ первый разъ онъ назвалъ его на ты.

Христофоровъ молчалъ довольно долго.

— Ты молодой... Тебѣ жить. Совсѣмъ молодой.

Ночь шла медленно, и тяжело. Христофоровъ сильно страдалъ, хрипѣлъ, задыхался. По временамъ бредилъ и бормоталъ.

Очень поздно — Ваня думалъ, что уже передъ разсвѣтомъ, но въ дѣйствительности до разсвѣта было далеко — Христофоровъ вдругъ обѣими руками потянулся къ Ванѣ. Тотъ надъ нимъ наклонился.

— Живи, живи, хорошо живи... меня помни.

Когда поднялись Акимъ и Панкратъ Ильичъ, Христофоровъ лежалъ съ правильно сложенными руками, и закрытымъ глазами. Ваня причесалъ его своей гребенкой. На лицѣ Вани, поблѣднѣвшемъ и осунувшемся, остались сухіе размывы слезъ.

Увидавъ Христофорова, Панкратъ Ильичъ перекрестился, низко ему поклонился.

— Эхъ, Алексѣй Петровичъ, милый человекъ... Ни за понюшку табаку!

Потомъ обернулся къ Акиму.

— Не къ нашимъ временамъ, нѣтъ... Нынѣ надо зубы волчи.

А когда старуха взялась обмывать тѣло, онъ замѣтилъ:

— Бхать-же намъ надо незамедля. Опять оттепель. Часа пропустить нельзя. Распустить, и домой не доберемъ.

— Поѣзжайте, — сказалъ Ваня. — Я до похоронъ останусь, все равно.

Панкратъ Ильичъ посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ. И молча пошелъ запрягать своего мерина.

Пюжеть, авг. 1926.

Провансъ.

Авдотья - смерть

I

Черезъ два дня какъ выпалъ снѣгъ, когда въ комнатахъ стало свѣтлѣе, вмѣсто тряской, мерзлой земли розвальни заскользили по бѣлѣющей прохладѣ, когда запахло до слезъ снѣгомъ и пронзительно-горестно, остро выступили свинцовыя дали,—въ деревушкѣ Кочкахъ у комиссара Льва Головина появилась баба. Левъ, человѣкъ огромный, вялый, съ грыжей, съ большимъ носомъ, рыжеватой бородой, привыкъ ничему не удивляться. Онъ неторопливо копошился у розвальней, ладя по новому оглоблю, когда высокая, тощая баба окликнула его..

— Мы самые и есть, — отвѣтилъ Левъ, съ усиленіемъ, изо всѣхъ силъ затягивая петлей веревку. — А ты кто-же будешь?

— Что-жъ, милокъ, или меня не узналъ? Еще Матюшкина то вдова, вашего-же, кочкинскаго? А какъ я теперь безъ пропитанія, да бабка на рукахъ слѣпая — разрази ее Господь — да Мишка несмышленный, жрать то нечего, прямо какъ рыбочка бьешься...

Баба мало была похожа на рыбочку, говорила низкимъ, почти мужскимъ голосомъ, но всхлипнула искренно.

— Ну, вотъ, я сюда и подалась, и добѣжала...

— Та-акъ... Левъ равнодушно почесался. — Матюшкина вдова. Да онъ что-жъ, у насъ жиль? Онъ у насъ почитай и не жиль. Все въ городѣ околачивался.

— Какъ такъ околачивался? Забылъ ты все, милокъ, и меня, тетку Авдотью не призналъ...

— Тебѣ чего-же надо?

За плечами у Авдотьи висѣла котомка. Худа она была до чрезвычайности. Опираясь на длинную палку, пристукнувъ ею, придвинулась шага на два.

— Какъ чего? Вы то, небось, барскую землю забрали, а вѣдь я тоже общественная, какъ рыбочка бьюсь, бабка слѣпая, Мишка несмышленный...

Дѣло было ясное, несмотря на множество ненужныхъ словъ. Она хотѣла, чтобы ей прирѣзали земли. Левъ это сразу понялъ, но сначала сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, а когда долѣе не понимать стало нельзя, принялся равнодушно объяснять, что хоть и правда, взяли землю у господъ, но ея стало даже меньше. Левъ Головинъ глубоко былъ увѣренъ въ правдѣ своихъ словъ. Но сразить Авдотью тоже нелегко. На слово она отвѣчала десять, блѣдныя ея губы дрожали, мужской голосъ хрипѣлъ свое, она пристукивала палкой и плотнѣе насѣдала на Льва.

— Тогда ужъ надо обществу... какъ общество тебѣ рѣшить, такъ и быть.

Подъ *тогда* Левъ разумѣлъ: если ужъ ты такая стерва, что отъ тебя мнѣ не отдѣлаться, такъ пускай общество отдѣлывается.

И какъ ни безразличенъ, медленъ, отъ ноющей грыжи ни меланхоличенъ былъ комиссаръ Левъ Головинъ, все-же ему пришлось подъ вечеръ созвать сходъ и доложить о дѣлѣ. Никому не было оно въ радость. Но Матюшка, правда, нѣкогда жилъ въ Кочкахъ. У него нашлись даже родственники. Авдотья, какъ приبلудный песъ, сидѣла на крыльцѣ и грызла корку.

— Я это, значить, оглоблю лажу,—разсказывалъ комиссаръ медленно и грустно: — а она вотъ какъ вотъ... И откуда ее принесло? Изъ подъ земли выскочила! Или ужъ ее вѣтромъ къ намъ надуло, со снѣгомъ по первопутку?

— Ее не надуешь! — сказалъ кривенькій мужиченко Кузька. — Она сама, смотри, какого ходака задаетъ. Я видѣлъ. Я съ ней говорилъ. Пря-ямо... Изъ ноздрей огонь. Что твой скакунъ.

— Ейный упокойный мужъ, дѣйствительно сказать, былъ нашъ кочкинскій, то не миновать намъ дать ей земли, что мы на этомъ сходѣ и должны привести въ дѣйствіе — бойко произнесъ одутловатый человѣкъ съ шарфомъ на шеѣ, бывший приказчикъ, а нынѣ состоятельный крестьянинъ Федоръ Матвѣичъ — и этимъ рѣшили дѣло.

Постановили: землю дать, на одну душу. Поселить въ бывшей господской молочной.

Узнавъ объ этомъ, Авдотья перекрестилась, низко поклонилась мужикамъ и, взявъ свою палку, огромными шагами зашагала первопуткомъ къ станціи — за Мишкой и бабкой.

— Видишь, какъ чешеть, — сказалъ Кузька. — За ней на меринѣ не угонишься.

Авдотья быстро скрылась въ мглѣ.

II

„Бывшая господская молочная“ — значило небольшая изба, съ землянымъ поломъ, гдѣ нѣкогда гудѣлъ сепараторъ. Рукоятку его вертѣла тогда Маша Головина, она же наливала фляги Николая Степановича и отправляла ихъ на станцію. Отъ этого былого, какъ отъ романа Маши съ Пермяковымъ, мало что осталось, кромѣ самой избы. Крестьяне деревушки Кочки давно забрали барскихъ коровъ, и съ огорченьемъ сами вынуждены были ихъ отдать въ городской совѣтъ. Сепараторъ продали куда-то. Николай Степановичъ, столь любившій чинность и порядокъ, такъ и умеръ въ очкахъ и старой своей форменной тужуркѣ на красной подкладкѣ. И изъ большого дома, со второго этажа котораго былъ виденъ прудъ, уголь липового парка и бугоръ передъ глазами, замыкавшій горизонтъ, Варвара Михайловна не по своей волѣ переселилась во флигель. Но какъ разъ она и измѣнилась меньше всѣхъ. Хотя имѣла лишь надѣлъ (считаясь членомъ кочкинскаго общества), но такъ-же строго и спокойно принимала комиссара Льва Головина на кухнѣ, говорила ему „ты“, и въ

бобровой шапкѣ и шубкѣ, съ палочкой, медленно и властно обходила прежнія свои владѣнья, заглядывала въ амбаръ, половину котораго — въ награду за боевыя заслуги — увезъ лѣтомъ красноармеецъ Филька, подкармливала куръ и голодныхъ стариковъ, занимавшихъ часть большого дома, продавала мельнику-сосѣду кое что изъ старья, и какъ и встарь обладала непререкаемымъ авторитетомъ. Лиза за это время потеряла мужа. Возвратилась на родное пепелище — въ прежней дѣвической своей комнатѣ учила кочкинскихъ дѣтей — все, какъ по старому.

Когда въ одинъ прекрасный день Авдотья со слѣпой бабкой, съ Мишкой, двумя пѣтухами, сундукомъ и разнымъ жалкимъ скарбомъ ввалилась въ усадьбу, Варвара Михайловна не удивилась. Она вообще была выдержана, за это-же время ея старые, нѣкогда очень красивые глаза привыкли все принимать какъ должное.

— Еще одна пан-сіонерка у насъ появилась, — сказала она Лизѣ, отдавая комиссару ключъ отъ избы. — Въ молодой жить будетъ.

Варвара Михайловна произносила „пан-сіонерка“ съ французскимъ выговоромъ, такъ учили ее нѣкогда въ Петербургѣ, въ пансіонѣ мадамъ Турба. Но мало была похожа Авдотья на прежнихъ ея сотоварокъ.

На Лизу она произвела довольно сильное впечатлѣніе.

— Подумать только, что вотъ и эта Авдотья была молода... Можетъ, любила кого, замужъ выходила...

— Ну, это ничего не значить. Знаешь, какъ у нихъ: нужна работница въ домъ. А невѣста смотреть, какая у жениха стройка.

Варвара Михайловна вообще была скептикъ. На многое, что волновало, или восторгало Лизу, смотрѣла равнодушно. Лиза такъ привыкла, что мать для другихъ жила — для отца, для нея — Лизы, — такъ ей было ясно, что некрупная старушка съ профилемъ Данте Алигieri есть образецъ безупречный, что даже этотъ холодокъ былъ свой, давно привычный. Какъ привычно, хоть и грустно было то, что мать безразлична къ вѣрѣ.

Авдотья-же не занималась тонкостями, нѣжностями.

Она кипѣла. Ей все равно, вѣрить или нѣтъ слѣпая бабка. Но огорчало, выводило изъ себя, что бабка „много жгретъ“.

— Ахъ ты, праликъ тебя расшиби, волосатикъ тебя заѣшь, — кричала она мужскимъ голосомъ, — да что-жъ мнѣ на тебя, на старую кобылу милостыньку собирать? Я бѣгаю, бѣгаю, прошу у добрыхъ людей, всѣ ножки отбѣгала, а она жгретъ да жгретъ, знай лопааетъ, у-у, вредная стерва...

Стерва безотвѣтно сидѣли на завалинкѣ, пялила слезящіяся бѣльма и ждала, когда дочь дастъ ей по уху. Ждала не напрасно. Мишку Авдотья трепала за уши, а бабку била кулакомъ, иногда палкой, прямо по лицу. Бабка стонала — по старости громко кричать не могла. На другой день лицо ея покрывалось зелеными пятнами.

На одну изъ такихъ расправъ случайно наткнулась Лиза. Какъ и въ дѣтствѣ при видѣ жестокостей и надругательствъ, вся побѣлѣла, и сразу почувствовала тошноту.

— Что вы дѣлаете, Авдотья?

Обернувшись, та увидѣла „молодую барыню“ — и сама испугалась: не грозности этой барыни, а того, что она, все-таки, „барыня“.

И отскочила отъ бабки.

— Да я, милокъ, я это маленько... только что получила... У-у, она вредная... вы ее, барыня, не знаете.

— Да вѣдь она вамъ мать...

— Только и дѣлаетъ, жгретъ съ утра до вечера, а ужъ я всѣ ноженьки отмотала... Ты чего, паршукъ смотришь — крикнула на Мишку, съ любопытствомъ взиравашаго, какъ „учать“ бабушку. — Я тебѣ задницу-то надеру, колесомъ у меня пойдешь, сукинъ котъ...

— Сама сука... — Мишка осмѣлѣлъ, что рядомъ Лиза, и шморгнувъ носомъ, стрекнулъ ко флигель.

Лиза почувствовала, что дальше ничего сказать не можетъ, расплачется — и, махнувъ рукой, пошла себѣ во флигель.

Варвара Михайловна много спокойнѣе отнеслась къ дѣлу.

— Ты очень жалостливая, и всегда такая была. Съ ними нужно крѣпче нервы. Они всѣ такіе. А ты думаешь, другіе лучше? Они не такъ чувствуютъ, какъ ты...

— Ахъ мама... бабка старая, слѣпая. И съ какимъ ожесточеніемъ она ее колотитъ...

— Ну, кто-же говорить! Кто это одобряетъ! Вотъ, придетъ ко мнѣ, я ей такой репримандъ сдѣлаю...

Авдотья заявила въ тотъ-же день, въ сумерки. Клубъ пара и холода ворвался въ кухню, когда костлявою рукой рѣзко дернувши входную дверь, она вошла съ мороза. Въ рукахъ длинная палка. Какъ всегда, рванный тулупъ, глаза бѣлесы, безпокойны.

— Я къ вашей милости, матушка барыня. Тамъ вотъ это, позади хригеля вашего березочка одна такая... на кой она вамъ? А прямо мерзну, силушки моей нѣтъ, полъ холодный, бабка жалуется.

Варвара Михайловна стоитъ посреди кухни, около плиты, и смотритъ, какъ вскипаетъ каша.

— Нѣтъ, нѣтъ, березку не позволю. Это баловство. Руби хворостъ въ оврагѣ. Тамъ сколько угодно. Да вотъ еще что: если ты у меня въ усадьбѣ будешь драться, такъ смотри...

— Что вы, что вы, милокъ барыня, какое драться, я и отродясь-то не дралась, я смирная бабочка.

— Если будешь со своей старухой скандалить, такъ и духа твоего здѣсь не окажется...

Авдотья продолжаетъ увѣрять, что она самая тихая бабочка. Но для барыни готова даже не учить свою стерву, а въ оврагъ что-жъ, въ оврагъ, конечно, можно сходить порубиться...

Тонъ Варвары Михайловны дѣйствуетъ. Быть можетъ, кажется Авдотѣ, что если барыня такъ властно говоритъ, значитъ, и власть имѣетъ выставить ее изъ молочной. Соображаетъ-ли о томъ, что самое Варвару-то Михайловну и Лизу много легче вышвырнуть изъ флигеля, чѣмъ ее изъ молочной? Какъ бы то ни было, по остатку-ли боязни, въ надеждѣ ли на мелкія подачки — ихъ дѣлаютъ на кухнѣ постоянно — Авдотья удаляется покорно. Смирно мѣряетъ

саженными шагами путь домой. Изъ окна смотритъ Лиза, задумчиво, съ сумрачнымъ недоумѣніемъ.

Послѣ ужина мать въ столовой подъ висячей лампою раскладываетъ свой пасьянсъ. Лиза говоритъ:

— Знаешь, когда она такъ шагаетъ, и съ этою палкой... ну, точно смерть. Прямо скелеть, кости гремятъ, и за плечами коса.

Варвара Михайловна, изъ подъ пенснэ, поднимаетъ на нее красивыя и строгіе глаза.

— Ну, какая тамъ смерть. Просто попрошайка. Это тебѣ все кажется.

III

Николай Степановичъ лежалъ за церковью на кладбищѣ, подъ бѣлымъ березовымъ крестомъ. Зимній вѣтеръ трепалъ тонкую кожицу бересты, наносилъ сугробъ, заматалъ засохшіе цвѣты и мелкой снѣжной пылью пѣлъ вѣчную пѣснь печали и бренности. Лиза иногда заходила къ отцу. Пробиралась полузанесенной тропкою, стояла, разгребала цвѣты, поправляла перекладину, крестилась, и такъ же истово и медленно шла домой. Нѣчто монашеское въ ней проступало.

Близъ ограды парка, изъ-за поворота вдругъ вынырнула какъ со дня морского, длинная и тощая фигура съ палкой и котомкой за плечами.

— А я, милочъ барыня, въ Аленкино добѣжать, сказываютъ, мануфактуру привезли, по полтора аршинчика выдаютъ... Я тутъ однимъ махомъ, къ обѣду домой...

„Въ Аленкино... — Лиза медленно подходила къ дому. — Десять туда, десять обратно, къ обѣду домой...“ И обычная тоскливость, тяжесть встрѣчи легла на сердце.

Авдотья-же въ это время, на длинныхъ своихъ ногахъ, точно-бы на ходуляхъ, неслась въ горку за рѣчкой, откуда видѣлась и церковь, и паркъ, и двухэтажный „господскій домъ“. Если-бы обернулась, увидѣла-бы и крестъ Николая Степановича, но оборачиваться ей некогда, впереди поля бѣлыя и холодныя, дальнія, съ рѣзкой поземкой по насту,

летающей и вьющейся ледяными струями — какъ они изви-
ваются, то вздувають сугробъ вокругъ елочки-вѣшки, то
сметаютъ съ обледенѣлой лысины все до чиста! То ша-
гаетъ она по дорогѣ почти что скользкой, то вдругъ вяз-
нетъ чуть не по колѣно — въ малѣйшемъ ложочкѣ. А вре-
мени небогато, засвѣтло обернуться, да по дорогѣ, въ Ку-
нѣевѣ, хлѣбушка раздобыться... хоть горбушку — и самой
голодно, да и Мишка все ноетъ, и бабка..

— О, Господи, да уברי ты ихъ отъ меня, окаянныхъ
праликовъ! Заточили, треклятушіе!

Современъ „реприманда“ Варвары Михайловны Авдотья
первое время была потише, но потомъ приловчилась, и била
старуху съ неменьшимъ усердіемъ, но тайно, и запирала
въ избѣ, пока синяки не сходили. Била за все — за разби-
тую, по слѣпотѣ, чашку, за то, что обмочилась, что дверь не
прикрыла. Въ этомъ то исходила нѣкая сила, гнѣздившаяся
въ поджаромъ Авдотьиномъ тѣлѣ, та сила, что гнала за
десятки верстъ по снѣгамъ за аршинчикомъ ситца, краюш-
кою хлѣба для той-же „стервы“. Она и сражалась, носи-
лась, выклянчивала — въ этомъ кипѣнии жизнь.

И вотъ наступило время, когда предназначено было
бабкѣ отдохнуть отъ войны и боя. Авдотья въ то время
рыскала далеко. Мишка-же съ любопытствомъ, и въ оди-
ночествѣ слушалъ, какъ бабка стонала, охала, смѣшно икала.
Пользуясь тѣмъ, что нѣтъ матери, Мишка босой вылетѣлъ
изъ молочной, съ крикомъ побѣды, маршъ-маршъ проно-
сился взадъ впередъ по дорогѣ. Это казалось ему смѣ-
лымъ, прекраснымъ.

Когда въ послѣдній разъ онъ вскочилъ въ избу, бабка
уже не икала. Мишка потрогалъ ее за рукавъ, она не ше-
велилась. Онъ испугался, побѣжалъ „къ барынѣ“.

На другой день Авдотья съ утра заявила къ Вар-
варѣ Михайловнѣ.

— ^ББарыня, дозвольте ту сосенку то, во-о, надъ пру-
домъ, мужичкамъ срѣзать, тамъ аккуратъ моей гробъ вый-
детъ — охъ, ужъ долгая-же уродилась, прости Господи..

Авдотья была сумрачна и озабочена, и опять недо-
вольна — да и правда, выросла-же бабка такая „долгая“,

чуть ли не поль-сосны подь гробъ... Да еще захотятъ-ли „мужички“, да за попомъ... Ахъ, жизнь каторжная!

— Да-а,—говорилъ подь вечеръ Левъ Головинъ, со всегдашней медленностью и грустью плотнику Григорію Мягкому, который пилилъ съ Кузькой доски на гробъ.—Вотъ и накрыла бабенка. Тепереча она на насъ поѣдетъ. То ей подводу дай, то дровецъ наруби, то вотъ зачнутъ помирать, тутъ и гробовъ не наготовишься.

— Гдѣ наготовишься, мрачно сказалъ Мягкій.

— Ты погоди, вотъ придетъ весна, ты на нее напа-шешься. Земли ей дай, сѣмя-новъ дай, лошадь скородить дай... ты ей все дай, а она тебѣ знай какъ домовой кружить будетъ. Нынѣ тутъ, завтра въ Аленкинѣ, а тамъ, смотри, до Страхова докинется...

Левъ Головинъ вздохнулъ.

— И какъ это она, тогда, точно изъ подь земли выскочила... Или ее вѣтромъ надуло?

Голодный попъ быстро отпѣлъ бабку въ нетопленной церкви. Бабка лежала въ гробу мерзлая, синяки на лбу и щекѣ пожелтѣли, и все то худое, костлявое, и очень длинное, что когда-то носило имя Елены, и пѣло пѣсни, быть можетъ, любило — на сѣрыхъ суровыхъ полотнищахъ сошло вглубь земли, рядомъ съ Николаемъ Степановичемъ. Лиза бросила ей — первая — горсть земли. И Авдотья завывала: такъ полагалось въ деревнѣ, а можетъ быть, не только что полагалось...

Мишку весьма занимало, куда прячутъ бабку, но мѣшалъ кашель, начавшійся съ ранняго утра. Мишка зябъ, дрожалъ. Вернувшись съ похоронъ, забился на печку, гдѣ прежде грѣлась бабка.

— У-у, дармоѣдъ, знай по лежанкамъ лазить!

Авдотья гремѣла посудой, скребла, терла, видно, была въ сильномъ возбужденіи, сама какъ будто-бы не знала твердо, плакать ей, или ругаться. На всякій случай дала Мишкѣ подзатыльника, чтобы не „лаялъ“. А онъ лаялъ здорово, всю ночь. Авдотья даже иногда сквозь сонъ слышала кашель, и съ остервенѣніемъ переварачивалась — поспать не дастъ, праликъ! Вообще тяжело какъ-то и скверно

было. Мерещился все холодъ, и поля, свистъ вѣтра, бѣлыя змѣи метелей... Въ избѣ сильно дуло изъ оконъ, и снизу съ полу.

На другой день Мишка не поднялся. Авдотья-было разозлилась, но увидѣвъ, что онъ весь горячій, кашляетъ и глаза мутные, не тронула. Укрыла его бабкинымъ тулупомъ, а сама пошла „къ барынѣ“ за подмогой.

— Онъ у тебя босикомъ по улицѣ носится, вотъ и дождалась,—сказала строго Варвара Михайловна.—Смотри, чтобъ воспаленье легкихъ не схватилъ.

— Да что мнѣ, барыня-милокъ, что мнѣ со стервецомъ подѣлать? Я ужъ ему и то говорю: сукинъ котъ, сиди дома, уши оборву...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты пожалуйста потише. Здѣсь не кабакъ.

Лиза заходила къ Мишкѣ нѣсколько разъ.

— Какъ у нихъ ужасно,—говорила потомъ матери.—Воздухъ... грязь, какой-то мракъ, холодъ... Я прямо боюсь этой Авдотьи.

— Ты всегда такая нервная была. Ну, а ужъ теперь, послѣ смерти мужа... Авдотью бояться! Противная баба, больше ничего.

Лиза рѣшила — правда, стыдно такъ бояться и не любить. Надо за нее молиться. И съ этого дня стала она въ одинокой своей молитвѣ, поминая ближнихъ и дальнихъ, прибавлять имя Евдокіи. Когда мысленно, стоя на колѣняхъ, въ темнотѣ, называла ее, казалось, что это не совсемъ та, Евдокія была какъ-то лучше, и благообразнѣе, чѣмъ Авдотья-смерть. И послѣ, раздумывая, Лиза даже стыдилась, что назвала ее смертью. „Господи, вотъ святыя лобызали прокаженных“... И содрогалась. Если представить себѣ, что надо поцѣловать эти бѣлыя губы Авдотьи, костяной оскаль съ запахомъ гниди, могилы, съ фосфорическимъ блескомъ глазъ полуголодныхъ... Нѣтъ, видно, она недостойна!

Мишкѣ давали, что нашлось въ старой аптекѣ: хину, аспиринъ. Но онъ непрерывно кашлялъ. Метался, хрипѣлъ, и сама Авдотья вдругъ стала понурой, тише мѣрила ходу-

лями своими землю. Все-таки ухитрялась „добѣгать“ къ сосѣдямъ, за двѣ версты къ мельнику, въ Козловку къ Аксюшѣ Лапочкѣ.

Однажды, въ холодный предрождественскій день, пробѣжавшись версть шесть, въ сумерки возвращалась она домой, таща за плечами, въ котомкѣ, кое что снѣди. Привычно полаяли на нее собаки въ Кочкахъ, привычно шумѣли березы по канавѣ, окружавшей усадьбу. Станнымъ казался лишь слабенькій отблескъ въ окнѣ молочной. „Не спалилъ-бы, праликъ“... И она наддала ходу. Костлявой рукой крѣпко рванула дверь. Мишка лежалъ на спинѣ, неподвижно, красныя его ручки сложены крестообразно, въ головахъ теплится свѣчка. И Лиза. Въ рукахъ у нея Псалтырь.

Авдотья не сразу сообразила. Холодная струя за ней ворвалась, она не успѣла захлопнуть двери, остановилась, смотрѣла бессмысленно на остренькій носикъ Мишки, на блѣдную Лизу съ глазами во влажномъ блескѣ, и вдругъ вопль, хриплый, глухой поразилъ смраднѣйшій воздухъ — какъ стояла, рухнула Авдотья съ палкой своею, съ котомкой, къ холоднымъ ручкамъ сына.

— Соколь ты мой ясный, орель золотой, дитя ненаглядное...

IV

Дитя ушло, не много вкусивъ въ жизни. И не великъ былъ гробъ его, изъ той-же сосны, творенье тѣхъ-же старческихъ рукъ Григорія Мягкого. Онъ легъ рядомъ съ бабкою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Николая Степаныча.

— Ну, теперь ей будетъ послободнѣй, — сказалъ Левъ Головинъ, возвратившись съ кладбища: — двухъ ртовъ нѣту. Это ужъ куда слободнѣе!

Но мужиченко Кузька замѣтилъ скептически:

— Смотри, дядя Леонъ, она теперь бобылкой будетъ, вовсе насъ окрутить. То ты за нее подводу въ городъ, по веснѣ ты на нее паши... Нѣтъ, намъ не отвертѣться.

Авдотья, правда, стала теперь послободнѣе. Не было

двухъ праликовъ — и никого на свѣтѣ больше не было. Незачѣмъ волноваться, некого бить, не на кого жаловаться, но и не съ кѣмъ дома сказать слова.

Встрѣтивъ какъ-то Лизу, Авдотья сапнула носомъ:

— Вотъ, барыня-милокъ, и дождалася... Вразъ и отчистилась...

Дома Лиза, сидя съ матерью за обѣдомъ, сказала внезапно:

— Все-таки, мнѣ очень жаль Авдотью.

Варвара Михайловна повернула къ ней свой дантовскій профиль, и взглянула темными, красивыми глазами.

— Вѣдь она сама того хотѣла. Сколько разъ говорила. А старуху, въ сущности, заколотила.

— Да, но все-таки...

Лиза осталась при своемъ.

— Ты всегда, съ дѣтства была мягкосердечна...

Разговоръ былъ разговоромъ, канулъ, какъ и все, въ пучину дней. Дни-же набѣгали, пролетали. Мужики въ Кочкахъ хозяйничали, бабы возились съ горшками и печками, Лиза учила, Варвара Михайловна наблюдала, Авдотья, какъ и раньше, все носилась. Казалось иной разъ, при видѣ поджарой бабы съ котомкой и палкой, безъ усталости надъ снѣгами шагающей, что и правда, самъ вѣтеръ несетъ ее...

Наступалъ Новый годъ, январь нашъ. Ледяное встаетъ солнце, въ молочно-розовѣющемъ дыму, съ востока вѣтеръ, обжигающій какъ пламенемъ, снѣгъ на буграхъ блеститъ чешуйками, рѣжущими глаза, нѣтъ силъ смотрѣть, только-бы укрыться, отвернуть голову въ затишье поднятаго воротника. Но какой скрипъ саней! Какая музыка шипѣнья, визговъ, свиста!

Она иной бываетъ въ дни метели. Тогда гудятъ какіе-то могучіе басы, и ухаеетъ, и бьетъ, на флигель, гдѣ ютятся Лиза съ матерью вдругъ налетаетъ цѣлая рать бѣшеная, хлопаеетъ, затрясаетъ крышей, ахнетъ въ трубу, смолкнетъ на мгновеніе, чтобы дать мѣсто слѣдующей, и къ утру такъ навѣетъ сугробъ у сѣней, что не отворить двери — отканывають.

Въ такой день возвращалась Авдотья домой изъ Аленкина. Вышла сразу-же послѣ обѣда. Было бѣло, дымно-молочно, не очень ужъ холодно — она зашагала своими ходулями, но черезъ часъ приустила. Забрела въ Выселки, къ теткѣ Агафѣ, погрѣться, вздохнуть. Агафья дала ей даже чайку. Выпивъ, та вовсе воспрянула. Хотъ и темнѣло, рѣшила идти.

— Я тутъ, милочъ, однимъ духомъ... Рощицу пробѣгу, а ужъ тамъ все подъ горку, такъ вѣтромъ донести.

Рощицей, недавно вырубленной, а теперь заросшей тонкими осинками, орѣшникомъ, дубками, идти было сносно. Метель бѣсновалась по верхамъ; рвала, расшвыривала по всему полю бурые листочки, уцѣлѣвшіе на дубкахъ, свистѣла въ голыхъ вѣткахъ, наметала сугробы у штабелей дровъ на просѣкѣ. Но въ полѣ не было пощады. Авдотья все-же рѣзво и упрямо зашагала подъ гору, тамъ въ двухъ верстахъ внизу Кочки. Лѣсокъ быстро исчезъ, и вѣтеръ какъ-то билъ съ разныхъ сторонъ. Снѣгъ залѣплялъ глаза, иной разъ и дыханіе захватывало. Вдругъ стало по колѣно, слѣдующій шагъ — по поясъ. Попробовала повернуть. Нѣсколько шаговъ вѣрныхъ — снова сбилась. Туда, сюда, вездѣ „глубко“. Помучилась, побилась, и рѣшила взять направо, цѣликомъ, и до ложочка. А ложочекъ прямо къ Кочкамъ.

Добралась до куста и обрадовалась — ну, сейчасъ ложочекъ, и все ясно. Ухнула за кустомъ въ оврагъ — такъ и надо, отлично. Стало какъ будто тише, но ужъ очень много снѣгу...

Въ тотъ-же вечеръ, передъ сномъ, стояла на молитвѣ Лиза. Было темно, ревѣла за окномъ метель, Лиза клала поклоны, молилась за убитаго мужа, за мать, за себя. Поминала и Мишку, и бабуку. Дойдя до Евдокіи, вдругъ увидѣла: ложбинка, вся занесенная снѣгомъ, и бѣлые вихри и змѣи, фигура высокая, изможденная, съ палкой въ рукѣ, котомкою за плечами, отчаянно борется, мѣситъ въ оврагѣ снѣгъ, и въ бѣломъ, въ такомъ необычномъ свѣтѣ Мишка

и бабка вдругъ появляются, берутъ подъ руки, всё куда-то идуць... Господи, заступи и спаси!

На этотъ разъ напрасно плакался Кузьма. Гражданамъ деревни Кочки не было ужъ никакихъ заботъ, и никакихъ хлопотъ съ Матюшкиной вдовой Авдотьей.

Парижъ
1927 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Тихія зори	3
Священникъ Кронидъ	14
Миоъ	24
Аграфена	31
Заря	63
Жемчугъ	101
Изгнаніе	109
Мать и Катя	130
Рафаэль	179
Улица св. Николая	209
Странное путешествіе	224
Авдотья-смерть	252

Русская Библиотека.

Вышли изъ печати:

1. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“ т. I.
2. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“ т. II.
3. Е. Н. Чириковъ. — „Отчий домъ“, романъ, т. I.
4. Е. Н. Чириковъ. — „Отчий домъ“, романъ, т. II.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
7. Б. К. Зайцевъ. — Разказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.

Печатаются:

6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“. 1914 — 1918 гг.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въездъ въ Парижъ“, разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“. стихотворенія.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтя“.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.

Учебники:

- Е. В. Спекторскій. — Начала науки о государствѣ и обществѣ.
- Б. Н. Протопоповъ. — Учебники общей географіи.
- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ, (выйдетъ изъ печати въ августѣ мѣс.).

Дѣтская Библиотека.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Народныя русскія сказки, вып. 5.
6. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.

Печатаются:

7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

Цѣна 40 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.
Јакшићева ул., бр. 2. Београд.